

Анастасия Масягина

Принцесса - папарацци

Любимый роман, детектив, приключения

Чтобы стать знаменитой журналисткой, Ася Земляникина убегает из дома и переезжает в большой город. Но пока ей отчаянно не везет. Закрутила роман с начальником — осталась и без работы, и без любимого. Бывший шеф предпочел одиночное плавание на яхте по Эгейскому морю. Зато Асю наконец-то взяли на телевидение! Казалось бы, черная полоса теперь должна закончиться, но есть одно но — ее предшественница пропала без вести. Да и жизнь нового возлюбленного полна пугающих тайн. Успех приходит, когда девушка становится папарацци — беспощадным охотником за сенсациями, днем и ночью следящим за звездами шоу-бизнеса. Но что будет, если она сама окажется по другую сторону объектива?

Анастасия Масагина
Принцесса папарацци

Глава 1

Вы любите Новый год? Я — нет. Опять сверкающие и зовущие в сказку витрины на Невском — ничего из этих вещей я не могу купить, разве что пару новогодних шариков, служащих для украшения самой витрины, но они ведь не продаются. Опять ведущие центральных каналов, твердящие, что Новый год — семейный праздник, но мои родители живут в другом городе, билет туда стоит очень дорого. К тому же, мама с папой недавно развелись, и даже если я назанимаю денег и прилечу, они ни за что не захотят сидеть за одним столом и мирно жевать оливье. Кстати, стол, как и остальное имущество, они разделили в суде. И теперь старый друг красуется в маминой однушке на окраине городка, куда она переехала после развода. Новый год — это очередной аврал на работе, потому что наши многочисленные начальники со своими семьями отправляются отдыхать в тёплые страны, кто на Мальдивы, кто в Таиланд или на Гоа, и отдуваться за всех приходится молодому и, конечно, одинокому специалисту, то есть мне. Дескать, раз дома ты всё равно никому не нужна, можешь и поработать.

Но самое ужасное, Новый год — это ожидание чуда, которого ни-ког-да не происходит.

Есть же на свете, должно быть, такие счастливые женщины, у которых любимый муж, белый ковёр в загородном доме, и огонь в камине скачет, отбрасывая смешные отсветы. И пушистый кот, и малыш в колыбельке сопит. И им совершенно наплевать, какие там именно новости у колхозных коров.

К сожалению, всё вышесказанное не имеет никакого отношения ко мне, простой питерской журналистке Асе Земляникиной. Из всего этого великолепия у меня есть только пушистый кот. Серж де Журфак, прошу любить и жаловать. Истинный дворянин, естественно. Родился во дворе факультета журналистики, оттого и получил такое дивное имя.

— Ну вот что, Земляникина! Из каждого колхоза ты мне должна привозить минимум три сюжета! Три! Про коровник, про посев, про свиней!

Главный редактор новостей аж покраснел от натуги. И, видимо, чтобы совсем не закипеть, сплюнул. Хорошо ещё, что не в мою сторону, а в сторону абсолютно обнажённой девушки-манекена в лётном шлеме, служившей украшением его крохотного кабинета.

Шефа, видите ли, разозлило, что я из заснеженного колхоза всего один сюжет привезла. Так зато какой! Про страусов! Как фермер с женой их в свои пуховики кутают и дома от морозов отогревают.

— Ну Михаил Алексеевич... Сами подумайте, какие там новости? Какой посев, какая жатва? Сугробы по пояс кругом!

— Если новостей нет, их надо что? Придумать! Ты журналист или кто? В общем, либо учишься придумывать, либо ищи другую работу.

Лучше бы мне научиться, потому что эту работу я нашла с огромным трудом. Сравнимым разве что с тем треском, с которым я вылетела с предыдущей.

Ну, на самом деле это я сама ушла. Дело в том, что я влюбилась в главного редактора автомобильного издательства. И он в меня вроде бы тоже, по крайней мере, все факты явно на это указывали.

Он всю со мной флиртовал, всячески опекал, а однажды вообще подкинул диктофонную запись, где содержалось роковое признание, сделанное в ходе интервью с

двумя известными автогонщиками, что у него, бедняги, нет ни жены, ни девушки.

Этого я, сами понимаете, оставить без внимания не могла. У меня появилась цель жизни — стать девушкой Данилы Воропаева. Я им буквально бредила.

Прежде всего, мы с Мариной вычислили бар на Пяти углах, где он обычно распивает с друзьями пиво и другие спиртные напитки. С завидным упорством мы просиживали там вечера, взяв по кружке самого дешёвого пива и умудряясь растягивать это сомнительное удовольствие на долгих три часа. Даже при таком раскладе выбранная тактика сильно была по карману со стипендией, и мы уже даже хотели бросить эту безнадежную затею. Потому что по всему выходило, что это не самый любимый бар Воропаева, раз он ни разу за время наших дежурств здесь не появился. Думали уже, что подвела разведка в лице секретарши Алены. Я уже стала подозревать, что это барышня сама влюблена в Данилу и нарочно меня дезинформировала. И тут нам повезло.

Мы пришли, когда они уже уходили. Даня и два его приятеля. Одного я видела пару раз, он заходил в редакцию забрать диски с записью соревнований. Другой был мне незнаком.

— Это он, — тихо сообщила я Марине, кивнув в сторону Данилы.

— Пойдём за ними!

Не раздумывая, моя подруга бросилась вслед за главным редактором «Тачки» и двумя его друзьями и меня за собой потащила. Мужчины совершенно не подозревали, что кто-то их преследует. Они дошли до сквера и остановились покурить.

— Вот теперь наш выход, — сказала Марина.

— Я боюсь.

Не знаю почему, но подходить к Воропаеву вдруг стало страшно. Ну что я ему скажу? Маришка посмотрела на меня и вздохнула. Наверное, вид у меня был жалкий.

— Ладно, я сама всё сделаю. Пошли.

Она достала из сумки сигареты. Маришка курила много, как и большинство обитателей нашей общаги. Я с трудом выносила все эти «перекуры», глотая едкий дым, который порой доводил меня до хронического кашля. Тогда приходилось менять марку сигарет, и после этого я еще некоторое время могла дымить без проблем. Но курить в то время было необходимо. В нашем маленьком общажном мирке это был один из основных способов коммуникации.

— У вас не будет зажигалки?

Один из Воропаевских друзей помог прикурить сначала ей, потом мне. Я изо всех сил напрягла горло, в котором уже предательски запершило, и все-таки не выдержала — закашлялась.

Зато он меня заметил. Посмотрел с интересом и ничего не сказал. Даня был пьян. Мертвецки.

Марина же, наоборот, уже всю болтала с одним из друзей моего шефа, который представился Максом. Через полминуты он уже предложил:

— Девчонки, пойдём погуляем!

Нас не пришлось долго уговаривать. Спустя пару минут компания разбрелась по темному скверу. Конечно, я не упустила момент и оказалась рядом с Даней.

Воропаев вел себя так, будто у нас было свидание. Я дышать боялась, чтобы не спугнуть удачу.

— Не знал, что ты бываешь в «Скупом рыцаре».

— Совершенно случайно зашли с подружкой, — лихо соврала я. — Неплохое заведение.

— М-да. Ты знаешь, именно там однажды я бросил курить!

— Серьёзно?

— Ну да. Дымил весь вечер. И очень, знаешь ли, хорошо мне дымилось. А потом положил пачку на стол и понял, что больше никогда курить не буду.

— А долго курил?

— Почти тридцать лет.

Марина с Максом ушли далеко вперёд, и тут я заметила тоненькую тропинку, отходившую от основной дорожки.

Повинуясь внезапно охватившему меня порыву, я свернула на неё, вглубь сквера. Даня шагнул за мной. И... взял меня за руку.

— Пойдём, я тебе что-то покажу.

Мы шли дальше, сердце бешено билось, и в эту минуту мне было совершенно всё равно, куда он меня ведёт. Лишь бы быть с ним, лишь бы он не отпускал мою руку. Впереди чернела скульптура в виде девушки с длинными волосами.

— Это ведьма, горящая на костре.

— Какая красивая...

— Ты красивее.

— Вот уж странный комплимент для мужчины...

И он поцеловал меня. Земля поплыла под ногами. Мечты начинали сбываться.

— Понравилось? — спросил Данила, как только наши губы разомкнулись.

— Очень.

Ещё один поцелуй. Момент наивысшего счастья. Всё получилось. Мы не зря две недели просидели в этом баре! Он здесь, со мной! Теперь он мой. Какое же это счастье!

— К тебе или ко мне? — спросил Воропаев.

— К тебе, — не задумываясь, ответила я.

— Поехали.

Он снова взял меня за руку и повёл. Видимо, какой-то короткой дорогой, потому что мы очень быстро вышли к Марине и его друзьям.

— Мы вас потеряли! — заявила Марина.

— Мы, собственно, попрощаться, — улыбнулся Воропаев и поймал нам такси. Как оказалось, любовь всей моей жизни живёт на Комендантском.

У него была стильная и какая-то очень мужская квартира с мебелью в стиле хай-тек, с камином и огромной плазмой над ним. Мы сразу же оказались в спальне.

Он ещё не знал, что...

Он подхватил меня на руки и бросил на кровать. Мы просто таяли друг в друге. Очень скоро на нас не осталось ничего из одежды.

Всё было не так, как в романах. Данила прилично выпил, и получилось далеко не сразу.

— Не пейте, люди, и всё будет получаться, — прокомментировал он.

Мне достаточно было просто лечь и лежать рядом с любимым.

Утром мы пили кофе на его стильной хайтековской кухне.

— Повторяю вопрос: почему ты мне не сказала?

— Потому что не хотела тебя пугать. Я люблю тебя, Даня.

— Ты меня совсем не знаешь. Я очень падок на красивых женщин. Было такое, что я жил с одной женщиной пять лет и не изменял ей, но это было давно. Ты очень красивая, но... Я ужасный человек.

— Нет. Ты очень хороший.

— Я очень плохой, Ася.

Я поцеловала его. Чтобы он молчал и больше на себя не наговаривал.

Потом он вызвал такси, и я отправилась в общежитие, где меня ждала, сгорая от нетерпения, Маришка.

— Ну? Как всё прошло?

— Всё прошло просто здорово! Ты оказалась права — у него куча комплексов, но это, думаю, пройдёт со временем.

Весь день я ждала, что он позвонит. Вечером позвонила сама. Абонент был недоступен.

— Подожди, рано ещё паниковать, — утешала меня Маришка. — Хотя, конечно, не стоило вот так сразу бросаться в его объятия. Надо было создать интригу, набить себе цену, дать понять, что ты девушка серьёзная. Думать головой, в общем.

— Разве можно думать головой, когда так сильно любишь?

Утром в издательстве я узнала, что он отправился в путешествие на яхте, как и планировал. Причем продлится плавание аж три недели. Вот здорово! Но почему он ничего мне не сказал?

Когда Воропаев вернулся из круиза по Эгейскому морю, он вызвал меня и заявил, что нам нужно ограничить общение. Трус. И что он, видите ли, слишком много времени тратит на беседы со мной, вместо того чтобы продвигать свой прекрасный журнал на первое место в рейтинге самых прекрасных автомобильных журналов России.

И тогда я написала ему это письмо. Что, вообще-то, я его люблю, но, раз он такой чёрствый козёл, я увольняюсь. Дня три мне названивали начальники отделов, кадровик и прочие служащие, зазывая назад, в стройные ряды автомобильной прессы. Я держалась и даже отметила с Маришкой в суши-баре начало новой свободной жизни. Вот в тот вечер он и написал. Предложил заняться сексом. Мою любовь как ветром сдуло.

Зато проснулась тоска по работе. Но возвращаться уже никак нельзя было. Впрочем, другой работы для Аси Земляникиной в любимом Питере тоже не было.

Когда-то я мечтала о карьере. Но однажды, после летней практики, меня не взяли на Пятый канал: сказали, им своих корреспондентов девать некуда, тем более девочек. Потом не взяли на НТВ-Петербург, потому что у меня слишком высокий для новостей голос, и, наконец, не взяли на радио «Балтика». В это автомобильное издательство я попала чудом и такого счастья не ценила.

Честно говоря, после защиты диплома мне оставалось только одно — признать себя неудачницей и отправиться к родителям в Калининград. Причем теперь даже не понятно, куда конкретно ехать — к маме или к папе?

Спас меня ангел-хранитель. В лице лаборантки нашей кафедры.

— Ну чего, Ась, опять небось про гонки свои пищешь?

— Да нет, Люб, я уволилась.

— Пойдём, кофе попьём?

Я удивилась. Прежде Люба ограничивалась банальным приветствием и как максимум разговором ни о чём.

— Конечно, пойдём.

Через полчаса мы пили кофе в нашей журфаковской столовой. Сама не зная почему, я выложила ей всю историю своего увольнения. С кем-то поделиться хотелось, а Маришка про мою любовь к Воропаеву уже слушать устала. Серж ещё терпел мои излияния, но тоже уже

через силу.

— Есть у меня один вариант. Хочешь на стажировку в «Русские продюсеры»?

Про эту студию я знала только то, что там работает Наташа Андреевская. Самая красивая девочка на факультете. Коренная ленинградка, живёт в центре, ездит на чудесном серебристом «мерседесе», всегда носит деловые костюмы. Фантастически элегантна. И работает она там не кем-нибудь, а правой рукой шефа, Андрея Жуковского. Самого известного питерского продюсера. Говорят, она тоже продюсер совместного проекта с немецким телевидением. Говорят, она так редко появляется в университете, потому что снимает с немцами документальные фильмы на Камчатке. А недавно она сама снялась в фильме, который показали по Первому каналу. Не в главной роли, но все же. Говорят, что Наташа очень хорошо зарабатывает. И что она любовница Жуковского.

Что говорит сама Наташа, я не знаю. Со мной она не разговаривает. Да и о чём ей беседовать с простой девочкой из общаги, у которой одни джинсы на весь учебный год, которую не взяли на Пятый канал, НТВ-Петербург и радио «Балтика».

Сердобольная Люба снабдила меня телефоном коммерческого директора студии, Ларисы Игоревны, и на том же листочке нацарапала ещё один.

— Это номер самой Андреевской, на всякий случай. Но сейчас она в командировке.

То есть, если что, можно позвонить Наташе? — на всякий случай уточнила я.

— Наталье Егоровне. На работе она Наталья Егоровна.

И вот я забралась на подоконник шестнадцатого этажа знаменитой общаги на Кораблях. Она называется так потому, что стоит на улице Кораблестроителей. Здесь жили многие известные сейчас журналисты. И даже, говорят, сам Леонид Парфёнов, тоже, между прочим, выпускник нашего факультета. У него, кстати, с работой тоже сперва не заладилось, даже домой в Череповец уехал, а потом покорил Москву и стал звездой НТВ. Эх...

Прекратив усилием воли этот поток грёз и мечтаний, я развернула бумажку с вожделенным телефоном. Так. Лариса Игоревна, коммерческий директор студии.

— Здравствуйте, меня зовут Анастасия Земляникина, я выпускница журфака СПбГУ. Я хотела бы записаться на стажировку.

— Значит так, девушка! — рывкнули из трубки альтиом. — У нас вакансий нет! Я вообще не знаю, кто вам дал мой номер.

Неужели и тут — облом? Оставался последний козырь. Я глубоко вздохнула:

— Ваш телефон дала мне Наталья Егоровна Андреевская.

Смешно, конечно, называть однокурсницу Натальей Егоровной, но что поделаешь. Таков удел неудачников.

Альт в трубке стал ещё злее:

— Ах, Наталья Егоровна! Вот она пусть вас на работу устраивает!

Всё. Если бы телефон был домашним, из трубки понеслись бы тоненькие печальные гудки. А мобильник просто безучастно молчал. Зато из глаз исподволь покатались слёзы. Ну никому я не нужна! Неужели так бывает?

Вечером я всё же позвонила Любе.

— Да не расстраивайся ты так. Наталья прилетит в среду с Камчатки, вот и звони ей напрямую. Ты знаешь, мне показалось, она неплохая. Может, даже в чём-то несчастная. И потом, она же сама сказала, что можно обращаться. В общем, не реви. Сброшу тебе её номер эсэмэской.

Андреевская действительно помогла. И меня взяли на двухнедельную неоплачиваемую

стажировку. Я предвкушала, что через пару месяцев начну прилично зарабатывать и куплю себе серебристый «мерседес», как у Натальи, или даже джип. Мне всегда нравились джипы... Реальность оказалась куда более суровой.

Дело в том, что студия «Русские продюсеры» занималась не только проектами мирового масштаба, но и производством сюжетов сельскохозяйственной тематики для одного из городских каналов. Вот эти сюжеты мне, в числе прочих корреспондентов, предложили снимать.

Городнюк был моим непосредственным начальником. Невысокий, с седоватой бородой и волосами, он похож на редактора советских времён, какими их изображали в советских же фильмах.

Очень скоро я познакомилась и с Ларисой Игоревной, коммерческим директором студии, которая так лихо отшила меня по телефону. Она оказалась волевой и справедливой начальницей и... сестрой генерального продюсера. Коллеги объяснили мне, что она ведёт все проекты студии, которые брату неинтересны. Наш, сельскохозяйственный, естественно, относился к таким. Самого генерального продюсера я никогда не видела.

Когда срок стажировки истёк, за сюжеты стали платить. Совсем немного, но этого хватает на оплату квартиры пополам с Мариной и скромную жизнь.

В общем, всё не так уж плохо. Это там, в Москве, на центральных каналах скандалы, интриги, расследования, сенсационные репортажи, сумасшедшие рейтинги и звезды первой величины. Там, за стеклянными дверями телецентра «Останкино» строятся настоящие карьеры и вершатся судьбы мира. Ну или, по крайней мере, страны. Но туда попадают единицы. А успеха добиваются и вовсе избранные. У нас здесь все гораздо скромнее. Сенсациями и не пахнет. Да и о славе мечтать не приходится. И все-таки мне очень повезло.

К тому же, если учесть, что прошлую работу я потеряла из-за романа с шефом, то, может, и хорошо, что Городнюк такой противный.

— В общем, ты сейчас пойдёшь домой и подумаешь, чего ты хочешь добиться. Либо ты начнёшь привозить пять новостей с каждой съёмки, как все нормальные люди, либо лучше тебе сразу уволиться. Поняла, красота ненаглядная?

— Поняла.

Я понуро вздохнула, попрощалась и вышла из редакции.

Пока я там была, на улице потеплело, снег шёл мокрый и противный, а совсем не такой блестящий и пушистый, как на полях Ленинградской области. Пожалуй, единственное, чем хороша эта работа — каждый день на природе, воздух свежий, опять же. Ну и колхозники, то есть, простите, фермеры, иногда подкармливают. Кто рыбы копчёной даст, кто молочка с собой нальёт. А в одном хозяйстве нам фиалки подарили. В горшках. Меристемные. Я так толком не разобралась, что значит меристемные, но все равно приятно. А сегодня у меня с собой настоящее страусиное яйцо. Вечером устроим с Маришкой пир.

Скоро Новый год. Надо бы зайти купить пару гирлянд. Ещё ёлку купить, шампанского и всё-таки загадать желание. Когда-то мы с Маришкой писали пронзительно трогательные письма Деду Морозу...

А теперь вот выросли и времени на мечты не стало.

Я и двух шагов по Коломяжскому проспекту не сделала, как стало совершенно очевидно, что ультиматум Городнюка — не последняя неприятность на сегодня. Сапог жалобно хлопнул, и я поняла, что подошва уже наполовину оторвана.

Если честно, денег на ремонт обуви у меня нет. Найти бы что-нибудь острое. А лучше

всего — купить нож. Он и в хозяйстве пригодится, и подошву отпилить можно. И денег как раз ещё останется на корм для Сержа. Кстати, Серж единственный из троих обитателей нашей квартиры-гостинки, кто живёт в ней нелегально. Дело в том, что наш хозяин категорически против жильцов с животными, вот и пришлось немного схитрить. Нам повезло — Рамиль вместе с женой и тремя детьми живет в Купчине, на другом конце Петербурга. Конечно, мы вызвались каждый месяц привозить арендную плату ему прямо домой. Зато он ничего не знает про кота.

Мы переехали сюда всего полгода назад. Квартиру нашла Маришка. Рамиль — какой-то очень дальний родственник её папы.

Марина получила диплом в прошлом году. Она — увлечённый искусствовед, готовый часами рассказывать о том, чем китайские вазы одной эпохи отличаются от вроде бы таких же ваз другой, в чём особенность манеры малоизвестного иконописца и что зашифровал в своём последнем полотне Ван Дейк, после университета мечтала о... месте лаборантки в музее (оклад двенадцать тысяч рублей). Неожиданно выяснилось, что мечта эта трудноосуществима, что уж говорить о работе продавца-консультанта в антикварном магазине. Зато у генерального директора строительной компании теперь есть секретарша с искусствоведческим образованием и дипломом антиквара-оценщика. Правда, в общении с прорабами это помогает не сильно.

Но она никогда не унывает. За это я её и люблю.

— Ааа!!! — завизжала моя подруга при виде страусиного яйца. Она, в отличие от меня, обожает готовить. — Значит, у нас будет сегодня грандиозная яичница?! А у меня тоже для тебя что-то есть! Что-то вкусненькое!

— М-мяу? — тут же звучно отреагировал Серж.

Марина унеслась на кухню и вернулась через мгновение с большой пластиковой бутылкой, в которой была жидкость, больше всего напоминающая морс из красной смородины.

— Домашнее вино, мама прислала. Чтобы мы достойно проводили уходящий год.

Марина укутала меня в тёплую шаль. Через десять минут мы сидели на полу, прижавшись к тёплой батарее, и пили потрясающе вкусное красное вино из пластиковой бутылки. Руки и ноги оттаяли, злобный Городнюк был забыт, а жизнь... Жизнь снова была прекрасна.

— Я предлагаю выпить за главное достижение прошедшего года — наш переезд из общаги в отдельную квартиру.

Я улыбнулась. А ведь Маришка абсолютно права.

Общага... Ты стала моим чистилищем, через которое я должна была пройти, потому что через него лежал путь к моей мечте. Я, избалованная девчонка, увидела другую сторону жизни. Я научилась драться и сносить удары (судьбы и кроссовок). Я узнала, что на сто долларов можно жить месяц (и радоваться жизни). Я поняла, что настоящий друг — это тот, кто всегда готов накормить тебя борщом (даже если потом самому есть будет нечего), завернуть в тёплый плед (снятый с собственной постели), отдать реально последнюю десятку (если тебе нужнее завтра съездить в универ). Что нельзя ждать, что прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте и спасёт тебя (потому что это твой личный и очень жестокий квест, и добрые волшебники тут не предусмотрены даже в качестве бонусов). Я поняла, что за успех надо драться; что даже от женских драк на теле остаются следы, которые проходят, но очень медленно; что не всё и не всегда можно прощать; что деньги,

даже те пресловутые сто долларов, ещё надо заработать; что люди бывают разные, но их надо уметь понимать; что я скорее умру, чем вернусь сюда снова.

И... ты стала мне домом. И я... я буду скучать.

На следующий день мне позвонили с небес и попросили зайти. В смысле вызвали на ковёр к генеральному продюсеру студии, Андрею Жуковскому. Настучал-таки Городнюк.

Небесами у нас в редакции назывался его кабинет, потому что единственный из всех помещений располагался на втором этаже и, в отличие от наших крошечных монтажек с лянными стенами, походил на царские палаты. Я оказалась здесь впервые и обомлела. Массивная антикварная мебель, ковёр ручной работы, арочные окна и высокий куполообразный потолок.

— Э-э, девушка, а что вам здесь надо?

Величайший продюсер Петербурга был зол, небрит и явно вчера выпил лишнего. Кроме того, он мало походил на свои собственные портреты. И всё-таки это был он. Знаменитый Андрей Жуковский. В прошлом телеведущий, а сейчас владелец собственной студии.

— Вы меня вызывали! — не дрогнувшим голосом заявила я.

— Я вас вызывал?! — изумление казалось неподдельным. Как будто маленькому мальчику задали вопрос о квантовой физике. — Я вас вызывал? А зачем?

— Этого я не знаю.

И зачем он меня мучает, интересно? Уволил бы уже, и дело с концом.

— А вы кто? — продолжал допытываться величайший продюсер современности.

— Я Ася Земляникина, корреспондент вашей телестудии. Снимаю сюжеты о коро... о сельском хозяйстве. Лариса Игоревна мне сказала, что вы меня вызывали.

Биг босс смотрел сурово, и у меня уже стали появляться сомнения, правильно ли я сделала, что вот так запросто явилась в его кабинет.

— А Лариса Игоревна...

— Это ваша сестра, — подсказала я.

Похоже, бедняга совсем ничего не помнит.

— Я в курсе. Лариса Игоревна сказала, зачем я вас вызывал?

— Нет. Этого она не сказала.

— Это я её вызывала! — откуда ни возьмись, появилась Наталья. В безупречном деловом костюме, естественно.

— Зачем? — обалдело уставился на нее Жуковский.

— Андрей Игоревич, но ведь нам некого отправлять на Дальний Восток.

— На Дальний Восток? — босс потёр небритую щёку и посмотрел на меня, на этот раз уже оценивающе. — Да, нам нужен линейный продюсер на Дальний Восток. Но ведь я просил найти толкового парня с журфака.

Мама дорогая, и тут нужны мальчики.

— Ну что же делать, Андрей Игоревич, если на нашем факультете парни сплошь бестолковы? — хмыкнула Наталья и совершенно неожиданно подмигнула мне.

Жуковский пожал плечами.

— Ну так и что скажете... Как вас там?

— Ася.

— Так что, Ася, сможете полететь на месяц на Дальний Восток?

— Смогу!!! — моментально выпалила я, не моргнув глазом.

— Подождите-подождите. Вы хоть знаете, в чём заключается работа? Вы говорите по-

немецки или, на худой конец, по-английски? Откуда мне вообще знать, что вы справитесь?

— Я справлюсь, — заверила я.

Такой шанс выпадает раз в жизни. Я справлюсь, чего бы мне это не стоило.

Тут дверь в кабинет распахнулась, и без всякого стука вошла симпатичная и очень элегантная дама лет сорока пяти. В руках она держала дыню и ещё какой-то пакет.

— Привет, дорогие, я пришла вас кормить, — защебетала она и чмокнула сначала Наташу, а потом Андрея Игоревича.

После чего достала из пакета курицу, запечённую в фольге, и принялась её разворачивать.

И тут заметила меня.

— Э, девушка, нам надо поговорить, подождёте за дверью?

— Д-да, конечно... — вздохнула я и двинулась к двери, чувствуя себя бездомным щенком, который забылся и стал играть с домашними породистыми собратями. Но счастье длилось недолго: хозяйева заметили и отогнали дворнягу.

Непонятно почему, Наташа пришла мне на помощь.

— Оставайся с нами! Ты хочешь есть? Мама, это Ася, мы хотим её на Дальний Восток отправить. Ася, познакомься, это моя мама. Она раньше работала вместе с Андреем Игоревичем на Пятом канале.

Незнакомка нехотя поджала губы, отрезала мне кусок курицы и даже, представьте, пробормотала себе под нос, что ей очень приятно.

Так, это многое объясняет и даже проливает нежный бальзам на моё израненное самолюбие. Наташина мама, оказывается, бывшая коллега Жуковского. А может, у них вообще роман. Вот значит, как она стала Натальей Егоровной, правой рукой знаменитого продюсера и первой на курсе. Ну что ж, уже легче.

— Я так понимаю, ты не замужем? — бесцеремонно осведомился генеральный продюсер, поедая курицу с ананасами.

— Нет, не замужем.

— Это хорошо. Семьи, значит, нет.

— У меня есть кот, — внесла я уточнение, — Серж де Журфак.

— Проблему с котом мы решим, — заверил Жуковский таким тоном, будто речь шла не о Серже, а о стратегическом оружии маленькой страны.

— Каким образом? — насторожилась я.

— Поживёт у меня. Думаю, в четырёхэтажном доме ему будет комфортно.

— В этом нет необходимости, — спохватилась я. — Мы снимаем квартиру вместе с подругой, она с удовольствием присмотрит за Сержем.

Жуковский прищурился.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— А почему в двадцать два года ты живёшь с котом и подругой, а не с мужчиной?

— Э, ну... Так получилось.

Я беспомощно оглянулась на Наташу и её маму, ища у них поддержки. Но они невозмутимо продолжали жевать курицу.

— Ладно, я займусь твоей личной жизнью, — пообещал шеф. — А почему ты мне не задаёшь никаких вопросов?

Действительно. Сижую, жую курицу, рассуждаю, куда кота пристроить, а проектом

вообще не интересуюсь. Надо же всё разузнать.

— Простите, — я постаралась при помощи улыбки сгладить неловкость, — а что я должна буду делать на Дальнем Востоке?

Жуковский неожиданно захохотал. То ли вопрос прозвучал слишком наивно, то ли ждал он чего-то другого, а может, я сама по себе выглядела смешно в своих затрапезных джинсах посреди его царских палат.

— Чем ты там будешь заниматься, тебе Наталья объяснит. Ты не хочешь меня спросить, сколько ты получать будешь?

Я выдохнула. Так вот в чём дело. Действительно, забавно вышло.

— Дело в том, что вопрос денег для меня, безусловно, важен, но не первостепенен. На столь масштабном проекте под вашим руководством я приобрету бесценный опыт, — затараторила я.

Ну что ж, удачно выкрутилась.

— Я буду платить тебе пять тысяч евро за командировку, плюс питание и расходы. Тебя устраивает?

Я чуть не задохнулась от счастья. Пять тысяч евро — огромная для меня сумма, неслыханная!

— Устраивает? — спокойно повторил Жуковский.

— Более чем.

— Отлично. А раз устраивает, — он повернулся к Наташе, — надо помочь ей оформить документы. Вылет уже через неделю, надо успеть натаскать её хотя бы чуть-чуть.

— Конечно, Андрей Игоревич, — Наташа встала из-за стола. — Прямо сейчас и начнём.

К обеду все документы уже были оформлены. Немцы затребовали подробную автобиографию на английском, так что пришлось попотеть.

В помощь мне дали небольшую анкету с перечнем вопросов, которые требовалось осветить. Например, немецкий телеканал интересовало, кем работают мои родители. Я честно написала, что папа у меня генерал, а мама библиотекарь. Наташа потом прочитала и велела фразу про маму убрать вообще. Мне стало обидно за мать. Папа даже сейчас, после развода, признает, что своей карьерой во многом обязан ей. Андреевская на это ответила, что сведения о родителях нужны только для того, чтобы показать, что я из хорошей семьи. Видимо, по ее мнению, семьи библиотекарей благонадежными не считаются.

И только потом, когда всё это было отправлено в Берлин на согласование, у нас с Натальей выдалась минутка, чтобы обсудить подробности проекта.

— Ты видела европейские фильмы о дикой природе?

— Это самые замечательные документальные фильмы, которые я видела, — искренне сказала я. — Пустыни, подводные, воздушные съёмки. Потрясающие съёмки животных. И, конечно же, качество. На нашу камеру так не снимешь.

— Это точно, — кивнула Наталья. — Оборудование стоит миллионы долларов. Немцы задумали сделать документальный сериал о дикой природе России. Поделили страну на шесть регионов — Урал, Кавказ, Сибирь, Камчатка, Арктика и Дальний Восток. Но ни специфики, ни языка они не знают. Организовать съёмки в природных заповедниках нашей страны очень сложно. Вот для этого мы им и нужны. В каждом из шести регионов работает своя немецкая бригада, состоящая из двух человек. Плюс один русский продюсер. На Дальнем Востоке этим продюсером будешь ты.

— Да, но ведь я знаю о дальневосточных заповедниках не больше этих немцев.

— Так ведь у нас ещё неделя, — улынулась Наташа. — И потом, ты русская, журналистка, и всегда договориться сможешь.

— Наташа, можно тебя спросить? Только ответь, пожалуйста, честно.

— Спрашивай.

— Мне очень лестно это предложение, но почему именно я? Я не знаю немецкого, уровень английского весьма средний, я далеко не лучшая выпускница, да и опыт работы небольшой. Отлично разбираюсь в гонках, трассах, снегоходах, квадроциклах, аквабайках, ну теперь вот ещё в коровах и поросятах. Но ведь это не пригодится, правда? Тогда почему я? Неужели вы не могли найти кого-нибудь более подходящего?

— Никто не согласился, — пожала плечами Наташа.

— Не может быть! За пять тысяч евро согласились бы многие.

— А ты думаешь, мы не искали? Ты думаешь, это так просто, найти человека, который согласится всё бросить и на месяц улететь в тайгу? У людей семьи, дети. Мы предлагали аспирантке с кафедры международной журналистики Ане Семёновой. Помнишь, она у нас семинары вела?

Я кивнула.

— Вот. Её не отпустил научный руководитель. Потом мне звонил Виталик Грошев, помнишь его? Представляешь, такой смешной, ко мне на вы и по имени-отчеству.

Я вздохнула.

— Мне вообще-то тоже рекомендовали тебя Натальей Егоровной называть.

— Да ну? — Наташе явно было приятно. Она аж зарделась от осознания собственной значимости. — Так вот, Виталик сам хотел напроситься. Всё вроде хорошо было, он немецкую спецшколу закончил, в Германии его кандидатуру утвердили. И тут его на Пятый канал берут. А там возможность работать в кадре, перспектива стать ведущим, ну ты понимаешь. И всё, нет Виталика, отказался. Так что, как ни крути, Земляникина, вся надежда на тебя.

Наташа рассмеялась и погладила меня по руке.

Мой папа всегда говорил, что очень важно оказаться в нужное время в нужном месте. Похоже, это как раз тот случай. Я вытянула счастливый билет.

Кто бы мог подумать, что моя жизнь так изменится всего за одни сутки? Ещё вчера я была простым корреспондентом, снимавшим сюжеты о коровах и страусах, и вот сегодня я уже продюсер международного проекта. А может быть, мне даже удастся подружиться с самой Натальей Андреевской.

От основной работы меня никто не освобождал, и поэтому ближе к вечеру я принесла Городнюку на правку сюжет о курятнике, который удалось выжать из вчерашних съёмок. Сегодня настроение у него было несколько лучше.

— Ну что ж, нормально. Не бог вещь что, но вполне пристойно. Ещё сколько будет сюжетов по вчерашним съёмкам?

Честно говоря, и этот-то был высосан из пальца.

— Ну...

От необходимости отвечать меня избавил Жуковский.

— Асенька, я вас везде ищу. Поздравляю, немцы одобрили вашу кандидатуру. Через неделю летите в Приморье.

— Она летит на Дальний Восток? Продюсером? — поразился Городнюк.

— Да. А что, кстати, ты скажешь о своей подопечной?

— Дстойная барышня. Сюжеты хорошие, и голосок бодрый, — не моргнув глазом, сообщил редактор. Как будто это не он вчера грозился меня уволить.

Про голос было особенно приятно слышать, ведь именно из-за него меня не взяли на НТВ-Петербург. Сказали, слишком высокий он для новостей. Вот я тогда рыдала! А сейчас, совершенно счастливая, отправилась пить кофе.

В столовой ко мне подседа Ира. Она тоже работает корреспондентом по коровам и пороссятам.

— Так значит, ты полетишь на Дальний Восток? — осведомилась коллега.

Раз информация всё равно просочилась, отрицать глупо.

— Я полечу.

— Только знаешь что, Ася, ты иллюзий-то не строй. Наш шеф, он же ведь весь в косяках и висяках. Он тебя по полной будет подставлять, предупреждаю. Так что ты рано радуешься. Видали мы тут таких. Меня три недели уговаривали стать продюсером по Дальнему Востоку. Наотрез отказалась. Пусть лучше увольняют.

Я опешила.

— Да почему? Что в этой работе такого страшного?

— Знаешь, почему тебя взяли в проект?

— Знаю. Потому что моя предшественница отказалась от работы по семейным обстоятельствам.

Карие Ирины глаза зажглись недобрым огоньком.

— Как бы не так. Она пропала. Без вести.

По дороге домой я купила бутылку мартини.

— О, праздники продолжаются! — обрадовалась Марина. — А я цыплёнка табака приготовила.

— Богато живём!

— Мама немножко денег прислала в честь праздников.

— Мама молодец. Но скоро мы с тобой вообще разбогатеем.

— Да ну! Замуж удачно выйдем?

— Сами заработаем! Меня взяли продюсером в крутейший проект!

— Ну вот что, звезда моя. Мой руки, садись за стол и рассказывай.

И я рассказала подруге обо всем, с аппетитом поедая цыпленка. Второй раз за день курицу ем, между прочим. Но мы, бывшие общажные обитатели, не привередливые. Нам любое мясное блюдо за счастье.

— Ты у меня умничка и со всеми трудностями справишься. По большому счёту, меня смущает только одно, — задумчиво проговорила Маришка, потягивая мартини.

— Что именно?

— Что твоя предшественница пропала без вести.

— Но это только со слов Иры, — поморщилась я. — А она у нас известная сплетница. И вообще, может ей не предлагали это место. Может, она мне просто завидует.

— И всё же я боюсь тебя так отпускать.

— Такой шанс даётся раз в жизни!

— Знаю. Давай просто до начала командировки узнаем как можно больше о той девушке и, по возможности, постараемся выяснить, что с ней случилось.

— То есть проведём собственное расследование? Не слишком ли круто?

— Так нам ведь не впервой, — улыбнулась Марина, явно намекая на слезку за Воропаевым. — Вот выясним, что она жива-здорова, просто послала студию на фиг, и со спокойной душой полетишь. Идёт?

— Идёт, — согласилась я. — С чего начнём?

Дом, где некогда жила Лена Копейкина, оказался обычной хрущёвкой на улице Лёни Голикова. Дверь открыл приятный мужчина лет сорока.

— Здравствуйте, а вы родственник Елены Копейкиной?

— Я её отец. А вы, собственно, кто?

— Меня зовут Ася, — затараторила я. Есть такой журналистский прием: не знаешь, что говорить, говори очень быстро, как цыганка, это гипнотизирует собеседника. — Понимаете, я работаю в компании «Русские продюсеры», там же, где и Лена. И мне предложили поехать на Дальний Восток вместо неё, продюсером. Но одна коллега сказала мне, будто бы Лена пропала там без вести.

Мужчина посмотрел на меня очень грустно. Он был довольно красив: ярко-голубые глаза, широкие скулы, спортивная фигура. Даже ранняя седина совсем его не портила.

— Мне не хотелось бы вдаваться в подробности, но ваше беспокойство вполне объяснимо. Скажу одно: я не думаю, что с Леной случилось что-то плохое. Я практически уверен, что моя дочь просто сбежала. Воспользовалась возможностью.

— Сбежала? Почему? Вы в этом уверены?

— Я сказал всё, что хотел сказать.

Неожиданно из глубины квартиры послышался женский голос:

— Эй, ну кто там пришел?

— Мне надо идти, — заволновался мужчина.

— Подождите, но почему вы так думаете? Почему уверены, что с вашей дочкой все хорошо? Она вам звонила?

Я впала в отчаяние. Нельзя позволить ему уйти! Он единственный, кто может хоть что-то мне объяснить!

— Пойдите!

Я ухватила его за майку.

— Отцепитесь вы от меня! Я не собираюсь обсуждать с вами свои семейные проблемы! Чтобы я вас здесь больше не видел!

Он с силой оттолкнул меня и захлопнул дверь. От неожиданности я потеряла равновесие, полетела назад и шмякнулась на перила. Нет, ну есть на свете идиоты. Я же внятно объяснила, кто я и почему интересуюсь Леной. Почему не поговорить спокойно?

Ушибленная нога сильно болела, лифта в доме, естественно, и в помине не было, хлипкое строение вообще обещало не сегодня-завтра рухнуть. Кое-как я выбралась из подъезда и присела на лавочку. Перелома нет, просто сильный ушиб. Если немного посидеть, боль спадёт. Синяк, ясное дело, будет знатный, но ведь на дворе не лето, щеголять в мини-юбке долго не придётся.

К парадной подошла пожилая женщина. Прямо перед собой она катила коляску для грудничка, но не современную трёхколёсную, а допотопный вариант. Кажется, именно в такой меня возила в детстве мама.

— Давайте я вам помогу! — тут же подскочила я, напрочь забыв о боли.

— Что ты, деточка, спасибо. Сейчас зятю наберу, он спустится. Нам с тобой её на пятый этаж не затащить.

В моей голове что-то щёлкнуло. На пятый этаж? Но ведь именно там живёт папа Лены Копейкиной! Видать, этот изверг женат второй раз, ребёнок маленький. Чего ему о старшей дочери волноваться. Жена небось молодая....

— А ты упала, деточка? — прервала мои размышления бабуля. — Все джинсы грязные!

— Вы знаете Лену Копейкину?

Женщина поразилась.

— Да, это моя внучка. А ты ее откуда знаешь?

— Пожалуйста, помогите, умоляю! Очень нужна ваша помощь! Мне необходимо узнать, что с ней случилось! Мы работали в одной конторе, теперь Лена пропала, и меня отправляют в командировку вместо неё.

— К Олегу ходила? — участливо поинтересовалась бабуля. — Выпытывала небось, а он тебя послал.

— С лестницы спустил, — уточнила я.

— Не желает мой зять про дочку слышать. Как Вера померла... Ну да тут в двух словах не объяснишь. У тебя есть время?

Я усиленно закивала. Про Лену Копейкину я готова слушать сколько угодно. Даже сидя на обледеневшей лавочке, продуваемой всеми ветрами.

— Холодно тут. Давай мы коляску в подъезд закатим, отдам малыша матери, и пойдём в кофейню за углом посидим. Там такие пирожные! Настоящие, ленинградские. Обожаю буше!

Каждый раз, как в город приеду, туда отправляюсь. А сегодня у меня такая компания!

Бабуля подмигнула мне, схватила коляску и быстро покатила её к подъезду. Я придержала дверь.

Кафе за углом оказалось кулинарией от знаменитой фабрики «Север», поэтому пирожные здесь действительно были что надо. Пожилые люди болтливы, и очень скоро я знала о Лене Копейкиной практически всё.

Девочка рано лишилась матери. Ей было всего пять, когда Вера, дочь Ольги Семёновны, погибла в автомобильной катастрофе. Надо отдать должное зятю — два года он безропотно воспитывал дочь — заплетал косички, водил в садик, лечил от детских болезней. А однажды и сам заразился от Леночки ветрянкой — достаточно редкий случай среди взрослых людей.

Дочка росла на редкость озорной и непоседливой. Помните «Операцию Ъ», фильм Гайдая, который часто показывают во время новогодних праздников? Там Шурик обещает посидеть с больной девочкой: «Я и с Ленкой посижу, и за тестом погляжу». Так вот, это как раз был случай Олега. Маленькую Леночку ни на минуту нельзя было оставить одну.

Через два года Олег женился снова. Молодая мачеха тут же отправила Лену к бабушке, в Токсово. И хотя детей в семье долгое время не было, мачеха категорически запретила Лене бывать у них дома. И постепенно настроила отца против дочери, внушив, что та малолетняя наркоманка и шлюха. Отец поначалу пытался защитить Лену, отстаивать свое право видеться с ней, но постепенно сдался. Молодую жену, Альбину, Олег, к несчастью, обожал. Ну а потом она наконец забеременела, и Лена почувствовала себя совсем лишней.

По большому счету, теперь в целом свете она была нужна лишь одному человеку — своей старенькой бабушке. Но денег их маленькой семье отчаянно не хватало. Жалкие крохи — бабушкина пенсия. И совсем смешные деньги — Ленина стипендия. И тут внучке Ольги Семеновны вдруг сказочно повезло. Подвернулась работа на студии известного продюсера Андрея Жуковского. Платить обещали бешеные тысячи долларов. Глаза у Лены загорелись от таких перспектив, уехала она в командировку на Дальний Восток, и с тех пор бабушка ее и не видела.

Бывший зять клялся, что сделал все возможное для того, чтобы разыскать дочь, но Ольга Семеновна уверена: Альбина ничего не дала ему предпринять. Жене Олега только выгодно, чтобы Лена не вернулась. Тогда квартира полностью ей и сыну достанется. Дом-то старый скоро снесут, и жильё дадут новое, приличное.

И все же зять не бросил бывшую тещу, не дал помереть от голода. Предложил ей нянчить своего новорожденного сына за небольшую зарплату. Так что теперь Ольга Семеновна состояла прислугой при Альбине. А что делать? На пенсию ведь не прожить.

От Лены не было ни слуху ни духу. Несчастливая бабушка все это время обивала пороги студии, но знаменитый продюсер так и не пожелал с ней встретиться. И, в конце концов, запретил охранникам пускать старушку даже во двор.

И все-таки она верила: внучка жива, и как только сумеет, вернется к старенькой бабушке, которая ее вырастила. Потому что если не верить в это, тогда Ольге Семеновне и жить-то незачем.

И вдруг, неожиданно для самой себя, я услышала свой голос:

— Послушайте... Я скоро буду на Дальнем Востоке. И постараюсь узнать, что произошло с Леной.

Тридцать первого декабря мы с Мариной по доброй традиции отправились в общежитие. Наши бывшие соседи устроили самый настоящий новогодний стол и не где-

нибудь, а на крыше восемнадцатизэтажного корпуса. Администрация общежития, похоже, была не в курсе этого импровизированного банкета. А может, просто делала вид?

Попасть на крышу можно было только просочившись в дырку между перилами и решеткой. Поэтому все гости на празднике были очень стройными.

Стол накрыли по излюбленному общежитскому правилу — с каждого участника мероприятия по блюду. Мы принесли драники и молочный коктейль.

Трансляцию обращения президента удалось посмотреть на экране смартфона.

— Наверное, это последний Новый год, который мы встречаем здесь, — сказала Марина после боя курантов, когда первокурсники запускали петарды.

— Думаю, если что, нам и в следующем году здесь будут рады, — улыбнулась я, потягивая шампанское. — Не все знакомые еще успеют выпуститься.

— Просто я так чувствую, — прошептала подруга.

И как в воду глядела.

Мне выдали аванс за немецкий проект, и я нежданно-негаданно отправилась на каникулы домой. Родителям решила ничего не говорить заранее — пусть будет сюрприз. Я люблю родной город всей душой и часто, особенно когда кажется, что стать телезвездой мне совсем не светит, представляю, что вернусь сюда. Я люблю сравнивать города с мужчинами.

Вот Питер — холеный и породистый красавец, с блестящим образованием и безупречными манерами. Если честно, он ко мне пока равнодушен и редко балует мимолетной улыбкой. Но мне нравится мечтать, что когда-нибудь мы составим блестящую пару.

Калининград, он совсем другой. Он не смотрит свысока. Он скорее похож на старого друга в потертых, но брендовых джинсах и в старых кроссовках, которые не выкидывает только потому, что в них вы вместе прошли сто дорог. Он привычный, близкий сердцу и очень уютный. И тебя мучает совесть за то, что ты в который раз кидаешься покорять ледяные сердца неприступных красавцев вместо того, чтобы просто остаться рядом с тем, кто не раз делом доказал свою преданность. Может быть... Может, когда-нибудь ты наконец повзрослеешь, поумнееешь, наберешься опыта, набьешь шишек. Ты станешь мудрой, Ася. И тогда, может быть, ты вернешься. И вы уже не расстанетесь.

Каждый раз, попадая в родной город, я испытываю невероятное облегчение. Я клянусь себя на чем свет стоит за то, что вообще решила отсюда уехать, и теперь бьюсь лбом о закрытую дверь.

Но так хочется чего-то добиться в жизни. Стать знаменитой журналисткой. Поэтому, немного передохнув, я снова отправляюсь в дальний путь.

Мама визжала от восторга, когда увидела меня на пороге. Мы с ней болтали ночи напролет и спали в одной кровати, как подружки.

Папа давал мне наставления. Рассказывал, как вести себя, чтобы завоевать авторитет среди коллег и добиться благосклонности начальства. Например, он посоветовал мне привезти подарки руководителям студии.

— Интересно, что может подарить девочка, только недавно покинувшая общагу, людям, у которых все есть? — хмыкнула я.

— Что-то не слишком дорогое, но стильное и запоминающееся.

— Я поняла, — вдруг осенило меня. — Янтарь.

— Почему бы и нет, — одобрил отец. — Значит, едем завтра в Янтарный за подарками?

На следующий день мы купили чудесного слона с янтарной попоной для Андрея

Жуковского, инкрустированное янтарем зеркало для красавицы-Наташи, янтарную лягушку с монетой в зубах для коммерческого директора Ларисы Игоревны. Самый дорогой подарок, инкрустированный портсигар, я, по совету папы, купила вредному Городнюку. За то, что он меня терпел и не уволил и до того, как мне улыбнулась удача.

А потом мы долго гуляли по берегу моря. И нас обоих нисколько не смущал пробирающий до костей балтийский ветер.

Сразу после праздников я активно занялась подготовкой к дальневосточному проекту. Андреевская помогала мне во всем, я отчаянно приставала к ней с вопросами, и время от времени удавалось вытянуть какую-нибудь интересную информацию.

— Наташ, а проект давно начался?

— Полгода уже работаем. А всего он рассчитан на два года.

— А другие пять продюсеров, они кто?

— В основном, русские девушки, живущие в Германии, у которых оба языка в совершенстве.

— Так как же так вышло, что не нашлось ещё одной, шестой?

— Так, дорогая. Мы с тобой вчера уже об этом говорили. Считай, что тебе просто повезло. Ты мне веришь? Мы из тебя крутейшего продюсера сделаем!

Я вздохнула. По-немецки помню лишь приветствия и фразу «Ву из ди банк», что означает: «Не подскажите, где банк?» Английский на среднем уровне. Никакой там спецшколы или хотя бы стажировки в Штатах.

Я решила, что полечу в эту командировку несмотря ни на что. Потому что терять мне нечего. А пока продолжала снимать сюжеты о нелегкой жизни коров и страусов зимний период.

После обеда позвонила Наташа.

— В шестнадцать ноль-ноль зайди к Андрею Игоревичу.

Сердце ёкнуло. Неужели всё отменяется? Такого стремительного падения с небес на землю я просто не переживу.

На этот раз Андрей Игоревич был одет в элегантный костюм самого большого размера, идеально, впрочем, сидевший на его тучной фигуре. Волосы причёсаны, румяная физиономия гладко выбрита. Совсем другой человек, честное слово!

— Садись, — велел он. — Ну, как идёт подготовка к командировке?

— Полным ходом! Читаю книги о живой природе Приморья, повторяю английские времена, — отрапортовала я.

— Это хорошо. У меня для тебя будет ещё одно ответственное задание.

— Внимательно слушаю.

— Насколько мне известно, твой отец не последний человек в военно-морском флоте.

Мне стало приятно. Надо же, оказывается, шеф интересовался моей биографией.

— Это так.

— Ты можешь попросить отца, чтобы нашей камчатской группе разрешили съёмку на военно-морской базе?

Вот это поворот.

— Но Андрей Игоревич, вы ведь говорили, что немцы снимают сериал о дикой природе.

— Хм. Но они же сотрудники телеканала. Им тоже хочется привезти на студию побольше материала. А мы, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы они остались довольны. Мы их русские продюсеры. Тебе Городнюк говорил, чтобы ты по пять сюжетов из

каждого колхоза привозила?

— Говорил.

— Ну вот и с немцев требуют стендап Макса Хьюмана на фоне подводной лодки. Твой папа сможет это организовать?

Я вздохнула.

— Это не так-то просто. Туда наши-то съёмочные группы не всегда пускают. Давайте не будем гадать. Я позвоню папе и сообщу вам о результатах.

— Позвони сейчас, будь добра, — потребовал Жуковский.

— Хорошо, — обречённо кивнула я. Очень надеялась отложить этот непростой разговор до вечера. — Но можно мне хотя бы уединиться?

— Это можно, — милостиво согласился Андрей Игоревич. — Но через полчаса жду тебя у себя в кабинете.

На моё счастье, папа взял трубку почти сразу.

— У меня к тебе огромная просьба, — сразу сказала я. — Понимаешь, мне предложили работу моей мечты, а потом у руководства возникла ко мне просьба. Напрямую она с проектом не связана, но думаю, что это может повлиять.

Папа выслушал меня, ничего не сказал и пообещал дать ответ вечером. Жуковский велел явиться утром к нему с ответом.

Вечером в сотый раз пересматривали с Маришкой сериал «Доктор Хаус», а Серж мирно дремал в стареньком кресле.

Нас прервал звонок от папы.

— Я вынужден тебя разочаровать, — сказал он. — Съёмку организовать не получится. Объект секретный. Ну никак.

— Но пап!!! — чуть не заплакала я. — А вдруг меня теперь не возьмут в проект?

— Если ценят как профессионала, возьмут, никуда не денутся. А если нет — зачем тебе нужен такой проект? Тогда получается, тебя только из-за папы и взяли.

Я вдруг совершенно спокойно поняла, что он, как всегда, прав. Была в нашей жизни одна история, после которой я дала себе слово не донимать папу абсурдными просьбами. Этот случай я вспоминаю со смешанным чувством стыда (за свои капризы) и восторга (от осознания того, что я папе всё-таки дороже всего на свете).

Мне было тогда пятнадцать. Я училась в десятом классе самого крутого в городе лицея, жила в историческом центре безумно красивого Калининграда, почти напротив областной Думы, в доме, похожем на замок, в комнате, о которой мечтает любая девочка-подросток.

У меня была всего одна проблема — мне казалось, что меня никто на этом свете не любит. Никому я не нужна. Что мама не понимала меня никогда, что друзья перестали меня понимать, что брат ещё слишком мал, чтобы понять, что Игорь, первая любовь, думает, что любит меня, а на самом деле это он только думает (кто был подростком, тот поймёт, как же сильно мне хотелось шагнуть вниз с подоконника одного из этих чудесных арочных окошек). Собственно, от этого шага удерживало только одно. Я подозревала, что один человек всё-таки расстроится. Мой папа.

Про моего папу ходили легенды. Говорили, что он страшно строгий. Что я хожу у него по струнке. Что он запрещает мне носить мини-юбки. Что он ненавидит моего лучшего друга (собственно, распространению этих легенд я активно способствовала, потому что любила джинсы и одиночество). На самом деле он обожал меня и потакал всем капризам. Только он был страшно занят. Я это уважала.

Но однажды у меня возникла проблема. Серьезная. Неразрешимая. У меня не было контурных карт. И я понятия не имела, где их достать. В магазинах все были какие-то не такие. И я позвонила папе.

Наверное, было совещание. Или, может быть, военный совет. Или очередное ЧП. Точно не знаю, но что-то явно стряслось.

— Мне нужны контурные карты. Особенности. Такие, белые с синим...

— И что?

Я опешила.

— Как что? Мне нужны контурные карты...

— Я должен бросить флот и искать тебе контурные карты?

— Так, значит, флот для тебя важнее, чем я?!

— Дурочка, ну что тебе сказать...

Нет, он, оказывается, сомневается.

— Ничего не говори. И так всё ясно!

Я бросила трубку. Я рыдала. Навзрыд.

Это началось давно-о... Он даже рождение моё пропустил-ил. Он был в по-о-хо-о-де. На Кубе-е...

Самый лучший мужчина на свете волнуется за флот больше, чем за любимого ребёнка. Ну и зачем дальше жить? Если даже он меня не любит.

Через десять минут во дворе раздался знакомый сигнал. Мне было плевать на сигналы. На всё плевать. Я самозабвенно плакала. После десятого гудка я всё же нехотя побрела к окну. Рядом со служебной «Волгой» стоял папа. Мы ехали за контурными картами.

Утром я робко постучала в дверь кабинета генерального продюсера. Маловероятно, что он меня уволит — аванс-то уже выдал, но то, что шеф будет разочарован — это уж точно.

Он молча выслушал меня. Я внимательно следила за его реакцией. И внезапно поняла одну вещь: Андрей Игоревич и не рассчитывал, что получится. Он знал, что мне откажут. И дал заведомо невыполнимое задание. Зачем? Проверка на стрессоустойчивость? Если так, нужно вести себя как можно спокойнее и придерживаться делового тона.

— Ну что ж, нет так нет, — резюмировал Жуковский, когда ему наконец надоело слушать мои объяснения. — У меня есть к тебе еще один разговор.

— Я вас внимательно слушаю.

Впервые в жизни я почувствовала, как потеют ладони. Что меня ждет? Очередная невыполнимая миссия?

— Это касается Хенри Микса, руководителя съемочной группы, в которой ты будешь работать линейным продюсером. Кстати, он же руководит всем немецким проектом. Дело в том, Ася, что Хенри безусловно профессионал экстра-класса, но очень тяжелый человек.

Я перевела дух. Всего-то! Это он с Данилой Воропаевым не знаком.

В нише, за спиной шефа, на самом видном месте, красовался янтарный слон. Какой все-таки у меня мудрый папа!

— Ася, ты меня слушаешь?

— Да-да, конечно, — я мгновенно переключилась со слона на шефа. — Во-первых, Хенри — миллионер. Он получил в наследство столько денег, что мог бы вообще не работать. Во-вторых, он крупный ученый, мировая величина в биологии. Как ты понимаешь, он мог бы спокойно преподавать в университете. Но вместо этого он колесит по всему миру, снимая фильмы о дикой природе.

— Пока не вижу ничего страшного, — оптимистично улыбнулась я. — О такой жизни можно только мечтать.

— Это еще не все. Хенри... как бы это сказать... представитель нетрадиционной сексуальной ориентации. Он выглядит, как brutальный мужчина, но при этом капризен, как женщина.

— Тоже неплохо, зато приставать не будет, — нашлась я.

— Приставать не будет, но придирками изведет. Он не прощает продюсерам даже мелких ошибок. А ты, по сути, вообще не продюсер. Тебе только предстоит им стать.

— Тогда почему вы выбрали меня?

— Потому что за время существования проекта я вынужден был уволить четверых продюсеров, которые не сработались с Хенри, — признался Жуковский. — Пока его устроила только Наталья, но ее, как ты понимаешь, на всех не хватит. Вот почему мы очень на тебя надеемся.

— Я буду стараться.

— Главное помни: что бы он ни делал и не говорил — ты не имеешь права дерзить. Выслушай его пожелания и разбейся в лепешку, чтобы их выполнить. И вот еще что — выбей у себя на лбу фразу: «Хенри, мы все решим».

— А если выполнить его пожелания будет невозможно?

— Это твоя работа. Но даже если ты с ней справишься, не жди от него похвалы. Когда я был у него дома во Франкфурте, а у Хенри, знаешь ли, огромный дом с собственным зоопарком, он пообещал бросить меня в вольер и скормить своему леопарду.

Генеральный продюсер нашей студии обладал тучной фигурой. Жестокая шутка.

Подведем итог. Значит, четверых уволили, всемогущего Жуковского чуть не съели, а Лена Копейкина вообще неизвестно где. Ну что ж, теперь, по крайней мере, все ясно. Работа отнюдь не подарок.

В обеденный перерыв Ира снова под села ко мне в столовой.

— Ну, как, поживаешь? Как новая должность?

— Пока нормально, но вот сегодня узнала шокирующие подробности о будущем начальнике. Боюсь теперь облажаться.

— Ты ведь в бригаде Хенри?

Я кивнула.

— Повезло тебе! Он гений. И красавчик. Ты только не влюбись в него, как Полинка, а то точно уволит.

— Повезло??? Жуковский сказал, он обещал скормить его леопарду.

— Но не скормил! Что за детский сад! Жуковский по сто раз на дню любовницу свою убить обещает. Не убил ведь пока, как видишь?

— Я не знакома с любовницей Жуковского, — хмыкнула я.

— А по-моему, вы с ней в последнее время неразлучны.

— Так это правда?! Ну конечно. Ты ведь в курсе, что Андреевская — это красивый псевдоним, взятый в честь любимого мужчины? А так она Наталья Козина. Правда, не слишком благозвучно?

Подобные слухи доходили до меня на факультете. Но я и подумать не могла, что это правда. А почему, собственно? Я ведь влюбилась в главного редактора журнала «Тачка» Данилу Воропаева? Так отчего Наташа не может любить Жуковского?

Вечером меня ждал сюрприз. Заглянула в интернет проверить почту и нашла... письмо от Воропаева. Сердце колотилось бешено.

Неужели он всё понял? Понял, но боится признать свою ошибку, он ведь такой гордый.

Рука, сжимавшая мышку, вспотела. Я открыла письмо.

Собственно, письма как такового, там не оказалось. Любимый прислал мне аудиофайл. И как это понимать? Вот любит он ребусы. Загадочный мужчина. Я включила проигрыватель и сделала звук побольше. И... не поняла ни слова. Песня была даже не на английском, а, похоже, на испанском языке.

Красивый мужской голос пел, конечно же, о счастливой любви.

Ни названия композиции, ни исполнителя...

Ну где мне взять перевод? Причём срочно! А то вдруг он передумает?

И я позвонила Наташке.

— Привет, можешь говорить?

— Конечно. А что, случилось что-то? У тебя голос взволнованный.

— Очень нужна твоя помощь! Понимаешь, один человек... Один знакомый прислал мне песню на испанском языке. Мне очень, очень важно понять, о чём она. А ты же знаешь испанский...

— Та-ак, значит, любовь? — хмыкнула Наташка.

— Ну, в общем да, — не стала я отрицать. — По крайней мере, с моей стороны.

— И, значит, если смысл песни тебе понравится, командировка накрылась? На Дальний Восток ты не полетишь!

— Не-ет, ну что ты! Работа для меня прежде всего, на работу это никак не повлияет, я тебе обещаю, — горячо заверила я.

— Ну ладно, приходи мне свою песню на e-мэйл. Переведу, так и быть!

— Спасибо тебе огромное-преогромное! С меня ведро мартини!

— Да ладно, — сказала Наташка и отсоединилась.

Через час она перезвонила.

— Ты моя девушка-гитара. Я играю на тебе, как на рояле, Я играю на твоей обнаженной груди. Нас ждут с тобой ночи страсти и ночи любви.

— Ой, — поразила я.

— Подожди, это ещё не всё, — Наташку явно развлекала ситуация. — Зажги со мной. Я ночной танцор. У тебя красивая грудь, малышка, у тебя красивые ноги, малышка, у тебя красивая попа, малышка. Я играю на тебе, как на рояле.

— Ну и песня.

— В общем, твой милый тебя хочет, — резюмировала Наталья.

— И что делать, как считаешь?

— Сделай вид, что согласилась, и обломай, — посоветовала Андреевская. — На плейбоев это здорово действует. А он, мне кажется, как раз из таких.

— Попробую. Спасибо, — поблагодарила я и отсоединилась.

То есть, он всё о том же. Продолжает со мной играть. Ну что ж, Данила, давай сыграем. Посмотрим, кто кого.

«Ок. Когда встретимся?», — набрала я в почте.

Ответ пришёл почти моментально: «Ты хочешь секса?».

Ясно. Глазам своим не поверил.

«Да. Так когда?».

Похоже, такого ответа он не ожидал. Надо же, действует метод! Он думал минут десять.

«Сообщи позже».

Ух ты. Да я поставила его в тупик. Молодец Наташка. Здорово придумала.

За ужином я могла говорить только о предстоящей поездке. Вообразить, как буду вести деловые переговоры, и прикидывать, на что потрачу пять тысяч долларов по возвращении. Маришка слушала молча, на лице ее застыло какое-то новое, мне пока непонятное выражение.

Утром подруга провожала меня в аэропорт и помогала тащить огромный черный чемодан, с которым еще мои родители колесили по гарнизонам. И вдруг, совершенно неожиданно, Маришка заявила:

— А я уже рада, что ты на Дальний Восток летишь! Заодно Воропаева своего забудешь! Я разозлилась.

— А мне незачем его забывать! Между прочим, он прислал мне письмо! И сразу после моего возвращения мы с ним встретимся!

— Воропаев?! — ахнула Маришка — А почему ты мне не сказала?

— Потому что знала, как ты отреагируешь!

— А как иначе? После всего, что было! Я же тебе говорила, не отвечай ему! Тебе это ничего кроме неприятностей не принесёт. Он законченный эгоист, и именно поэтому у него до сих пор нет ни жены, ни девушки. Поэтому, — не дала она возразить, — а вовсе не потому, что он всю жизнь, до сорока лет, ждал и искал тебя, Земляникину Асю.

Я чуть не задохнулась от возмущения. Да как она смеет так рассуждать?

— Знаешь что? По-моему, ты уж слишком плохо о нём думаешь! Наверное, это от отсутствия собственной личной жизни.

Маришка изменилась в лице.

— А разве для тебя важно, что я думаю?

— Ну конечно важно. Я очень ценю твои советы, но в данной ситуации...

— В данной ситуации у тебя есть другие советчики, да?! У тебя вообще теперь другие друзья!

И она побежала вон из здания аэровокзала, даже не обняв меня на прощание.

Я смотрела в след хрупкой светловолосой фигурке.

И вдруг защемило сердце. Да ведь она мой единственный друг... По крайней мере, была моим единственным другом. Неужели все может измениться вот так, в одно мгновение, из-за какой-то глупой ревности?

На второй неделе жизни в общежитии однокурсник Лёшка стал уговаривать меня пойти посмотреть фильм к его соседке (мне компьютер ещё не переслали, а у Лёшки его и вовсе не было). Я уверяла его, что это неудобно, потому что, во-первых, время позднее, а во-вторых, его соседка меня знать не знает. Он назвал приведённые аргументы великосветскими амбициями и сообщил, что очень хочет, чтобы я посмотрела этот фильм, потому что чем-то напоминаю ему главную героиню. Я ненавижу снобизм и обожаю тайны. Поэтому замолчала. Но когда мы колотились ключами в дверь блока 1301, дискомфорт всё же присутствовал. Мы взяли с собой Лёшкины стулья (он объяснил мне, что в гости ходить следует со своими стульями, потому что они здесь в большом дефиците) и гитару (он сказал, что будет петь нам свои новые песни и те, что я ещё не слышала).

Открыла стройная светловолосая девушка. Таких прекрасных голубых глаз я прежде не видела. Она встретила меня так, как будто знала всю жизнь. Мы смотрели фильм

«Ванильное небо», время от времени жали на паузу и принимались спорить. А потом уселись на пол, и Лёшка взял в руки гитару.

Он пел поразившую моё воображение «Серенаду кощея», и мы орали:

«...Заложь в мой дворец водородную бомбу!!!
Заточи в моё сердце серебряный крест
От любви во мне множатся спазмы и тромбы
Я желаю любить, я хочу тебя... съесть».

Он пел угарный «Общажный драйв». Он пел «Голубоглазое чудовище», и хозяйка комнаты светилась от счастья, потому что эту песню Лёшка посвятил ей.

Я подумала, что она похожа на ангела. Какое уж там чудовище.

Так я познакомилась с Маришкой.

Проводить нас в командировку приехал лично Андрей Жуковский. Он опешил, увидев, как я волоку свой допотопный чемодан.

— Ася, ты что, с ума сошла?! — возмутился он, выхватывая багаж из моих рук. — Только не говори, что ты так в общественном транспорте ехала!

— Мне подруга помогала.

— Такая же хрупкая небось, — прищурился Жуковский.

Я улыбнулась.

— Такая же. Только блондинка.

— Вот объясни мне, Земляникина, как вышло, что такую красавицу, дочь уважаемого человека, некому даже проводить в командировку? Рядом с тобой должен быть достойный мужчина! Значит так, вернешься из командировки — найду тебе мужа.

Я нервно рассмеялась и стала вглядываться в лица пассажиров, прибывших из Франкфурта. Сказать, что я нервничала перед встречей с Хенри Миксом — значит ничего не сказать.

После долгих совещаний решено было на первый раз отправить вместе со мной Наташу — единственного продюсера нашей студии, к которому капризный Хенри относился терпимо. Предполагалось, что Андреевская поможет мне наладить отношения с новым начальником и обучит основам продюсерской работы.

Было видно, что шеф нервничает перед встречей с немцами. И знаете, его можно понять. Если рядовые продюсеры проекта получают по пять штук, сколько же платят ему?

— Ни в коем случае не хами Хенри, — в сотый раз инструктировал Андрей Игоревич. — Как бы он тебя не провоцировал. И не влюбись. Хотя... вряд ли он тебе понравится. Но если понравится, скажешь мне.

Я кивнула.

Напрасно волнуется. Мое сердце прочно занято другим мужчиной.

Что и говорить, Хенри и впрямь был хорош. Высокий, метр восемьдесят пять, не меньше. Лет сорок на вид. Зеленоглазый блондин с бронзовым загаром, мужественным обветренным лицом и безупречной фигурой. При виде него мгновенно вспоминалась фраза «истинный ариец».

Господин Микс в свою очередь тоже меня рассматривал. И я, похоже, его не впечатлила.

— Еще один киндер, — изрек он по-русски, но с сильным акцентом.

— Ася — очень профессиональный сотрудник, — заявил шеф и потребовал, чтобы Наташка перевела.

Второго немецкого оператора звали Норбертом, и он оказался довольно милым.

Я первый раз в жизни летела бизнес-классом. Конечно, мне понравилось. Еще как. Салон на восемь мест, в ручке кресла спрятан персональный телевизор, кнопка вызова улыбчивой стюардессы, которая, как джинн из мультика, приносит плед, подушку, еду и напитки.

Наташка всю дорогу меня инструктировала. Запомнить предстояло очень многое: что и как собирается снимать Хенри в Приморье, какие договорённости у нас уже есть, какие не помешали бы. С кем из директоров заповедников и видных учёных установлен контакт,

психологические характеристики этих людей, что нам от них нужно...

Я, как могла, постаралась уместить все это море информации в голове, оставив немного места для расследования, которое не собираюсь бросать. Имена и телефоны старательно записывала в ежедневник.

— План у нас такой, — говорила она, кутаясь в плед и попивая капучино из пластмассовой аэрофлотовской чашечки, — я сопровождаю тебя во время поездки в первый из заповедников, Прибрежный. Ориентировочно это три дня. Точно скажет Хенри на месте. За это время ты кое-чему научишься и кое с кем познакомишься. Потом я лечу в Москву, по делам студии. А ты остаёшься во Владике за главную.

Наташа водрузила пустую чашку на столик и повыше натянула плед.

— Волнуешься? — спросила она вполне человеческим тоном девчонки-однокурсницы.

— Волнуюсь, — честно призналась я.

— Просто помни, они — твоя работа. Они без тебя даже в туалет сходить не могут, не найдут. Ты гид, переводчик, продюсер — всё в одном флаконе. Тебе это нужно сейчас. Только работа лечит от любви.

Я осторожно взглянула на Наташу. Ей-то, самоуверенной красавице, откуда об этом знать? Она будто бы слышала мой невысказанный вопрос.

— Я тебя понимаю. У меня был мужчина. Всего один за всю жизнь. Андрей. Бизнесмен с трёшкой в центре, дочку один воспитывает. Я ему честно сказала, что у меня до него никого не было, он всё понял. Я решилась. В принципе, и лет мне уже было много, двадцать один. Мне все подруги завидовали. Красавец, обеспеченный. Они все говорили, что если бы у них был такой мужчина, они бы тоже вступили в близкие отношения.

Наташа вопросительно посмотрела на меня. Как бы проверяя этим взглядом, понимаю я её или нет.

— И... что случилось? Вы сейчас не вместе?

— Он настаивал, чтобы я бросила работу. Совсем. Жениться не предлагал, по крайней мере, сейчас. Предлагал гражданский брак.

— И ты выбрала работу?

— Конечно. Я не могу предать Жуковского. Кстати, он мне очень помог своими советами. Наш шеф настоящий психолог, с огромным жизненным опытом. Он помог мне понять, что Андрей не видит меня в качестве равноправной спутницы жизни, а просто хочет иметь дома дорогую вещь.

Ага. Психолог, тоже мне. Интересно, приставал он к ней или нет?

— И ты никогда не жалела о своем выборе?

— Никогда! Ты с ума сошла? Такая работа есть у единиц! Ты тоже скоро забудешь о своём Воропаеве.

— Ты же говорила, он приползёт? — напомнила я.

— Это конечно. Но тебе он уже не нужен будет. Ну что, закажем ещё кофе? А то скоро посадка, дорога от аэропорта длинная, а холод во Владике адский. Я перед отлётом погоду смотрела.

— Пусть будет кофе.

Элегантная стюардесса появилась через полсекунды после нажатия на кнопку вызова. Вскоре я уже наслаждалась любимым американо, а Наталья снова выбрала капучино. Рассказанная Наташей история просто не укладывалась в голове.

— Знаешь, а раньше, на журфаке, когда мы ещё не общались... Я представляла тебя

совсем другой.

— Знаю. Меня все другой представляют. Думают, что у меня было куча мужиков и я любовница Жуковского.

— Так ты знаешь? — изумилась я.

— Конечно. Уж не дура. Полгорода об этом говорит. Но поверь, на самом деле все совсем не так. С Андреем Игоревичем у нас чисто деловые отношения. И если он меня продвигает по карьерной лестнице, то только потому, что я все силы отдаю работе.

— А как же твой псевдоним? Почему ты тогда Андреевская?

— Единственного мужчину, которого я любила, зовут Андрей. Это в честь него, а не в честь Жуковского. Просто люди любят сочинять небылицы. Подгонять чужую жизнь под стереотипы.

Наташа вытянула и без того длиннющие ноги. Благо, расстояние между креслами в бизнес-классе это позволяло. Потом чуть повернула голову и внимательно посмотрела на меня из-под ресниц.

— Ну, а ты? У тебя было много мужчин?

То есть, в ответ на свою откровенность она ждёт ответной откровенности. Ну тогда... Э... Соврать или сказать правду?

— Граждане пассажиры. Мы прибыли во Владивосток. Температура воздуха за бортом...

К счастью для меня, объявили посадку.

Владивосток показался мне сказочным городом. Он был построен на сопках. Складывалось впечатление, что здесь нет ни одной горизонтальной улицы, все идут под наклоном. Снежный ветер задувал в лицо, насквозь пронизывал мой пуховичок на рыбьем меху и, казалось, готов был подхватить меня саму, как снежинку, и унести в тайгу, к белым тиграм и загадочно-неуловимому леопарду.

По наклонным улицам с трудом пробирались джипы. Их я тоже обожала, потому что они так напоминали военные газики из моего детства. Как я уже говорила, мой папа военный, и мы с ним объездили все гарнизоны Балтики. Но вот на Японском море я не была никогда.

— Ну что, уже замёрзла? — не угадала моего восторга Наталья. — Ничего. Скажи спасибо, что шеф не отправил тебя в Арктику. Якутск — вот где по-настоящему холодно.

— Ты что, здесь просто потрясающе!

Нас встречал Сергей Кобалов, оператор местной телекомпании «Тайга» и по совместительству пасынок её директора. Ещё в самолёте Наташа объяснила, что у нас с этой телекомпанией контракт, обязывающий «Тайгу» оказывать нам посильную помощь и при необходимости даже сопровождать в заповедники. Шеф выбрал их потому, что это единственная студия в Приморье, снимающая только фильмы и репортажи о дикой природе.

Сергей оказался коренастым светловолосым пареньком лет двадцати пяти.

— Гутен таг! — весело поздоровался он и принялся загружать наш багаж и съёмочное оборудование в потрепанный праворульный японский микроавтобус, явно побывавший не в одной таёжной командировке.

Мне, как самому младшему члену бригады, сиденья не хватило. Пришлось устраиваться на чемодане с дедолайтами, в обнимку с огромным рюкзаком Хенри.

Сергей пришпорил автобус и понёсся навстречу вьюге.

— В городе штормовое предупреждение, — возвестила Наталья по-английски,

повернувшись к немцам.

— Что это такое? — прищурился Хенри.

— Из-за плохой погоды общественный транспорт не ходит, а людей отпустили домой.

На дорогах очень много аварий.

Я крепче вцепилась в рюкзак Хенри. В окна я старалась не смотреть, кругом была одна сплошная белая вьюга.

— Вообще-то, я тоже могу говорить по-английски, — сообщил Сергей, услышав наши иноязычные речи. — Но не сразу.

— Это как? — не поняла я.

— Мне требуется где-то неделя общения, чтобы вспомнить язык, — пояснил Кобалов.

— Тогда будем ждать, — лучезарно улыбнулась Наталья. Эх, вот бы ещё научиться у неё так улыбаться.

Автобус катил вперёд. Казалось, нас, как домик Элли из Канзаса, сейчас подхватит ураган и перенесёт в волшебную страну. И пойдём мы по дороге из жёлтого кирпича навстречу своим мечтам.

— У нас во Владивостоке эти автобусы сравнивают с велосипедами, — радостно возвестил Сергей.

Неожиданно на меня навалилась усталость. Я сама не заметила, как заснула. Проснулась от того, что почувствовала, как автобус пошёл в гору. Потом покатился назад, а вслед за этим раздался дикий визг тормозов.

И всё кубарем: рюкзак, руки, ноги.

А потом крик Сергея:

— Господи, вы живы, все живы?

До гостиницы «Океан» нас довёз сердобольный водитель грузовика. Наташе, Хенри и Норберту нашлось место в кабине. Сергей сидел в кузове рядом со мной.

Замёрзший, перемазанный и перепуганный, он не уставал повторять одно и то же: «Тормоза. Кто-то испортил тормоза».

— Сергей, а кто их мог испортить? У тебя есть враги? — тихонько спросила я.

— В том-то и дело, что нет. Я снимаю фильмы про дикую природу, а не про коррупцию, — вздохнул парень.

— Но ты уверен, что это не совпадение? Сам же говорил, что эта машина вроде велосипеда.

— Смеёшься? Я вчера вечером перед вашим прилётом всё проверял. С меня же отчим теперь три шкуры спустит. Да и автобус жалко. На свои кровные куплен, а зарплаты у нас — тьфу, не то, что у вас в Петербурге.

— Да у нас тоже не особо большие, — вставила я. — Ну тогда надо в отделение ехать, заявление писать.

— Ага. И знаешь, что мне там скажут? Зачем же вы, молодой человек, на старом автобусе при штормовом предупреждении в аэропорт попёрлись, да ещё иностранцев повезли?

— Думаешь?

— Уверен. Ася, я к чему это говорю. Тут ведь речь идёт о центральном иностранном канале, а регион у нас, сама знаешь, беспокойный. Ты уверена, что с твоими немцами всё чисто?

— Я...да... А что с ними может быть нечисто?

— Так может, они шпионы? А кино про тигров и леопардов — просто прикрытие?

— Ага, а тормоза спецслужбы испортили, да? — рассмеялась я. — Не проще их просто арестовать?

— Не знаю. Но мне почему-то кажется, что дело тут не чисто, и это связано с вашими немцами.

Я только усмехнулась. Как выяснилось позже, напрасно.

Мы провели во Владивостоке всего один день. Потратили его на то, чтобы заселиться в гостиницу, настроить оборудование и встретиться с одним известным ученым, специалистом по тиграм.

А сегодня утром сели на катер, идущий в Прибрежный заповедник. Как выяснилось, в такую погоду это лучший способ туда добраться.

Наташка осталась во Владивостоке. Ей предстояло несколько встреч в ФСБ края. Мы ведь на границе с Китаем, а Хенри с Норбертом — граждане иностранного государства. И на съемку в каждом районе требуется специальное разрешение от пограничников.

— Я могла бы, конечно, доверить это тебе, — сказала Наташа. — Но ты их не знаешь, а у меня уже связи налажены.

Поэтому я теперь мерзла на крошечном катере во льдах, а она пила утренний кофе в баре гостиницы «Океан». Но знаете, если бы мне пришлось выбирать, я бы все равно выбрала катер.

— Какая у меня задача в заповеднике? — уточнила я перед отплытием.

— Во-первых, чтобы Хенри был доволен. Нужно организовать ему съемки. Во-вторых, нужно подружиться с руководством заповедника и убедить их не брать за съемки столько денег. Хорошо, если удастся снизить цену процентов на тридцать. А лучше на пятьдесят.

— То есть вдвое? А если они на это не пойдут?

— Постарайся уговорить, — пожала плечами Андреевская. — Это твоя работа как продюсера.

Приключения начались сразу, как только катер, оставив нас вместе с чемоданами на берегу, отчалил.

Выяснилось, что ни наше проживание, ни питание, ни съемки в заповеднике не оплачены. С собой денег мне тоже никто не дал. Наташа меня заверила, что мы за все заплатим по окончании съемок. Но как оказалось, местные егеря с этим совершенно не согласны.

Вот знаете, если бы меня сейчас со стороны видел мой папа, он был бы в шоке. Его единственная дочь сидит на Дальнем Востоке, в компании двадцати мужиков, пьющих водку и пожирающих её глазами, и пытается о чём-то договориться. Папа бы не понял такого продюсирования, честное слово.

Ну а что мне, спрашивается, остаётся делать? Учитывая тот факт, что других продюсеров тут не наблюдается на сотни километров вокруг (или какова там территория заповедника), связь с Наташкой только по рации, и эти таёжные мужики требуют с нас денег, которых ни у неё, ни у меня, ни у немцев нет.

В конце концов, если начнут приставать, разбужу Хенри с Норбертом — пусть эти алкаши попробуют с ними справиться. Наши немцы были как на подбор — двухметровые и загорелые от частых съемок на свежем воздухе. Так что я чувствовала себя в относительной безопасности.

Мне бы только этого Илью Пустова дожидаться, начальника участка. Надеюсь, я смогу его убедить, что эта история с оплатой — всего лишь недоразумение.

Около часу ночи шеф егерей наконец-то явился. И не просто так, а приплыл на личном катере. Видимо, начальники участков здесь в авторитете.

Илья Пустов оказался крепким мужчиной лет сорока пяти — пятидесяти, седым, с седой бородой и усами. Да к тому же в тельняшке. Я решила, что он похож на Хемингуэя.

— Добрый день, прекрасная барышня, — обратился он ко мне. — То есть, простите, доброй ночи!

— Доброй ночи! — обрадовалась я. — А я вас жду! Мы можем поговорить?

— Что ж, мне, старому матросу, лестно такое слышать, пойдёмте, прогуляемся.

Я не без удовольствия выбралась из-за стола.

Пустов повёл меня вниз, к самой воде.

Звёзды светили необычайно ярко, ветер дул с моря, и мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы на месте Пустова тут оказался Воропаев.

— Видите ли, Илья Андреевич...

— Прошу вас, Асенька, зовите меня просто Ильей, не такой уж я и старый.

— Илья, у нас возникло недоразумение с оплатой, — я сразу взяла быка за рога. — Дело в том, что сначала во Владивостоке, в администрации, нам сказали, что оплатить съёмки и проживание мы можем после возвращения, в зависимости от того, на сколько задержимся. А теперь выясняется, что заплатить мы должны сейчас. Естественно, денег с собой у нас нет.

— Ситуация действительно неприятная, — согласился Пустов. — Откуда мне знать, что вы действительно заплатите во Владивостоке?

— Ну сами подумайте, зачем мне вас обманывать? Проект рассчитан на два года, если обманем, вы нас сюда просто больше не пустите. Ну... хотите я напишу вам расписку?

Пустов медлил с ответом. Мы медленно брели обратно, в сторону дома.

— Кстати, должна вам признаться, — вспомнила я Наташкины заветы, — бухта Спасения — самое красивое место на земле, которое я видела.

— Правда? — совсем другим тоном переспросил Пустов. Да, Наташа была права, все любят лесть. Впрочем, бухта и впрямь хороша.

Я подлила масла в огонь мужского тщеславия:

— Конечно, и воздух здесь волшебный.

— Давайте присядем, — Пустов кивнул на скамейку.

Я послушно села. Илья Андреевич примостился рядом.

— Вы посмотрите, какие звёзды, — воскликнул он и неожиданно сжал мои ладони в своих.

Я оторопела.

— Флиртую, — пояснил бородатый Хемингуэй, ровесник моего папы.

Чёрт, и двинуть ему нельзя.

Я пробормотала «холодно», вскочила со скамейки и побежала к домику егерей. Пустов нёсся за мной. Он нагнал меня у подножия спасительной лестницы. Силой прижал к себе и горячо зашептал на ухо:

— А что ты скажешь, если я предложу провести эту ночь в моей комнате?

— Нет.

— Ну ладно, хочешь, пойдём к тебе, — ничуть не расстроился Пустов.

— Нет, спать я буду одна. И вообще, не привыкла к такому.

Я сильно рванулась и понеслась вверх по лестнице. Пустов выпустил меня, должно быть, от неожиданности.

— Ну смотри, девочка, — прошептал он мне вслед, — ну смотри.

Надо ли говорить, что спать я легла одетая, прижав к себе нож и фонарик. Хенри с

Норбертом храпели в соседней комнате за лёгкой деревянной перегородкой. Я решила их пока не будить, но в случае чего они наверняка проснутся от малейшего шума.

О том, что делать с оплатой съёмов, я не буду думать сейчас. Об этом я подумаю завтра. Так говорила моя любимая литературная героиня Скарлетт О'Хара. Очень действенный принцип, кстати.

Но, как выяснилось, переживала я совершенно напрасно. До утра меня никто не беспокоил. На рассвете Хенри и Норберт ушли на съемки в сопки, а самый добродушный из егерей, Матвей Иванович, поил меня вкуснейшим кофе и угощал яичницей. Он был одет в валенки и стеганый жилет и чем-то неуловимо напоминал моего покойного дедушку.

— Ну а вы чем сегодня будете заниматься, Асенька?

— Честно говоря, я в тупике, — призналась, сделав плоток обжигающего, неправдоподобно вкусного напитка. Сейчас, ясным зимним утром ситуация уже не казалась такой безнадежной, как вчера ночью, но выхода из нее я по-прежнему не видела. — По идее, я должна обсуждать финансовые вопросы с вашим руководством. Но, судя по всему, Илья Андреевич... не намерен ничего обсуждать.

— Да и нет его сейчас. Уехал в соседнюю бухту. Будет только к вечеру.

— Иваныч, я сегодня точно найду этот клад! — в кухню ракетой ворвался мальчишка лет четырех-пяти.

Откуда он тут взялся?

Заметив меня, парень слегка стушевался и, как взрослый, протянул руку.

— Влад.

— Очень приятно, Ася.

— Это вы кино снимаете?

— Да, — улыбнулась я. — Точнее сказать, снимают операторы, а я помогаю им организовать съемки.

— Здорово! — восхитился мальчик. Он был очень хорошеньким — с темно-каштановыми кудрями и пронзительными зелеными глазами. — А я ищу клад.

— И как же ты его ищешь? — мне и впрямь интересно было это узнать.

— Мама дала мне карту. Вот, видите, это бухта, это мыс, это кордон. А вот здесь, видите крестик? Здесь пиратское сокровище. Когда-то в этой бухте затонул пиратский бриг. Но часть экипажа спаслась. Они спрятали здесь сундук. И вот мама дала мне эту карту...

«Какая чудесная мама», — подумала я. И вдруг представила, что когда-нибудь у меня непременно будет сын. Я буду рисовать для него пиратские карты и сочинять захватывающие истории. А он станет искать припрятанные корсарами сокровища. Когда-нибудь... Я слегка потрясла головой, прогоняя эти мысли и возвращая себя к реальности. Меня зовут Ася Земляникина, я русский продюсер Хенри и Норберта и если я не соображу, как решить вопрос с оплатой и сорву съемки, Жуковский не заплатит мне пять тысяч долларов, и нам с Мариной нечем будет платить за квартиру. Ну и «мерса» не видать, естественно.

Владик позавтракал и убежал искать клад на берегу, а Матвей Иванович рассказал мне, что мальчик — сын давнего друга Пустова, который как раз сейчас гостит на кордоне с семьей. Я решила, что их присутствие мне только на руку. Быть может, при ребенке Илья Андреевич поостережется устраивать скандал.

Я связалась по рации с Наташей. Рассказала ей о проблеме с оплатой и Пустовым, и она пообещала как можно скорее связаться с шефом. Я сидела в своей комнате и даже пыталась читать книгу, но вникнуть в смысл фраз никак не получалось. Я боялась, что Илья Пустов вернется раньше, чем Жуковский там, в далеком Петербурге, успеет все разрулить. И даже

раньше, чем вернуться со съемок Хенри с Норбертом.

Спустя полчаса спутниковый телефон наконец ожил, и его пиликанье показалось мне самым сладостным звуком на свете.

— Шеф сказал стоять на своем. Мы заплатим только по возвращении. Такой был уговор.

— Но они просто перестанут нас кормить! — закричала я, нажав кнопку вызова. — Наташ, ты понимаешь, что мы сидим тут посреди тайги, и Хенри намерен снимать морские пейзажи еще несколько дней! А Пустов требует денег! И немедленно! Что мне делать?!

Я нажала «прием».

— Ну придумай что-нибудь, ты же продюсер!

Ага. Похоже, это любимая фраза моего руководства. «Придумай, ты же продюсер». Коротко, емко и главное — дает ответ сразу на все вопросы. Что-то меня уже не удивляет, что Лена Копейкина пропала без вести.

Но я решила так просто не сдаваться.

— А еще Пустов ко мне пристаёт!!!

Сквозь треск я услышала, как Наталья вздохнула в трубку. Видимо, осталось в ней что-то человеческое.

— Хорошо. Я постараюсь что-нибудь придумать. Держи телефон заряженным. Я с тобой свяжусь.

Она позвонила ближе к вечеру. Ни Пустов, ни Хенри с Норбертом еще не успели возвратиться.

— Скажи, пожалуйста, а ты в курсе, что в Приморье завтра ожидается сильный шторм? — поинтересовалась она голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— И что теперь делать?

— Честно говоря, я понятия не имею, — сказала Наташа. — Весь день я пыталась найти машину, чтобы привезти еду и, если получится уговорить Хенри закончить съемки пораньше, увезти вас во Владивосток.

— И? — впереди забрезжила надежда. — Когда ты приедешь?

— Да видишь ли, из-за этого дурацкого штормового предупреждения никто не хочет ехать в заповедник. Я провела на телефоне несколько часов, и во всем Владивостоке, представь себе, не нашлось ни одного желающего.

— Чего они боятся?! Что машину сдует, что ли? Тогда найми грузовик!

— Я пыталась. Они говорят, дороги в заповедник плохие, сплошь глина. Ее размочит и тогда увязнет любая машина. А водителей, желающих ночевать на полдороги к дому, пока в Приморье не обнаружилось. Вы там не очень голодные?

Я прислушалась к урчанию в животе.

— Лично я в общаге ко всему привыкла, легко могу еще пару дней не есть. Но вот Хенри с Норбертом... Они целый день там, в тайге, голодные. Мне кажется, они просто прибьют меня, когда вернуться и не обнаружат ужина.

— Попробуй поговорить с ними. Скажи Хенри, что мы все решим.

— А мы решим?

В это верилось с трудом.

— Конечно решим, нам просто деваться некуда... — вздохнула Наташка и отсоединилась, пообещав связаться со мной, как только появятся новости.

Вот интересно: ситуация только усугубилась, но от того, что в сотнях километров отсюда, во Владивостоке, есть человек, который за нас переживает и изо всех сил пытается

помочь, стало легче.

Хенри с Норбертом, как и ожидалось, вернулись голодные и злые. Они молча выслушали мою сбивчивую речь на плохом английском. Я, как и велела Наташа, пообещала, что мы все решим.

Хенри буркнул только: «Я надеюсь». И спросил, в курсе ли Жуковский. Потом они ушли отдыхать к себе. А я отправилась вниз. В комнату, которая служила егерям гостиной. Все обитатели кордона, кроме Пустова, уже были здесь. Они снова сидели за столом и пили водку. Видимо, такова местная традиция. С ними был еще симпатичный мужчина, темноволосый, с ярко-зелеными глазами, которого я раньше не видела. А милостивая блондинка средних лет подавала к столу закуски. Не трудно было догадаться, что это родители маленького Владика.

Мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к этой веселой компании. В конце концов, я и впрямь продюсер, и договариваться с этими людьми — действительно моя работа. Точно также как работа Хенри и Норберта — почти круглосуточные съемки в заснеженной тайге на ледяном ветру. Или под палящим солнцем знойной монгольской пустыни, как на прошлом их проекте. Недаром у наших немцев такие обветренные загорелые лица.

Стоило мне подойти к столу, как мне тут же подвинули стул и налили рюмку. Пить я, естественно, не собиралась. Но демонстративно отказываться не стала. Пусть себе стоит стопарик, ни к чему нам отрываться от коллектива. А под шумок буду себе лимонад прихлебывать. Эээ... А здесь вообще-то есть лимонад?

Неожиданно мне на вырубку пришел папа Влада.

— Хотите зеленого чая?

Я взглянула на него с благодарностью и кивнула. Выяснилось, что папа Влада не кто-нибудь там, а полковник спецслужб. А еще он был единственный кроме меня на этом празднике жизни, кто сегодня не пил водку. Правая нога Александра, так звали полковника, была забинтована, и передвигался он при помощи трости. Матвей Иванович шепнул мне, что полковника ранили на задании.

Во втором часу ночи приехал наконец Пустов. И с порога заявил, что ему нужно сказать мне пару слов «по делу». Мы вышли в коридор. Далеко уходить с ним я, наученная горьким опытом, боялась.

— Вы решили вопрос с деньгами? — спросил он, обдав меня трехдневным перегаром.

— Послушайте, но вы же понимаете, что здесь, на кордоне, нам деньги взять просто неоткуда! Моя коллега хотела приехать за нами, но объявили штормовое предупреждение. Шеф уверяет, что договаривался об оплате после съемок. Давайте решим дело миром...

— Платите деньги, и решим.

— Вы меня простите, но никакого иного решения, кроме оплаты после съемок я вам предложить не могу. Давайте оставаться цивилизованными людьми. Да, возможно руководители друг друга недопоняли. Но мы же не можем из-за этого работать голодными. Вы предоставляете жилье и питание — мы оплатим по прейскуранту, когда вернемся в город.

— Я не собираюсь кормить этих фашистов в долг, — безапелляционно заявил начальник участка.

— Война закончилась семьдесят лет тому назад...

— Я все сказал. Давайте как-то договариваться.

И тут он бесцеремонно устался на мою грудь.

— Я боюсь, что никакого другого решения просто не могу вам предложить, — твердо сказала я.

— Ну тогда мы вас просто отсюда не выпустим. Карабины заряжены, телефон отберем.

Не помня себя от ярости, я взбежала вверх по лестнице и хотела тут же позвонить Наташе по спутниковому телефону. Но его не было. Кто-то рылся в моих вещах. Телефон у нас уже отобрали.

Я проснулась от того, что кто-то светил мне в лицо фонариком.

Естественно, я решила, что это Пустов.

— Кто... кто там?

Человек направил луч фонарика на себя. Я чуть не вскрикнула от неожиданности. Это был полковник ФСБ.

— Пойдём поговорим, — прошептал полковник.

Я встала и пошла за ним.

Полковник был единственным из всей компании, кто внушал мне доверие. Моя мама сказала бы, что он выглядит интеллигентным человеком.

Наверное поэтому меня слегка удивило место, которое папа Александр выбрал для беседы. Он завёл меня в деревянную баню. Видимо, не хотел, чтобы нас подслушали.

Егеря парились несколько часов назад, и брёвна всё ещё были тёплыми. Пожалуй, здесь было гораздо лучше, чем в доме.

— Ну, рассказывай Ася.

— О чём?

— Обо всём. Я же вижу, что у вас с Пустовым конфликт намечается. Тебе помощь нужна или нет?

Я сообразила, что помощь бы мне как раз не помешала. И стала рассказывать. Про наш проект, про аварию, про то, как мы оказались здесь, в заповеднике, без денег.

Полковник оказался замечательным слушателем. У него были чудесные зелёные глаза, как у моего папы, и кудряшки, как у Владика. Даже жаль, что он женат.

— А ты правда полковник ФСБ? — спросила я, забираясь с ногами на полку. Как мы в процессе моего рассказа перешли на ты, я и сама не заметила.

— Не-а.

Ну так и знала. И тут подстава.

— Нет???

— Я полковник ГРУ.

— И тебя ранили на задании?

— Я не имею права об этом говорить, — скромно ответил Саша. — Расскажи мне лучше...

Я сама не заметила, как мы стали говорить уже о Питере, который, как оказалось, он очень любит. О Маришке — он сказал, настоящих друзей нельзя терять из-за ерунды. И даже о разводе родителей. Как вдруг... Он меня поцеловал.

— Прекрати. Прекрати, ну пожалуйста.

— Не могу, ты очень красивая.

— У тебя жена...

— Жена у меня номинальная, мы давно вместе не живём.

— Ага, как же, все так говорят.

— Клянусь тебе, это так.

И он снова начал меня целовать. Как ни странно, мысли о Даниле Воропаеве совершенно вылетели из моей головы и сопротивляться не хотелось. Но нужно было обязательно. Потому что он женат. И потому что так нельзя. И потому что я не могу предать

Владика. И он... не должен.

— Саша, у тебя сын... Владик...

— Владик маленький.

— У тебя сын ищет клады, а ты...

Неожиданно он отстранился от меня.

— Убедила.

Я не спала всю ночь. Я не была уверена, что правильно поступила. Саша не спал тоже. Похоже, он был занят тем, что ходил из угла в угол, по крайней мере, я отчётливо слышала скрип половиц. Наши комнаты разделяла только кухня.

В конце концов я не выдержала, на цыпочках выбралась в холл, на общую кухню. И прильнула ухом к Сашиной двери. Минуты две он шагал по комнате молча, потом я услышала, как он пробормотал:

— Дети — наше будущее.

Утром я застала его на кухне с Хенри и Норбертом. Они как раз запивали кофе омлет с ветчиной. Видимо, Пустов все-таки сменил гнев на милость и решил нас кормить. Видимо, без вмешательства ГРУ здесь не обошлось. И меня как-то даже не удивило, что Саша увлеченно беседует с Хенри на чистом немецком.

Когда я, позавтракав, вернулась в комнату, на кровати как ни в чем не бывало лежал спутниковый телефон. Я позвонила Наташе и сказала, что мы живы и даже сыты.

— То есть ты договорилась, что мы заплатим по возвращении? — поинтересовалась она.

— Не совсем. Но я над этим работаю.

— Так. А на какой конкретно стадии ваши переговоры?

— Ну... Э... Вчера вечером он пообещал, что не выпустит нас отсюда, пока не заплатим. И обещал взяться за карабин. Но я заручилась поддержкой одного разведчика.

— Чего? Кого? А разведчик-то там откуда взялся? — недоумевала Наталья.

— Он отдыхает тут с семьей. Друг Пустова. Возможно, он сможет его убедить.

— Было бы неплохо. А я уговорила Жуковского заплатить часть денег Пустову на кордоне, а часть — официально, через кассу в заповеднике. Но ты же понимаешь, что я не смогу приехать, пока шторм не утихнет.

Прогнозы оправдались. За окном бушевал снежный вихрь такой силы, что казалось, хлипкий домик егерей вот-вот снесет.

— Конечно, я понимаю.

— Держитесь там, — вздохнула она и отсоединилась.

Конечно, о съемках во время такой непогоды и думать было нечего. Хенри и Норберт так и просидели весь день в гостиной в обществе Саши. Было очевидно, что они, что называется, нашли друг-друга. Егеря снова пили водку в гостиной и на сей раз даже звали моих немцев к ним присоединиться, но те вежливо отказались, предпочли зеленый чай и общество полковника. Сашина жена не выходила из своей комнаты. А Владик отыскал на кордоне старые шахматы, и мы сыграли несколько партий, заменив недостающего ферзя пробкой от бутылки.

Этой ночью я снова слышала стук в дверь. И это снова был Саша. Мы пробрались в деревянную баньку и снова болтали до утра. Полковник больше не делал попыток ко мне приставать. Мы просто разговаривали. Пожалуй, вот так, часами и без умолку, я могла болтать только с Маришкой.

— Слушай, для разведчика ты уж очень разговорчивый, — смеялась я. — Весь день

болтал с немцами, между прочим, иностранными гражданами, а теперь со мной. Не устал?

— Да нет. Мне здорово и очень интересно. Я и подумать не мог, что этот отпуск окажется таким интересным. С пустовскими ребятами, знаешь ли, после третьей стопки общаться сложновато становится.

— Зачем же тогда ты сюда приехал?

— Я полгода был в командировке. И через неделю уеду снова. Насколько — пока не знаю. Хотел провести этот маленький отпуск с сыном. Места здесь красивые...

— Это правда.

— По-моему, гораздо невероятнее, что тебя сюда занесло. Ты ведь родом из Калининграда. Выходит, из самой западной точки приехала в самую восточную. И как раз в тот момент...

Он не стал продолжать, очевидно опасаясь моей реакции. Я и так поняла. В тот момент, когда он сюда приехал.

Удивительно, но в эти дни я совсем не вспоминала о Воропаеве.

Зато прекрасно помнила, что Саша женат. И о романе с ним даже не помышляла. Но мы были в тайге, на дальнем кордоне, куда без специального разрешения прорываются лишь браконьеры. Да и то — летом. Да и то — изредка. Егеря пили водку, Пустову я старалась на глаза не попадаться, а Хенри с Норбертом продолжали задирать нос. Вот и получалось, что общаться можно только с Владиком и с его отцом. Где-то в глубине души я уже, конечно, догадывалась, что Сашин интерес ко мне — не вполне дружеский. Но до тех пор, пока он не говорил об этом прямо, могла позволить себе наслаждаться общением.

Когда я была маленькой, у меня был друг Ваня, внук бабушкиной соседки. И мы построили с ним штаб в кустах сирени. И ночью, когда бабушки засыпали, сбегали в этот штаб, пили припрятанный днем компот и ели хлеб. Самый обычный хлеб. Который ночью почему-то казался втрое вкуснее.

Эти встречи с Сашей напоминали мне те самые посиделки в штабике. Ну да, у нас была тайна. Но ведь безобидная. По-детски наивная. Мы просто наслаждались общением. До тех пор, пока он не сказал:

— Так не хочется думать, что будет дальше. Но знаешь, не думать об этом не получается. Поэтому я решил прямо тебя спросить. Что будет дальше, Ася? Ты мне очень нравишься...

— Нет... пожалуйста, не говори так...

Но он все равно меня поцеловал. А я ответила на его поцелуй.

В ту ночь между нами ничего не было. Я плакала и убеждала его, что не стоит ничего начинать, потому что он женат. Потому что семья и есть самое главное. То единственное, ради чего стоит наступать на горло своим чувствам и желаниям. Я знала это точно, потому что развод родителей был самым страшным, самым тяжелым событием в моей жизни.

Саша убеждал меня, что его брак — давно уже фикция. Но мне слабо в это верилось. Я видела, какими глазами смотрит на него жена и чувствовала, что она его до сих пор любит. И еще я не могла предать Владика.

Мы только отчаянно целовались до самого утра, будто пытаюсь таким образом насытиться друг другом, не согрешив. Но, конечно, обоим было этого мало. Слишком мало. Утром он в который раз повторил свой вопрос.

И я снова покачала головой. Слез уже не было.

Он молча кивнул и ушел в свою комнату.

Глава 10

Самым сложным было смотреть утром в глаза его жены. Я как-то сразу поняла, что она всё знает. Может быть, что-то слышала. Может быть, женская интуиция не позволила ей не заметить. Я знала, что не сделала ровным счётом ничего плохого. Как в том фильме: «Не виноватая я, он сам пришёл!». Но всё-таки отвела глаза.

Потом я видела в окно своей комнаты, как они гуляли по берегу моря. Владик бежал впереди, у самого края ледяной корки, совсем близко к воде, иногда останавливался, лепил снежки и бросал их в отца, изо всех сил стараясь привлечь его внимание, чтобы насладиться этим коротким отпуском. Владик знал — очень скоро папа уедет снова. И, быть может, надолго. Его родители шли рядом, усталые и задумчивые. Они не говорили друг с другом, но при этом казались вполне счастливой семьёй. Мужчина в черном пуховике с копной темно-каштановых волос и пронзительно-зелеными глазами и хрупкая, грациозная блондинка. Очевидно, в юности жена Александра была настоящей красавицей.

Не в силах больше смотреть на это, я вышла на кухню и принялась готовить обед для Хенри и Норберта. Где-то минут через десять поднялся Матвей Иванович.

— Доброе утро, Асенька. А я пришёл из Сашиной комнаты матрас забрать.

— Зачем? — из вежливости поддержала я разговор.

— Так уезжают они. После обеда.

— Как уезжают? — голос предательски дрогнул, а сердце рухнуло куда-то в желудок.

Они уезжают. Ну что ж, наверное, так для всех нас будет лучше. С глаз долой и все такое... Но при мысли, что я никогда больше не увижу ни Сашу, ни Владика, хотелось реветь. Не будет долгих ночных бесед, игры в шахматы с пробкой вместо ферзя, звонков по игрушечному телефону, бега по берегу бухты наперегонки с малышом, двух пар неправдоподобно зеленых глаз. Ну что ж, все правильно. Мама у них уже есть. И она их очень любит.

Решение принято. И меня, кстати, спросили. Чего теперь-то метаться?

Владик прибежал ко мне несколько раз. Видимо, он чувствовал, что мы навсегда расстаёмся.

— А ты пойдёшь нас провожать? — с надеждой спрашивал он, заглядывая прямо в глаза.

— Я не смогу, — отвечала я, чувствуя ком в горле. — Но я буду смотреть из окна, как вы уезжаете, и махать тебе рукой. Обещаю.

Влад подошёл к окну, сжимая в руках свой ненастоящий мобильный.

— Ты врёшь, — грустно сказал он. — Из этого окна не видно подъезд. — Почему ты не хочешь меня проводить? Это из-за папы, да?

— Ну что ты. У тебя замечательные папа и мама. Просто прощание — это всегда очень грустно.

Владик вздохнул как-то по-взрослому.

— Опять ты врёшь.

Потом достал из кармана карту сокровищ и протянул мне.

— Обещай, что всегда будешь её хранить.

— Обещаю.

Я и сама не могла понять, как успела всего за несколько дней так привязаться к этому

мальчишке, что мысль о том, что мы с ним никогда больше не увидимся, для меня невыносима и мучительна. Я подружилась сначала с ним, а уж потом с его папой. И вот теперь нам предстояло проститься. Они, будто бы нарочно, собирались очень долго. И вот уже стемнело, настало время ужина, и на кухне собрались все обитатели кордона.

Наконец он вышел. На нём шинель с орденами, он опирался на костыль. Зелёные глаза, мужественный профиль. Настоящий полковник. Ничего не скажешь.

Саша подошёл к Хенри, пожал ему руку и попрощался по-немецки. Потом пожал руку Норберту. И даже не взглянул в мою сторону.

Только Татьяна обернулась уже на пороге кухни. Она взглянула на меня с благодарностью и сказала:

— До свидания, Ася.

Сердце сжалось в маленький кровотокающий комочек. Всё правильно. У Владика должна быть полная семья. Многие мужчины засматриваются на молодых девушек, а потом возвращаются к жёнам. У нас бы всё равно ничего с ним не получилось. Ничего. Никогда. Только почему так хочется удавиться?

Вечером Матвей Иванович предложил мне сыграть партию в шахматы. И я с благодарностью согласилась. Хенри с Норбертом опять закрылись в своей комнате, Владик уехал, и без него я никак не могла найти себе занятие.

Играл старый егерь хорошо. У меня даже сложилось ощущение, что он нарочно поддается мне, затягивая игру. Спросил разрешения закурить, и я не возражала. Курил он, кстати, трубку.

— Ни разу не видела, как это делается. Только в кино, — призналась я.

Матвей Иванович затаился и выпустил в потолок самые настоящие колечки дыма.

— Жаль мне Сашу, — неожиданно, без всякого перехода сказал он. — Работа у него не из лёгких. Вот месяц был в Пакистане, ранение получил. А говорил всем, что в Афганистан летит.

— Зачем говорил?

— Да потому что нельзя правду сказать было. В Пакистане наших военных официально нет. Но, видно, была какая-то операция. Да он же разве расскажет подробности. Я и страну-то случайно узнал. При такой работе семья нужна, надёжный тыл. А он уж третий год один.

— Как один? — опешила я. — Саша один? У него же жена и сын, Владик.

— Да они с Таней только перед Владиком семью и изображают. А так разбежались уж давно. Только зря, я считаю, они этот цирк устраивают. Парень всё давно понимает. Смышлёный он.

— Ну, может, еще сойдутся?

— Не сойдутся. Пьет она, между нами говоря, и мужиков водит. Он давно бы сына забрал, да только куда? Сам ведь все время в командировках.

Шахматная доска поплыла у меня перед глазами. Нет, ну как такое возможно? Только я нечеловеческим усилием воли заставила себя смириться с воссоединением семьи, как мир опять перевернулся с ног на голову. Выходит, жена изменяет Саше. Ну кто бы мог подумать! И все равно это ничего не меняет...

— Но ведь если он ее бросит, Татьяна может совсем по наклонной пойти. Что тогда будет с малышом?

Да, это определенно была игра в поддавки. Мы с Матвеем Ивановичем оба прекрасно понимали, о чем идет речь. И что стоит на доске. Я отчаянно боялась вновь позволить себе

на что-то надеяться. Я знала, что ни к чему хорошему это не приведет.

— Я только хотел сказать, что нет там семьи настоящей. Один обман. И человек Сашка хороший. Потомственный военный. Благородный. Сейчас таких мало. И им... трудно.

— Я понимаю. У меня папа такой, — неожиданно призналась я.

И вдруг поняла, что понравилось мне в Саше. Почему меня так влекло к нему и отчего я захлебывалась одним общением с ним, даже без всякого секса. Вот откуда все эти ассоциации с детством и штабиками в кустах сирени. У нас с полковником было одно на двоих гарнизонное детство. И схожие идеалы. Проще говоря, Саша был из моей песочницы. А Данила Воропаев — нет.

Утром шторм разыгрался с новой силой. Казалось, ветер вот-вот выбьет хлипкие окна кордона. Матвей Иванович рассказывал, что такое уже случалось, и не раз. Непогода, похоже, окончательно достала Хенри. А может, ему просто стало скучно без полковника. Так или иначе, за завтраком он заявил:

— Мы все здесь сняли, завтра утром едем во Владивосток.

— Но Хенри, это просто невозможно! Как мы туда доберемся?

— Дай подумаю... — он нахмурил лоб, делая вид, что решает сложную задачу. — Ну конечно, на машине!

— Это невозможно, — повторила я. — Мы не можем уехать отсюда на машине, потому что ни одна транспортная компания Приморья не согласится послать за нами транспорт. Он попросту застрянет.

— Ну и что, — пожал плечами Хенри.

— Как это «ну и что»? Какой дурак захочет застрять в заповеднике и просидеть здесь, может быть, несколько дней? Вдали от жены и детей? Никто не соглашается! Поверь, как только это станет возможно, Наташа тут же приедет за нами.

— Ася, это ра-бо-та, — произнес Хенри по-русски с ужасным акцентом, видимо, решив, что я не хочу его понять из-за плохого знания английского. На этом его скромные познания закончились, и он снова принялся отчитывать меня на языке Шекспира. — Он водитель. Погода — форс-мажор. Если шторм — мы сидим здесь, и он тоже сидит. На все воля Бога.

Все-таки русскому и немцу сложно понять друг друга. И дело тут совсем не в языках.

Я позвонила Наташе по спутнику.

— Ну попробайся его уговорить... Это же полный бред. Просто неосуществимо.

— Знаю. Но он отказывается понимать.

— Хорошо, дай ему трубку, я сама попробую.

Ну конечно, она тут же решила, что я просто плохо уговаривала. Но на Андреевскую Хенри орал еще громче. И в конце своего страстного монолога пообещал разорвать контракт со студией, если в течение завтрашнего дня за нами никто не приедет. Если он и в самом деле это сделает, тогда все. Плакала моя продюсерская карьера. И, возможно, не только моя. Сколько бы мама Наташи не таскала на студию жареную курицу, он не станет держать на работе сотрудника, завалившего проект. И она, похоже, это поняла, потому что испугалась не на шутку.

— О Боже... Я даже не представляю, как решить эту проблему. Что мне делать, Ася?

Я даже не поверила. На журфаке никто никогда не видел Наталью растерянной. И вот она плачет в трубку, потому что боится. Боится завалить проект, потерять работу и просто того, что ее сочтут неумехой. Выходит, не такие уж мы и разные?

И тут я вспомнила замечательный прием, которому научил меня мой папа. Очень простой. Но он всегда работает. Правда, использовать его стоит лишь в крайних случаях. Но ведь совершенно очевидно, что наш с Наташей случай именно такой.

— Звони во все транспортные компании. Звони и говори с ними по-человечески. Проси. Объясняй, что всех уволят, и мы лишимся работы мечты. И может быть, найдется кто-то, кто нас пожалует. Мой папа говорит: «Ты человек. И он — человек». Вот, запомни и почаще себе это повторяй, когда звонить будешь.

Я выпалила все это на одном духу и отпустила кнопку. Наш спутниковый телефон работал по принципу рации и потому тут же запиликал снова.

— Прием!

— Ладно. Я попробую, — сквозь слезы сказала Наталья. — Позвоню тебе вечером.

Я провела день, сидя в своей комнате и стараясь не попадаться на глаза ни Хенри, ни Пустову. За окном бушевал ураган. Матвей Иванович несколько раз заглядывал ко мне и предлагал поесть или выпить кофе. Но я напрочь отказывалась покидать свое укрытие.

Хенри демонстративно укладывал вещи. И так громко давал указания Норберту, что через хлипкую фанерную дверь трудно было их не услышать.

Я даже не нервничала. Дальнейшее развитие ситуации от меня совершенно не зависело. Оставалось только успокоиться и ждать. Я понимала, что шансы наши невелики. Во-первых, найти сумасшедшего, который, войдя в наше положение, решит ринуться в шторм, само по себе сложно. Во-вторых, нам не подойдет легковая машина. Чтобы погрузить все оборудование, нужен микроавтобус, а лучше грузовик. А это еще сужает круг. В-третьих, мы не в Питере — связи Наташи в Приморье ограничиваются учеными и директорами заповедников. А это значит, что она, скорее всего, станет звонить по телефонам транспортных компаний, взятым из интернета. А у этих ребят четкие инструкции на случай штормового предупреждения...

В восемь вечера раздался сигнал вызова. Наталья вышла на связь.

— Слушай, — загадочным тоном начала она, и сердце замерло. Неужели получилось? Нет, не может такого быть. — Я стала звонить по компаниям и все, конечно, отказывают. Я готова была просто в аренду машину взять и ехать за рулем сама. Так нет — во всем Владивостоке ни одной подходящей тачки. И вот, звоню в очередную компанию, «Дилижанс» называется. Ну они мне тоже — мол, у нас только легковушки. Но по голосу чувствую, что контакт пошел. То есть как раз то, о чем ты говорила. Точнее, папа твой, дай бог ему здоровья. Ну я вспоминаю, что мужик этот, с которым разговариваю, тоже человек, и рассказываю ему нашу историю. Говорю, подруга у меня сидит в заповеднике за тридевять земель и два замерзших немца. Если вовремя не выберемся — уволят. Ему нас жалко. Но машин таких, говорит, все равно нет. Приезжайте и сами посмотрите.

Я не выдерживаю и врубаю вызов.

— Наташка, не томи уже! Получилось или нет?! Прием!!!

— Я еду туда, — невозмутимым тоном продолжает Наталья. — Там три парня, довольно молодых. Поят меня кофе, расспрашивают про наш проект. Я реву и давлю на жалость, естественно. Что мне еще остается. И тогда они ведут меня показывать свой автопарк, чтоб я убедилась уже, что у них и правда одни легковушки. Я им говорю: «Да, в эту машину мы не влезем. И в эту не влезем. А вот в этот большой джип мы бы с трудом, но влезли». Они мне: «Девушка, вы с ума сошли, это личный джип генерального директора».

Я опять не выдержала.

— И??? Он даст нам свою машину? Ты смогла его уговорить?! Прием!!!

— Он не просто даст машину, он нас повезет!

Я выдохнула. Неужели это правда?! Мы спасены!

— Урааааа! Ты такая молодец, даже себе не представляешь! Прием!

— Я уже готова была руки опустить. Это ты меня настроила, что надо снова всех обзвонить. И ведь получилось! Так что ждите, завтра приедем. Выезд в восемь. Надеюсь, что к вечеру доберемся до вас. Тебе что-то привезти из еды?

— Да-а-а! Я хочу батон и масло! Настоящее сливочное масло!

Наташка рассмеялась.

Но за эти десять дней я и впрямь соскучилась по самым простым продуктам. Меню егерей было ну совсем аскетичным: либо яйца, либо суп. Из напитков — кофе или водка на выбор.

— Хенри пока ничего не говори, — попросила Наташа. — Скажешь, когда мы выедем. А то мало ли что.

Я надела все самое теплое, что у меня было, и, несмотря на бурю, отправилась к морю — прощаться с заповедником. Полная луна освещала лавины волн и столетние сосны. Соленый ветер сбивал меня с ног, а холод пробирал до костей. И все-таки я плакала от счастья и мечтала когда-нибудь вернуться сюда снова.

На обратном пути я нос к носу столкнулась с Пустовым.

— Мне нужно с вами поговорить, — официально сказал он.

— Ну что ж, давайте поговорим, — осторожно ответила я. Как будто у меня есть выбор, разговаривать с ним или нет. Ведь я на работе.

— Пройдемте в мой кабинет.

Кабинет Пустова оказался маленькой захлавленной комнаткой со старым письменным столом в углу.

— Выпьешь? — спросил он и плеснул себе водки.

Я отрицательно покачала головой.

— Я вас слушаю. Вы о чем-то хотели со мной поговорить.

— Я тут узнал, что ты в заповеднике познакомилась с моим другом Сашей — заявил он и вопросительно уставился на меня.

Я пожала плечами, стараясь понять, куда он клонит.

— Ну, что молчишь? Познакомилась.

— Но вот только к работе это не имеет никакого отношения. Я спать пойду, если вы не против. Поздно уже.

Я двинулась к двери, но Пустов преградил мне дорогу.

— Ты пойми, дурочка. Здесь я все решаю. И дружить тебе надо со мной. И тогда я не буду тебя обижать. И другим не позволю.

Он попытался обнять меня, но я увернулась и выскочила за дверь.

Да. Похоже, Пустов сбрендил окончательно. А мне ведь еще у него документы подписывать перед отъездом. И я отправилась напрямик в комнату немцев.

Хенри открыл на стук и пригласил меня войти. Они еще не спали.

— Хенри, мне нужна твоя помощь. У Пустова надо подписать бумаги, а он пристаёт ко мне. Как к женщине.

— Ты не женщина, ты киндер, — усмехнулся Хенри, но как-то на этот раз добродушно. — А он тебе нравится?

— Нет! Ты что! — я отрицательно замотала головой.

— Ну почему, он же довольно симпатичный!

— Тебе, наверное виднее, — сказала я, намекая на его нетрадиционную ориентацию, которую Хенри не афишировал, но и не делал секретом. — Но я не собираюсь ни с кем спать ради работы.

— Хорошо, — кивнул немец. — Бери бумаги, и пойдем туда вместе.

Пустов, конечно, был в шоке, когда мы заявили в его кабинет втроем. Понял,

наверное, что пожаловалась. По своему обыкновению, начальник участка предложил гостям водки.

— Я столько не выпью в России, со всеми договариваться, — вздохнул Хенри по-английски, но на сей раз от спиртного отказываться не стал.

Выпил стопку и велел мне переводить. Первым делом поинтересовался, сколько Пустову лет. Тот ответил, что сорок девять.

— А вы здесь живете или во Владивостоке? — последовал новый вопрос.

— Когда здесь, когда во Владивостоке, — добродушно улыбнулся Илья Андреевич, не чувствуя никакого подвоха.

— А семья где? — не унимался Хенри.

— Во Владивостоке, — уже осторожнее отвечал начальник участка.

— А дети у вас есть? Вот у Норберта, например, есть — мальчик и девочка.

— У меня две дочери, — вынужден был признаться Пустов.

— А сколько им лет? — задал очередной невинный вопрос немец.

— Одной двадцать три, другой двадцать семь, — командир егерей совсем сник и старался не смотреть мне в глаза.

Хенри по такому случаю выпил еще стопку. Вот это был нокаут! Значит, две дочери и обе старше меня!

Мы еще немного поболтали о всякой ерунде, и совершенно разбитый Пустов без звука подписал все бумаги.

Да уж, похоже, мой немецкий коллега не так уж прост. Может, с самого начала нужно было попросить о помощи Хенри? Глядишь, и не пришлось бы трястись от страха и спать в обнимку с фонариком.

В этот день я уснула совершенно счастливой.

Утром я вышла из своей комнаты первая и к моменту пробуждения немецких операторов уже распивала кофе с самым победоносным видом. Наташа только что отзвонилась — они выехали в заповедник.

— Ну что, мы будем тут зимовать? — скептически поинтересовался Хенри, наливая себе кофе.

— Как можно! Если ты, как начальник группы, сказал, что съемки окончены, и надо немедленно ехать дальше, значит, так и будет. Вечером выезжаем во Владивосток.

От удивления он на пару минут даже дар речи потерял.

— И кто же за нами приедет? Ты же говорила, что это невозможно! — продолжал он с издевкой, но уже не так уверенно. Видимо, ему тоже не хочется, чтобы мы рассказали Жуковскому о его сумасбродстве. У немцев принято дорожить деловой репутацией.

— За нами приедет генеральный директор лучшей в городе транспортной компании, — не без удовольствия сообщила я. — На своем личном автомобиле.

— А мы поместимся в этот автомобиль? — Хенри оставил наконец свой сарказм и перешел на деловой тон.

— Наташа говорит, что поместимся.

— А какая у него машина? — уточнил он.

— Тойота Прадо.

Хенри удовлетворенно кивнул.

Всего несколько часов спустя я услышала в холле женский голос. Других вариантов просто быть не могло. Они уже здесь. Наташка!

Я кинулась вниз по лестнице и уже через секунду повисла у нее на шее.

— Это Алексей, генеральный директор «Дилижанса», — представила она стоящего рядом мужчину. Очень высокого, очень худого и очень кудрявого. Ну просто молодой Пьер Ришар.

Вот все и кончилось. Теперь я здесь не одна.

— Я привезла тебе булку с маслом. Причем масло мы везли снаружи, чтобы оно не растаяло. Еще половину денег для Пустова, чтобы наш отъезд обошелся без карабинов, — смеялась Андреевская. — А где, кстати, Пустов?

— В это время они собираются в гостиную.

— На вечерний чай? — прищурилась Наташа.

— Скорее, на вечернюю водку.

— Тогда зови Хенри и Норберта, пойдём к ним все вместе. Будем прощаться. Я Пустову подарки от студии привезла.

Мы завалились все вместе в гостиную. И в этот вечер все обитатели кордона пили чудесное венгерское вино из запасов Пустова, то самое, которое он берег для особого случая. Дарили друг другу подарки. Илья Андреевич уговорил нас отложить выезд до рассвета. И мы с Наташкой легли спать на одной кровати, и я до утра рассказывала ей про Сашу и маленького Владика.

— Так в чем проблема? — сказала Наташа. — Возьми да позвони ему. — Скажи, что тебе велели подарки от студии передать за то, что он вас от Пустова защищал тут.

— У меня нет его телефона.

— Ты же говорила, что пользовалась мобильником его сына.

— Ну да, пользовалась, — хмыкнула я. — Только телефон у Влада игрушечный. Алле! Прием! Как слышно?

— Хочешь сказать, это такая проблема — достать телефон этого Саша? Да хочешь, я для тебя его узнаю?

— Узнать можно, конечно. Но только к чему это приведет? И кто в итоге пострадает? А может, он уже и думать про меня забыл. Он настоящий Джеймс Бонд. А я кто такая? Обычная девочка с телека.

— Так ты позвони и узнай.

— Нет уж. Больше я за мужиками бегать не буду. Хватило мне Воропаева.

— А если вы никогда больше не увидите?

Я сделала вид, что сплю.

Рано утром мы выехали во Владивосток. Пустов стоял на крыльце и махал нам вслед рукой.

— Если вы захотите приехать на кордон не на съемки, а просто отдохнуть, милости прошу. Просто прилетайте и звоните мне. Всегда буду рад, — сказал он.

Как будто не было с его стороны ни домогательств, ни вспышки ревности к Саше. Мы расставались, как старые друзья. Ну что ж, может, оно и к лучшему? Может, так и поступают взрослые люди?

Я чувствовала себя странно повзрослевшей. Как будто не неделя прошла, а несколько лет. И еще я теперь, когда думала, в голове автоматически переводила мысли на английский язык. Так сказать, в международный формат. Чтобы если Хенри о чем-нибудь спросит, не медлить с ответом.

Техника каким-то невероятным образом все же уместилась в багажнике и на крыше джипа. Хенри, на правах старшего, занял место рядом с водителем. Норберт и мы с Наташкой уместились на заднем сиденье. Стоит ли говорить, что, встретившись после недельной разлуки, мы с Андреевской теперь болтали без умолку.

Ветер немного утих, тайга была невероятно нарядной под всем этим искрящимся, нетронутым снегом. И путешествие обещало стать приятным. А после я предвкушала горячую ванну и вкусный ужин с морепродуктами.

Самым сложным было преодолеть путь по от кордона до трассы по бездорожью. Мы преодолели. Но только метров пятьсот. Потом джип безнадежно встал.

Теперь понятно, почему никто не соглашался за нами ехать.

Пришлось звонить Пустову по спутнику, и он сообщил, что через каких-нибудь четыре часа рядом будет проезжать военный КамАЗ. Да, он попросит водителя заскочить и вытянуть нас.

Мы вышли из машины, лепили снеговиков и играли в снежки, безудержно смеясь, как в детстве. А в перерывах бегали в джип греться горячим кофе из термоса, предусмотрительно захваченного Алексеем. И я заметила, как генеральный директор транспортной компании смотрит на мою подругу. И внезапно поняла, почему он согласился ехать в занесенную снегом тайгу, когда все остальные отказались.

Когда Леша пошел в машину за термосом, я шепнула ей об этом.

— Моя совесть чиста, — пожалала плечами Наташа. Даже в китайском пуховике она выглядела экзотичной и изысканной. — Поверь, я не давала ему ни малейшего повода на что-то надеяться.

— Но, по-моему, он отличный парень, надежный. И он нас спас.

— Возможно. Но я стану тратить время только на мужчину, в котором я увижу отца своих будущих детей. В Алексее я его не вижу.

— Но такой поступок...

— Неужели ты еще не поняла, глупенькая? Наша работа — сплошной экстрим. Мы все время оказываемся в ситуациях на грани фола. И периодически кто-то нас спасает. Невозможно в каждого такого спасителя влюбляться! Именно поэтому во всех шести регионах продюсеры — красивые, образованные девушки из хороших семей. Влюблять в себя, вдохновлять на подвиги — наша с тобой профессиональная обязанность. Это часть

нашей работы. Такая же, как договариваться о съемках. Здесь нет волшебства, только профессионализм. И чувствовать себя виноватой я не собираюсь.

От ее слов у меня голова пошла кругом. Я бы дорого дала, чтобы никогда всего этого не слышать. Но, увы. Я уже была продюсером проекта, я подписала контракт сроком на два года и сейчас стояла посреди заснеженной тайги рядом с безупречной и самоуверенной Андреевской. На ней был малиновый горнолыжный костюм. Теплый, изысканный и вызывающе яркий. Я куталась в старый пуховик. Эту куртку я выгодно купила на китайском рынке. Смотрелась она довольно прилично, но вот рыбий мех совершенно не грел.

— Ты хочешь сказать, что наша обязанность — использовать мужчин?

— Не совсем так. Негласный кодекс чести все же существует. Если ты им ничего не обещаешь, ты чиста.

— Но ведь они-то все равно надеются, это же очевидно.

— А вот это уже их проблемы. Ты всего лишь используешь свою красоту для работы. Это не грех. Это так же естественно, как использовать свои мозги и талант. Красота — тоже дар. И он, увы, ненадолго. Ася, я не пойму, что с тобой. Я говорю очевидные вещи, в этом нет ничего ужасного, а у тебя такой вид, будто я отобрала твой паспорт и сейчас заставляю работать проституткой.

Я не стала говорить, что сейчас близка к этой мысли.

— Ээээ... Знаешь, Наташ... Просто я никогда не рассматривала свою внешность как ресурс.

— И напрасно. Некоторые модели делают миллионы долларов только на внешности.

— Наверное, ты права... Просто... мне надо привыкнуть к этой мысли.

Наташка хмыкнула и обиженно прищурилась, видимо решив, что я осуждаю ее поведение. К счастью, как раз в этот момент вернулся Алексей с термосом.

Мне было жаль этого веселого, доброго, благородного человека. У него изначально не было ни малейшего шанса. Ни полшанса. А он об этом не подозревал. Он жил в прекрасном мире таежного города в окружении сопок и был бесконечно далек от хитроумных интриг коварных продюсеров. Она ему просто нравилась. Безупречная питерская красавица с вечно туманным, как утро над Невой, взглядом и с обледенелым под ленинградскими метелями сердцем.

И я уже знала, что надеяться не на что. Чуда не произойдет. Потому что она довольна своей безупречной жизнью и не захочет ничего менять.

Через четыре часа с четвертью мы дождались свой КамАЗ и выбрались на трассу.

Алексей довез нас до города и сказал на прощание, что мы можем звонить ему в любое время дня и ночи и по любым вопросам. Смотрел он при этом, конечно же, на Наталью.

В гостинице, едва оформив документы и сдав технику в камеру хранения, я бросилась в ванную и заперлась там.

За неделю волосы успели превратиться в паклю. Я быстро опрокинула в ванну маленькие бутылочки гостиничного геля для душа. Тут же поднялась высокая белая пена, взбитая мощной струей воды. Я погрузилась в эти пахнущие лаймом облака и забыла обо всем на свете.

Через полчаса я вышла из ванной. В нашем номере люкс никого не было, на кровати я нашла записку от Наташки. Подруга писала, что они ждут меня в холле гостиницы, чтобы вместе пойти в ресторан — отметить возвращение из заповедника.

После недели, проведенной в глухой тайге, все это казалось таким нереальным — номер

люкс, пенная ванна, ужин в ресторане. А ведь мне предстояло еще выбрать наряд и уложить волосы!

Я решила не слишком наряжаться, чтобы лишний раз не провоцировать Хенри на язвительные замечания. После недолгих колебаний остановилась на темно-коричневых брючках с широким поясом и шерстяном свитере в тон.

Волосы цвета коньяка рассыпались по плечам, и я стояла как замороженная, глядя, как под светом электрической лампы в них вспыхивают рыжеватые искры. Как мало, оказывается, нужно для счастья — всего лишь вымыть голову.

Я уже отвыкла пользоваться косметикой и потому лишь слегка подвела глаза, чтобы подчеркнуть глубину взгляда.

Вот это сочетание мне всегда больше всего нравилось в своей внешности: темные блестящие волосы и огромные черные глаза.

Полусапожки на небольшом каблучке сделали Асю Земляникину почти высокой.

Лифт останавливался прямо у стойки администратора. Девушка в синей униформе окликнула меня:

— Вы из четыреста двенадцатого номера? Продюсер немецкого телеканала?

Я непонимающе кивнула. Что опять случилось?

— Я забыла вам сказать, когда вы заполняли документы. В прошлый раз ваша девушка, высокая блондинка...

Я обмерла.

— Лена Копейкина?!

— Кажется, да, Лена. Она телефон забыла. Мы сохранили, сможете ей передать?

Едва сдерживая волнение, я кивнула.

Администратор куда-то унеслась и спустя пару минут вернулась с допотопным вариантом «Нокии». Я протянула ей тысячу рублей. Если этот мобильник поможет хоть что-то выяснить, мне и большей суммы не жалко. Но больше давать подозрительно.

Сотрудница отеля не стала отказываться, и мы произвели обмен.

Я решила пока ничего не говорить о телефоне нашим. По крайней мере, до тех пор, пока сама не изучу его содержимое.

Когда я подошла к дивану, на котором расположилась вся съемочная группа, Хенри, оглядев меня с головы до ног, тихонько присвистнул. И, как мне показалось, вполне искренне.

Мы отправились вдоль по набережной, никуда не торопясь. Хенри предложил останавливать прохожих и просить их порекомендовать лучший в городе рыбный ресторан. Такой нашелся, причем здесь же, на пирсе, даже ехать никуда не пришлось. Нам сказали, что это любимый ресторан губернатора.

И судя по ценам, ужин здесь могли себе позволить разве что губернатор и его приближенные. Ну или сотрудники центрального немецкого канала после недели таежных съемок. В этот час мы были единственными посетителями.

Каждый выбрал блюдо из морепродуктов по душе. Я решила взять на закуску салат с моими любимыми морскими гребешками, а как основное блюдо — семгу. И по совету Наташи впервые попробовала устриц.

Хенри сам выбрал вино, и оно оказалось восхитительным.

С трудом выждав полчаса, я отправилась в туалет. Здесь, закрыв на задвижку дверь кабинки, я наконец-то достала телефон Лены Копейкиной.

Мобильник оказался заряжен, просто выключен. Еще одна удача. Первым делом я перелистала эсэмэс. Несколько из них были от бабушки, две от Наташи Андреевской, но большая часть от какого-то Егора. Похоже, у Лены во Владивостоке случился роман. Об этом можно было судить наверняка. Например, в половине первого ночи (а в это время Хенри всегда спит, он ранняя пташка) Егор писал: «Приезжай ко мне в Терновку. Возьми такси, оплачу». И Лена отвечала: «Еду». По-моему, все очевидно. Не тигров же они по ночам обсуждали, в самом деле. Кстати, последняя эсэмэска тоже была «Еду».

Что же такое случилось? Почему она не вернулась к немцам?

В папке с картинками был десяток фотографий приземистого мускулистого мужчины лет тридцати пяти — сорока. Скорее всего, это и есть Егор.

Что ж, есть номер телефона, имя, и я знаю, как он выглядит. Этого вполне достаточно, чтобы встретиться с ним и попытаться что-то о Лене разузнать.

Может, она просто влюбилась и теперь живет припеваючи в этой самой Терновке? Тогда я просто попрошу ее позвонить, успокоить бабушку, а по возможности — забрать старушку к себе. И все, буду считать свою миссию выполненной.

Я вздохнула. Так-то оно так, но почему тогда Копейкина не забрала мобильник? И никому ничего не сказала? Интуиция подсказывала: с ней что-то случилось. И наверняка Егор что-то об этом знает.

— Ася, ты там в порядке? — услышала я Наташкин голос. Задумавшись, я успела забыть, что нахожусь в туалете ресторана.

— Все в порядке, просто устрицы как-то не пошли... — соврала я, хотя на самом деле блюдо было прекрасным.

— Я так и поняла! Ты еще смолотила штук пять. И это после семги и морских гребешков!

Я демонстративно спустила воду и вышла из кабинки, постаравшись придать себе замученный вид.

В отеле я долго не могла уснуть. Сначала я думала о Саше, его жене и Владике. Я тгнала от себя эти мысли, то вдруг начинала ругать себя за то, что отпустила мужчину своей мечты. В моей голове, как в диснеевских мультиках, устроили скандал с битьем посуды крошечный ангел и крошечный чертенок. Чертенка явно раззадорила бестия Андреевская и теперь ангелочку приходилось несладко.

Чертенок кричал, что Саша подходит мне идеально. Он так похож на моего папу... Он военный, а я хорошо представляю себе, что значит быть женой офицера. А эта Таня, похоже, представляет плохо.

«Но она, увы, успела познакомиться с ним раньше, — возражал ангелочек, — успела выйти замуж и родить Владика. И вот Владик уж точно ни в чем не виноват и заслуживает полной семьи и спокойного взросления». Предположим, Саша влюблен так же сильно, как я в него (что далеко не факт), предположим даже, что ради меня он согласится бросить Таню. Развод родителей — это адское испытание, уж поверьте, даже тогда, когда тебе двадцать. Что будет с четырехлетним малышом, даже думать не хочется.

Да. Да. Да. Успокойся уже, Земляникина. Ты все сделала правильно.

Скандал с битьем посуды продолжался в моей голове до тех пор, пока не начало

светать. Тогда я опомнилась и заперла обоих в самой дальней кладовке своего сознания. Пусть посидят и подумают. Может быть, после возвращения в Питер все покажется совсем иным.

Сон не шел, и тогда я заставила себя думать о Лене Копейкиной. В этой истории хоть что-то зависело от меня. Мобильник оказался просто подарком судьбы, и теперь я все пыталась решить, под каким предлогом подобраться к этому Егору. Наверняка его уже тормозили. И родственники, и милиция. Мой журналистский опыт предупреждал меня о том, что такие люди становятся очень осторожны и избегают любых разговоров на щекотливую тему. А значит, нужно познакомиться с ним под каким-то другим предлогом. Но каким? Что я знаю об этом парне?

К утру я нашла решение.

Я, конечно же, проспала. Когда наконец встала с кровати, вся наша съемочная группа уже вкушала завтрак в ресторане отеля.

Зато я могла без помех ознакомиться с картой Приморья. Но все оказалось не так-то просто. Через пять минут позвонила Наташка, сказала, чтоб я явилась немедленно. Она, мол, конечно, заказала мне на свой вкус, но дальше задерживаться неприлично, потому что это серьезная командировка, а не турпоездка за свой счет.

Пришлось срочно одеваться. Очень странно, но я так и не нашла на карте того, что искала. Пока ждала лифт, набрала номер Сергея Кобалова, того самого, который встречал нас в аэропорту и уверял, что тормоза на его тачке испортили специально.

— Привет! Это Ася Земляникина. Поможешь мне разобраться с одной вашей местной заморочкой?

— Сделаю, что могу! А для тебя, красавица, даже невозможное, — отозвался Сергей. — Что стряслось на этот раз?

— Сушная ерунда. Не могу найти на карте Приморья посёлок Терновка. Это должно быть где-то недалеко от Владивостока, километров двенадцать максимум. На самом берегу моря.

Сергей почему-то засмеялся. Громко и заливисто. Как будто я не Терновку искала, а как минимум Хреновку. Или ещё что-нибудь похлеще.

— Где ты говоришь, её ищешь? — невинно осведомился он, явно сдерживаясь, чтобы не засмеяться в голос.

Я потеряла терпение.

— На карте, Сереж. А где ещё прикажешь искать посёлок?

— Ну, на карте ты Терновку уж точно не найдёшь.

— Да почему?! Просто, видимо, мне карта попалась плохая.

— Ага, бракованная, — снова заржал Сергей.

— Немедленно объясни, в чём дело! Между прочим, ты обязан мне помогать! По контракту.

— Ну, раз по контракту. Слушай тогда исторический экскурс. Жил был во Владивостоке, на берегу Японского моря, криминальный авторитет Тернов. Много он дел натворил и в нашем крае, и в Москве, и даже, не поверишь, в Америке на гастролях побывал. Гостил как-то в родном городе, да и влюбился в актрису местного драмтеатра.

— Просто история графа Шереметева, — не поверила я.

— Так и было. Построил себе дом на берегу моря, женился на той актрисе, завёл детишек и стал жить-поживать в любви и авторитете. Меценатом заделался. А чтоб жилось спокойно и комфортно, кругом домов понастроил для соратников своих. Ну, сейчас-то они, конечно, уже никакие не гангстеры. А вполне легальные бизнесмены и политики. Что было, то было. Если покопаться в мировой истории, выяснится, что практически каждый крупный капитал нажит с нарушением закона. По крайней мере, вначале...

— Это, конечно, безумно интересно, но давай вернемся к Терновке, — по-хамски перебила я оператора.

— Ну так вот. Построил тот бизнесмен дом на берегу. А рядом поселились... соратники. Вот и зовётся посёлок Терновкой, в честь господина Тернова. И нет этого посёлка ни на одной карте. Это, собственно, все. Теперь понятно?

— Понятно, — вздохнула я. — Объясни, как туда доехать.

Лифт медленно опустил меня на первый этаж. Глубоко вздохнув, я вошла в зал ресторана. Если бы Хенри мог испепелять взглядом, мое брненное тело не продержалось бы и пяти секунд. Горстка пепла — вот что осталось бы от Аси Земляникиной.

— Guten morgen, — с достоинством поздоровалась я по-немецки. Как будто здороваться со съемочной группой по-немецки было у меня в порядке вещей.

— Guten morgen, — тем же ледяным тонной отозвался Хенри. И, видимо, трезво оценив мои познания в немецком, зашипел уже по-английски: — Тебе сладко спалось?

— Прошу прощения за опоздание, должно быть, сказалось вчерашнее отравление, — как ни в чем не бывало ответила я.

— Мы тут говорили, что, пока мы во Владивостоке, неплохо было бы поснимать белок, — поспешила замять тему Наташа.

— А во Владивостоке живут белки? Прямо в городе?

Честное слово, я уже ничему не удивлюсь. Если у них тут целые поселки на карте не отмечены...

— Не прямо в городе, а на территории военного санатория. Только нам там снимать не разрешают, потому что санаторий военный, а съемочная группа — немецкая. Ты можешь помочь?

Похоже, мне дают очередной «уникальный» шанс проявить себя при помощи папиных связей. Просьба, конечно, безобидная, но...

Я не успела расстроиться, потому что вдруг поняла, что надо делать.

— Нет проблем! Только начальник санатория, к которому мне придется обратиться, давний друг моего отца. И если я буду просить его об одолжении, неплохо было бы нанести визит вежливости. Съездить к нему в гости, передать его жене подарки от мамы, — сочиняла я на ходу.

— Хорошо, вечером можешь поехать, — опередила Наташа готового съязвить Хенри. Формально я была ее подчиненной. — Тебе с ночевкой надо ехать?

Я заколебалась.

— Как получится. Может, неудобно будет отказаться. Я тебе позвоню, хорошо?

— Хорошо! Сколько тебе понадобится времени, чтобы договориться?

Через сорок минут мы уже выслеживали белок в парке.

А вечером я наконец получила долгожданную свободу и могла вплотную заняться своим расследованием.

Если честно, в первую минуту, когда я вышла из гостиницы, мой пыл немного поугас. Вокруг — непроглядная темень, снег, холодный ветер, тайга, в конце концов. А я собралась загород, к морю, в поселок, где живут одни бандиты. Но в следующую секунду у меня перед глазами всплыло изможденное лицо несчастной бабушки Лены Копейкиной.

В конце концов, если я постоянно влипаю в истории по работе... Нет, не так. Если влипать в истории — и есть моя работа, то почему бы не сделать это еще раз, но не ради карьеры, а чтобы помочь хорошему человеку.

И я поймала такси.

В самопровозглашенном поселке Терновка было довольно темно. Лишь кое-где в окнах особняков горел свет. Я подумала, что, должно быть, не все хозяева живут тут постоянно. Для большинства, похоже, домик на берегу — просто дача.

Такси я отпустила. Ну вот, и что дальше? Звонить в каждый дом и спрашивать Егора?

И тут я решила послушать свою интуицию. А она неудержимо влекла меня на берег, к морю. Впрочем, к морю меня тянет всегда. И это неудивительно — ведь я выросла рядом с ним. И знаете, оно мне помогает.

Я шла вдоль берега и радовалась, что сегодня полнолуние. Роскошные дома нависали прямо над водой, выставив вперед причудливые башни и чугунные решетки балконов. Я никогда раньше не видела, чтобы дома стояли так близко к морю. Интересно, что же тут творится в шторм?

На горизонте замаячила фигура в пуховике. В следующее мгновение я поняла, что это женщина, ведущая на поводке огромного алабая. Это такая разновидность среднеазиатской овчарки. Огромные свирепые псы — прекрасные охранники. Только если в прежние времена у себя на родине собаки охраняли отары овец от волков, за что их прозвали волкодавами, то теперь они стерегут коттеджи.

Ну да, холод холодом, а собачке перед сном надо погулять.

Что ж, другого шанса мне сегодня, скорее всего, не представится. Руки в варежках уже заоченели.

— Извините, — обратилась я к женщине, когда мы поравнялись. Ей было лет сорок пять на вид. Простое, приятное лицо. Быть может, домработница. — Я была тут на вечеринке и вышла немного проветриться. А теперь не могу найти дом. Когда мы приехали, при свете дня, все выглядело совсем другим. Друзья уже, наверное, меня обыскались.

— А у кого вы были в гостях? — добродушно поинтересовалась женщина. Похоже, я не вызвала у нее подозрений.

— У Егора, — и тут я вытащила телефон Лены Копейкиной и продемонстрировала фото парня, которого ни разу вживую не видела.

— Он живет наискосок от нас, — кивнула женщина, — пойдемте, я вас выведу. Не бойтесь Рэя. У него только вид злобный.

Я последовала за ней.

— Ох уж этот Егор! Все время у него какие-то вечеринки.

— И девушек, наверное, много? — закинула удочку я.

— Между нами говоря, не без этого. Парень он конечно, хороший, но в мужья не годится. Только, чур, я тебе ничего не говорила.

— Конечно-конечно.

— Вон, смотри, его калитка! Там кто-то выезжает! Не на твои ли поиски?

— Спасибо вам огромное, дальше я сама! — я поспешила избавиться от провожатых, пока мы не столкнулись с Егором нос к носу.

Женщина попрощалась и скрылась за своим забором. И как только это произошло, я прильнула к тому самому забору и стала с ним единым целым. Этот Егор, похоже, серьезный парень. А с серьезными парнями шутки плохи.

У ворот дома ухажера Копейкиной стоял большой джип. Какой-то коренастый мужчина, по всей видимости, это и был Егор, разговаривал с водителем. Потом джип уехал, но Егор, вопреки моим ожиданиям, не стал возвращаться в дом, а закрыл при помощи пульта ворота и двинулся к морю. Я, конечно, отправилась за ним.

Похоже, не только я обожаю морские прогулки. Объект моей слежки тоже к морю не равнодушен. Все бы ничего, но от холода я уже почти не чувствовала пальцев. Ни на руках, ни на ногах.

Он шел по берегу и курил, а я, как замороженная, брела за ним, жадно всматриваясь в

искорки, слетавшие с его сигареты. Как будто они могли меня согреть.

Зато это заставило меня действовать решительнее.

Эх, где наше не пропадало? Правильно, наше пропадало везде. Была не была, я ведь сюда уже приехала. Я его выследила. Не время сейчас отступать.

— Э-эй! Пойдите!

В конце концов, если дама с алабаем поверила в мою легенду, вполне вероятно, что и Егор ее скушает, не поморщившись.

И я повторила свой фокус. С той только разницей, что Егору я сообщила, что была на вечеринке в нескольких километрах отсюда. А потом пошла прогуляться по берегу, потому что обожаю морские прогулки. Но дороги назад не смогла найти. Потому что стемнело. И потому что я не местная. В гости к подруге приехала. А так, вообще-то, живу в Петербурге. Подруге звоню-звоню, а у нее телефон недоступен. Сел, похоже. Так что теперь я окончательно и бесповоротно потерялась. Такие дела. Ах.

Не знаю, был ли Егор бандитом. Но, похоже, он был джентльменом, потому что, затушив свою недешевую сигарету, он предложил мне выпить чашечку горячего кофе. У него дома.

Отступить было некуда.

— Да не трясись ты так! Если захочешь, я отвезу тебя, куда скажешь. Пальцем не трону. Я вообще, если хочешь знать, руковожу службой безопасности одного из ночных клубов этого города, — увещевал меня парень. — Я, кстати, Егор.

Конечно, я не стала говорить, что мне это известно. Вместо этого очаровательно улыбнулась:

— Меня Марина зовут.

Имя лучшей подруги было первое, что пришло на ум.

Дом оказался восхитительным. Не шикарным, но стильным и очень уютным. На первом этаже большой гараж и ещё несколько комнат, на втором — гостевая спальня и огромная студия — спальня-гостиная-бар, где, судя по всему, обитал сам хозяин.

— Пойдём, я покажу тебе свой телескоп, — довольный произведённым впечатлением, Егор потянул меня на балкон.

Я даже вскрикнула от неожиданности.

Прямо под балконом плескалось Японское море. Ветер трепал мои волосы и доносил до лица брызги солёной морской воды.

— С ума сойти! Ты живёшь прямо над морем!

— Ага, — улыбнулся Егор. Что, нравится?

— Не то слово! Но ведь в России дома не разрешают строить так близко к водоемам?

— Точно. Но мы купили пляж.

— Мы — это кто?

— Больно ты любопытная. Я и мои коллеги по работе. Кстати, они сами тут рядом живут. Там, вдоль берега, есть ещё дома. Целый посёлок. Ну, ты, наверное, видела, когда там плутала.

— И как он называется?

— Терновка.

Я заглянула в телескоп и в самом деле увидела звезды.

— Тебе кофе, чай или какао?

— А есть какао? Тогда, конечно какао!

— Я тоже его с детства обожаю.

Мы пили какао за высокой барной стойкой, под скосом мансардной крыши, и я все думала, с какой стороны подобраться к интересующей меня теме. Для начала невинно поинтересовалась:

— А ты живешь здесь один? — хотя, в принципе, и так было понятно, что дом холостяцкий. Ни одна женщина не согласилась бы спать на матрасе из латекса, предварительно не прикупив для этого матраса кровать. А вот хозяина, похоже, и так вполне устраивало.

— Один, — кивнул Егор. И по тону было непонятно, радуется ли это обстоятельство или огорчает.

— Ты счастливый человек! Живешь у самого моря и смотришь в телескоп на звезды! Все у тебя есть...

— Самого главного нет. Семьи.

— А была? — я решила во что бы то ни стало воспользоваться лирическим настроением Егора, чтобы хоть что-нибудь выведать про Лену.

— Была. Почти двадцать лет назад. В те времена, когда «Мумий Тролль» был еще местной группой. И Николаев частенько заезжал к нам с Сахалина. Она была москвичкой. Потом мы развелись, и она уехала в Москву. У нее был очень строгий папа, большой человек, военный.

— А в каком звании? — не удержалась я.

— Полковник.

Я чуть какао не поперхнулась. Ну да, полковник — большой человек. Интересно, что сказал бы Егор, если бы узнал, что беседует с генеральской дочкой?

— А потом у тебя были серьезные отношения?

— Честно говоря, нет, никогда.

Вот те на. Я-то надеялась, что скажет: «Да, была девушка Лена, но пропала». Как теперь расспрашивать дальше.

— Но ты ведь не живешь тут монахом?

— Конечно, нет. Заходят ко мне женщины. Бывает, заблудится кто-нибудь на берегу...

Я состроила страшную гримасу. Во время нашего разговора Егор крутил в руках телефон. Сначала я решила, что почту проверяет или эсэмэски читает, и только сейчас заметила, что на самом деле он меня фотографирует.

— Эй, ты что делаешь? Удали немедленно! Я сейчас жутко лохматая и нос красный!

— Это для друга. Иначе он ни за что не поверит, что я встретил на берегу такую нимфу.

Внезапно телефон зазвонил. Егор извинился и вышел из комнаты.

Едва дождавшись, пока за ним закроется дверь, я кинулась осматривать комнату. Я и сама толком не знала, что ищу. Но Лена бывала здесь. Может, удастся обнаружить какую-нибудь женскую вещь, которая даст повод для нового витка расспросов о девушках.

Обстановка дома была довольно аскетичной. Если хозяин что-то и прятал, то явно не в этой комнате.

И тут я заметила планшет. Он спокойно лежал возле матраса из латекса. Заряжался.

Я молнией бросилась к нему. Егор мог вернуться в любую секунду. На рабочем столе обнаружилось несколько папок. Названия прочесть было невозможно, потому что назывались они по-китайски. Или по-японски. Или по-тайски. В общем, это были иероглифы. Еще один пробел в моем образовании. Вот если выберусь живой с Дальнего

Востока, займусь изучением языков. Начну с немецкого и китайского, пожалуй.

В следующую секунду я забыла обо всем на свете. Потому что в папках были фотографии девушек. Очень красивых девушек. И, очевидно, какая-то информация о них в виде иероглифов. Все, что я смогла разобрать, это параметры — рост, вес, объем груди, талии и бедер.

Что это? Китайское модельное агентство? Клуб знакомств? Зачем эти анкеты начальнику службы безопасности ночного клуба?

Я ничего не могла понять. И тут просматривая уже тринадцатую или четырнадцатую анкету, наткнулась на фотографию Лены. Это совершенно точно была она.

В коридоре раздались шаги. Егор возвращался в комнату. И тут от страха я сделала страшную глупость. Сунула планшет себе в сумку.

Когда Егор вошел в комнату, меня колотило от страха. Только бы он не бросил взгляд в сторону матраса из латекса. Какая же я идиотка!

— Эээ... ты обещал меня доставить во Владивосток по первому требованию?

— Раз обещал, значит сдержу свое слово, — серьезно сказал мужчина. — Но, может быть, мы...

— Нет, ты же понимаешь! Подруга будет волноваться, а ее родители еще больше. Я не могу так с ними поступить!

Он шагнул ко мне. И тут я испугалась еще больше.

— А хочешь, я тебе бронезилет покажу? — вдруг спросил Егор и улыбнулся по-мальчишески.

Не дожидаясь моего ответа, он достал из шкафа бронезилет и надел на меня. Конечно же, я утонула в этой амуниции.

— Ты как черепашка! — обрадовался он.

— А зачем тебе бронезилет? — спросила я.

— Ну... всякое бывает. Дом простреливается с моря, — пояснил Егор.

Интересно, он это серьезно?

— Ну что, пошли? Раз обещал, значит отвезу. Но обещай тогда, что мы еще увидимся!

— Конечно, обязательно, всенепременно, — затараторила я, — в другой раз, когда я всех предупрежу заранее, и никто не станет обо мне волноваться...

Только бы выбраться отсюда!

Мы спустились в гараж и сели в машину. Я назвала единственный адрес, который знала во Владивостоке, кроме адреса гостиницы. Это был многоквартирный дом, где жил один пожилой ученый. Мы должны были зайти к нему после возвращения из следующего заповедника и посоветоваться насчет съемок тигров. Наташка в самолете заставила меня заучить адрес. Спасибо ей!

Сейчас самое главное тщательно запутать следы. Моего настоящего имени он не знает, кто я такая — тоже. Все что у него есть — мои фотографии. И тут я впервые в жизни порадовалась, что пока не успела стать телезвездой.

Егор высадил меня возле нужного подъезда. Я назвала ему номер телефона, перевернув последние три цифры. К счастью, сразу проверять он не стал.

— Завтра позвоню тебе, морская нимфа! — сказал на прощание.

— Буду очень ждать, — пообещала я и поспешила скрыться в подъезде. На двери не оказалось домофона. Еще одна удача.

Следующие полчаса я на всякий случай пряталась на чердаке. И только потом решилась

вызвать такси до отеля.

Наташка не спала.

— Ты почему мне не позвонила? Я, между прочим, волновалась. Хотела уже будить Хенри и отправляться на твои поиски.

— Заболталась! Ну мы же договорились, что я позвоню, только если решу остаться ночевать. А я все-таки вернулась. Кстати... давно хотела тебя спросить...

— Спрашивай!

— А вот когда пропала Лена Копейкина, студия занималась ее поисками? Что вы делали?

— Ася, поисками занимается не студия, а полиция. Это их профессиональная обязанность. Давай спать, — сказала она, давая понять, что разговор окончен.

На следующий день за завтраком Хенри неожиданно объявил, что я уже вполне сносно справляюсь с обязанностями линейного продюсера, и он может наконец отпустить Наташку в Москву, куда она давно просится по делам студии. А значит в следующий заповедник, Лазовский, мы поедем только втроем.

Нашему скорому отъезду в тайгу я была только счастлива. Страх, что Егор каким-то невероятным образом все же разыщет меня, не покидал ни на секунду. Кстати, подробно ознакомиться с содержимым планшета пока еще не удалось. Мы с Наташкой жили в одной комнате, и ведь компьютер — не телефон, так просто его с собой в туалет не протащишь. Если наши увидят, тут же начнутся расспросы. Всем станет очень любопытно, откуда у скромной питерской корреспондентки, снимающей сюжеты о сельском хозяйстве, такой шикарный компьютер. А там и «почему мы его раньше не видели?», и «дай посмотреть».

Ну нет уж. В Лазо Егор меня точно искать не станет, это глухой поселок, где, кстати, тоже не ловит мобильная связь, и расположен он очень далеко от города. По пути в Находку. Наташка улетит, жить буду одна. Вот тогда вдоволь покопаюсь в планшете.

Билет в бизнес класс нашелся без проблем. Благо, на рейс Владивосток-Москва билеты стоили целое состояние. С лихвой хватило бы на недельный отдых в Турции по системе «все включено».

Тем же вечером мы устроили прощальный ужин. Перед тем, как сесть в такси, Наташка крепко обняла меня и шепнула в самое ухо так, чтобы Хенри не слышал:

— Не обращай внимания на его сарказм. Ты справляешься просто здорово. Андрей Игоревич очень тобой доволен. Просто у Хенри подход такой — он строгий, но зато сделает из тебя суперпрофессионала.

Когда я махала рукой вслед отъезжающему такси, на глаза навернулись слезы. Вот я и осталась совсем одна в бескрайней тайге.

Рано утром мы выехали в Лазо. Утро было ясным и морозным. Настолько чудным, что, пока наслаждалась утренним кофе из термоса, в голову лезли стихи Пушкина.

Лазовский заповедник оказался несколько ближе к цивилизации, чем Прибрежный. Здесь был выстроен целый городок учёных. Красивое здание администрации, несколько кафе, музей, куда школьников иногда привозят на экскурсии.

Для меня нашлась шикарная комната с письменным столом и трюмо. Хенри с Норбертом сразу заявили, что на четыре дня уходят в горы.

— Может, я с вами?

— Исключено, — отрезал Хенри. — Отдыхай, киндер.

Конечно, я не умею карабкаться по скалам как он. Ну ладно, зато будет время договориться с директором о ценах на съёмки.

Я отправилась гулять по Лазо. Крошечный посёлок у подножия величественных сопок. Как я уже говорила, мобильные телефоны здесь не ловят.

Зато в центре Лазо стоит таксофон. Карточки к которому можно купить на местной почте.

На второй день я не удержалась и купила такую карточку.

Я позвонила маме — она пекла яблочный пирог и ждала в гости соседку. Я порадовалась что там, далеко, на другом конце страны, в Калининграде, у мамы всё хорошо.

Папа нашёлся в Сочи. И тоже, похоже, был вполне доволен новой холостой жизнью.

Как назло, деньги на карточке всё ещё не кончились. И я, повинувшись порыву, набрала домашний номер питерской квартиры. Маришка схватила трубку на втором гудке. И обрадовалась так, будто нашей ссоры никогда не было. Может, даже слишком обрадовалась. Это для того, чтобы я не чувствовала себя смущённой. Всё-таки никто меня так не знает, как она.

— Слушай, я была не права. Похоже, Воропаева ты всё-таки поразила.

— С чего ты взяла?

— Да ты что! Ты читала новый номер «Тачки»?

— Знаешь, здесь, в тайге, достать его проблематично, — усмехнулась я. — Тут, правду тебе сказать, и с мобильниками-то напряжёнка.

— А откуда ты звонишь? — спохватилась подруга.

— Из таксофона.

— То есть таксофоны в тайге есть?

— Так точно. Таксофоны есть, а «Тачки» нет, — развеселилась я. — Так что там с последним номером?

— Знаешь, как называется редакторская статья Воропаева? «Кино и немцы»! Он ревнует! — возвестила Марина.

— Ну он же это не обо мне написал! — осадила я её.

— Вообще-то, конечно, о немецких машинах и их рекламных роликах, но вроде как немножко и о тебе. С намёком, как мне показалось. И это ещё не всё.

— Что ещё? — я не могла сдержать улыбки. Надо же, Маришка тоже в сыщики подалась.

— Ещё на развороте журнала, совершенно не к месту, под предлогом календаря на следующий год, кажется, фотография Пенелопы Крус. В ракурсе, в котором она безумно похожа на тебя. Просто открываешь — ты!

— Не верю, — вырвалось у меня. — Этого просто не может быть.

— А ты купи в ларьке «Тачку», как только выберешься из своей тайги. Ты молодец! Оказывается, надо было просто его послать! И вот он по тебе соскучился!

— Ладно, Бог с ним, с Воропаевым...

Я хотела ей сказать, что здесь, на Дальнем Востоке, я нашла другое, более глубокое и такое естественное. Где-то за гранью флирта. Там, где уже не нужно ничего придумывать и кем-то там казаться. Хотела сказать, но почему-то не сказала. Может быть потому, что в глубине души понимала — у нас с Сашей нет будущего. Все обстоятельства сложились против наших отношений. И даже не факт, что мы ещё хоть раз увидимся. Я ещё не готова была признаться даже самой себе, что это, скорее всего, конец. Что, едва встретив мужчину своей мечты, я его тут же потеряла. Тем более, я была не готова признаться в этом Маришке. Когда-нибудь я расскажу подруге эту историю во всех подробностях. Но ещё не сейчас.

— Прости меня, если что не так. Ты мой самый близкий друг. Правда. Ты и ещё Серж.

— Это ты меня прости.

Сообщив близким, что я жива-здоровая и пока что даже цела-невредима, я отправилась обедать в закусную для дальнобойщиков. Здесь пекли вкусные блинчики и варили отличный кофе. А что ещё нужно для счастья неизбалованному телевизионщику? Я решила, что нужно будет отвести сюда Хенри с Норбертом, как только они вернутся из тайги.

Вернувшись в номер я, чувствуя, как засосало под ложечкой, включила наконец-то

планшет. Какие-то письма, написанные иероглифами, тексты рядом с фотографиями девушек — все на этом неизвестном восточном языке. Без перевода совершенно точно ничего не разобрать. А интернета, как и мобильной связи, здесь нет. Значит, про онлайн переводчик нечего даже и думать.

В два часа дня я отправилась на переговоры с директором заповедника. Мы беседовали о ценах и условиях, и мне удалось выбить большую скидку. Говорили о воздушных съемках, и я навела справки, где забронировать самолет-кукурузник для следующей командировки. Но мысли мои были далеко. Я все силилась понять, что же такое зашифровано в этом планшете, и есть ли там ответ на вопрос, куда делась Лена Копейкина?

Дальше по плану значился визит к бывшему директору заповедника, ныне пенсионеру, Михаилу Алексеевичу Маслову и его жене, Зое Степановне. Этот пункт был помечен красным. Дело в том, объяснила мне Наталья, что Михаил Алексеевич пообещал нашему шефу семена чудесного лекарственного растения, которые нигде не достать, потому что растение это занесено в Красную книгу. Но старенькие ученые у себя в саду выращивают его с незапамятных времен и в чай заваривают. Как знать, может, в этом неброском цветке и кроется секрет их бодрости и долголетия?

Как только об этом цветке прознал наш шеф, тут же потребовал этих семян. Будет, видать, перед своим четырехэтажным замком выращивать. Пенсионеры, кстати, с легкостью согласились поделиться. Не жадные они.

Мы с Наташкой собрали им подарков от студии столько, сколько у нас было. От себя я купила еще и тортик.

Когда звонила в дверь, честно признаться, боялась, что мне не о чем будет с ними говорить. Как я ошибалась! Более интересных собеседников я в жизни не встречала. Живой ум, начитанность, искрометный юмор... Я провела у них всю вторую половину дня, благо, торопиться было особенно некуда.

Кто бы мог подумать, что ученый с мировым именем увлекается гаданием по руке!

— Ну что, хочешь, расскажу тебе всю правду?

— Не откажусь! — рассмеялась я.

Он долго молча рассматривал мою ладонь.

— Вижу успех, но он сам по себе не принесет счастья. Вижу много трудностей в любви. Вот, смотри сама, — он ткнул пальцем в какие-то мелкие хаотичные линии.

— Но шанс-то есть?

— Есть. Будет у тебя муж. И детей... то ли двое, то ли трое, не пойму...

А потом Михаил Алексеевич повел в каморку, служившую ему кабинетом, показывать книги по хиромантии.

И тут я увидела его. Китайско-русский словарь.

— Вы... не могли бы одолжить мне эту книгу? Хотя бы на несколько часов. Она мне очень нужна!

— Вы собираетесь с кем-то беседовать по-китайски? — заинтересовался бывший директор заповедника.

— Нет, скорее... переводить тексты.

— А вы изучали этот язык?

Я покачала головой.

— Честно говоря, даже не уверена, что тексты именно на китайском. Там иероглифы. Это все, что я смогла понять.

— Тогда несите их сюда, Асенька. Я, знаете ли, довольно много работал и с китайцами, и с корейцами, и с японскими учеными. Если дословный перевод не требуется, то я смогу вам помочь. Суть текста передать смогу.

— Правда?! — я не могла поверить в свою удачу. — Но... удобно ли это?

— Конечно удобно, — улыбнулся Михаил Алексеевич. — Чем мне, старику, еще заняться?

— Вы мне очень поможете! И, возможно, не только мне.

Через десять минут я вручила планшет пожилому ученому. Он велел мне вернуться через три часа.

Все это время я носилась по номеру как ужаленная и выпила не меньше пяти чашек кофе. Еще чуть-чуть и я узнаю ответ...

За окном стемнело, к домику ученых я пробиралась уже в крошечной тьме.

Михаил Алексеевич был мрачнее тучи.

— Ничего не получилось? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Почему же! Я все перевел. Вопрос только, что теперь со всем этим делать. Для начала расскажите, Асенька, где вы взяли эту вещь, — он неодобрительно покосился на планшет, лежавший на столе.

— Миша, ну что ты напал на девочку! Ты бы ей еще луч прожектора в лицо направил, и будет точно как на допросе. Я вот сейчас Асе чаю с травками заварю, и мы спокойно поговорим.

И, под чай с неведомыми травками, я рассказала старикам всю эту невероятную историю.

— Это все, что я знаю. Ну, а теперь ваша очередь, Михаил Алексеевич. Что вам удалось прочитать?

Старик неторопливо заговорил глубоким, красивым голосом. Я невольно поймала себя на том, что такой правильной речи не слышала давно, хоть и живу в культурной столице.

— Я многое узнал о владельце этой вещи, Асенька, из документов. Этот человек — бизнесмен. Его дело хорошо налажено и приносит ему огромный доход. Он продает товар в Китай и Гонконг. Спрос велик. Разбирают как горячие пирожки. Вот только один нюанс: бизнес этого человека не просто незаконен, он аморален.

— И... в чем же этот бизнес состоит? — я чувствовала, что язык плохо меня слушается. Если я прямо сейчас не узнаю правду, я просто умру!

— Вы, должно быть, слышали модное сейчас слово «эскорт»? Девушки на этих фотографиях эскорт-модели. Их работа — сопровождать состоятельных азиатских бизнесменов. Тем престижно появляться в обществе с русскими красавицами — в странах Азии очень ценится европейская внешность. Естественно, одним сопровождением дело не ограничивается. Примечательно вот что: девушек вывозят в Китай и Гонконг для работы танцовщицами. Там они получают совсем другую работу. И ни для одной из них фирма этого господина пока не приобрела обратный билет. Но даже этого вашему знакомому показалось мало. Я так понял, что в последнее время, заработав денег на девушках, он вышел на поставщиков наркотических веществ. И как раз сейчас ждет первую крупную партию товара. За такие находки убивают, Асенька. Вам нужно хорошо подумать, куда отнести эту вещь и как обеспечить свою безопасность.

— А Лена? Там есть какие-нибудь зацепки? Где теперь ее искать?

— Здесь есть адреса, и телефоны. Если это попадет в хорошие руки, дело быстро

раскроют. Но действовать нужно очень осторожно. У бандитов могут быть связи и в правоохранительных структурах. В наше время, это, к сожалению, не редкость. Эх, был у меня один друг, полковник милиции, кристальной честности человек. Но, к сожалению, уже скончался.

Тут в моей голове что-то щелкнуло.

— А вы знаете, мне, кажется, есть к кому обратиться.

— Ты абсолютно доверяешь этому человеку, Асенька? — забеспокоилась Зоя Степановна. — От него будет зависеть твоя жизнь.

— Я этого человека люблю, — неожиданно для себя самой призналась я.

Только камеры там не было. Там были деньги. Доллары. Много. Целый чемодан долларов. Галлюцинация. Или кто-то по ошибке впихнул в чемодан вместо камеры реквизит. В то, что деньги настоящие, поверить было невозможно.

Но зачем-то я всё-таки спросила:

— Они настоящие?

Хенри уверенно кивнул.

И тут я поняла, в чём дело. Вот уж действительно чокнутый миллионер.

— Хенри, ты думаешь, это лучшее место для хранения твоих миллионов? Может, лучше дома их было оставить, под охраной твоего леопарда?

Хенри хмыкнул. Вот гад!

— Ну привязал бы их ему к брюху. Если что, он убежать может. Леопард — одно из самых быстрых животных на свете. В конце концов, у него острые когти и зубы. А я бегаю медленно. И зубки у меня так себе, испортились, пока голодала в общежитии. Пойми, я хуже леопарда. Я в случае чего не смогу спасти твоё состояние.

Хенри снова хмыкнул.

— Ася, ты ничего не поняла. Это не мои деньги.

— Как не твои??? Чемодан твой. Значит и деньги твои.

— Ася, послушай, что я тебе скажу. Всё это очень серьёзно, майн киндер. Это не мои деньги, как они сюда попали, я понятия не имею, когда мы вылетали из Франкфурта, здесь лежала камера. Но я точно знаю, что мне не нужны проблемы.

— И что же делать? — я медленно опустилась на кровать рядом с чемоданом, полным американских денег. Рассказанная Хенри история не укладывалась в голове.

Всё это не может быть правдой. Потому что просто не может быть.

— Я не знаю, что делать, — Хенри опять превратился в питона и перешёл на английский. — Ты же наш русский продюсер.

— Я думаю, — медленно и чётко произнесла я на языке Шекспира, — надо позвонить Жуковскому. — Он сможет решить эту проблему. — Давай сюда телефон.

Хенри неожиданно послушался и не только протянул мне свой айфон, но и набрал номер нашего генерального продюсера.

Андрей Жуковский, наш шеф, царь и бог, а также единственный, кто мог объяснить, что делать, если вместо камеры в чемодане обнаружились доллары, был недоступен.

Мы все же пошли ужинать с Юрием Корнеевым, специалистом по дальневосточному леопарду. Несколько лет назад Хенри уже встречался с ним на съемках в Японии. И теперь они болтали, как старые друзья. Благо, Корнеев сносно говорил по-немецки.

Хенри демонстративно не разговаривал со мной, то и дело кидая на меня испепеляющие взгляды.

У меня просто все плыло перед глазами. Эскорт-модели... Наркотики... Теперь еще эти доллары... Скорее бы увидеть Сашу! Самой мне точно со всем этим не разобраться! Я посмотрела на часы. Половина девятого. До нашей встречи оставалось два с половиной часа.

— Хенри, если ты не против, я пойду прогуляюсь? Что-то мне дурно.

— Конечно, киндер, заодно подумай, как решить нашу проблему.

Я брела вдоль набережной в надежде, что свежий воздух немного освежит голову. Вдруг кто-то бесцеремонно схватил меня под руку. Сейчас как дам этому пьяному нахалу!

— Но в следующее мгновение в бок уперлось что-то острое.

— Не рыпайся, кукла, — я узнала голос Егора. Он воткнул мне под куртку нож. —

Молча иди со мной, поняла? А то прирежу, как корову.

— Угу, — промычала я.

Похоже, это все.

Мы с Сашей все-таки не встретимся. Никогда.

Маловероятно, что Егор меня отпустит. Я — свидетель. В лучшем случае, отправят в Китай. Ну что мне не сиделось в ресторане?! Каких-то два с половиной часа, и я была бы под защитой любимого мужчины.

Может, все же закричать, попытаться вырваться и бежать?

Стальная хватка Егора и нож под ребрами ясно давали понять, что это невозможно.

Он затолкал меня в машину. Ну вот, теперь уже поздно думать. Выбора уже нет.

Егор привел меня к себе. На сей раз дом уже не казался мне восхитительным, а хозяин благородным. Теперь я знала правду.

— Хочешь выпить? — поинтересовался Егор после того, как запер дверь. — Нам с тобой предстоит долгий обстоятельный разговор.

Я кивнула.

Он плеснул коньяка в бокал и протянул мне.

— Пей и рассказывай, кто велел тебе стащить мой компьютер. Признаюсь, это ты лихо провернула! Я даже на секунду не усомнился, что ты действительно заблудилась. На сей раз не советую мне врать. Если почувствую, что сочиняешь, начну резать тебя по кусочку. Поняла, красота ненаглядная? Хорошо хоть я тебя случайно в ресторане углядел! А то бы так и сбежала!

Красота ненаглядная. Так мне всегда Городнюк говорил. Эх, и что меня не устраивало в моих сельскохозяйственных сюжетах? Телята, поросята, посев, жатва. Травка зеленеет, солнышко блестит. Никаких гангстеров, наркоты, чемоданов денег и ножа под ребрами.

Я выпила стопку, приятное тепло разлилось по телу.

И тут я решила ни за что не сдаваться.

— Понимаешь, — выдала я, глядя ему прямо в глаза, — я всегда мечтала о таком компьютере. И не удержалась. А там какие-то иероглифы. Я ничего не поняла... Не убивай меня, пожалуйста.

От того, поверит мне Егор или нет, зависела моя жизнь.

Внезапно он расхохотался с облегчением и шлепнул меня по попе.

— Эй, красотка, хорош ломаться! Сейчас мы с тобой расслабимся, завтра поедем вместе. Ты отдашь мне, что должна, я передам боссу и расстанемся друзьями.

Завтра. Очевидно, завтра он увезет меня на перевалочный пункт, и клетка навсегда захлопнется. Дальше переправят в Гонконг или Китай, и там, вполне возможно, я наконец встречусь с Леной Копейкиной. Вот только я уже ничем не смогу помочь несчастной девушке. Потому что мы с ней будем в одном положении — в положении рабынь.

Он повалил меня на кровать. Я отбивалась, пыталась кусаться, но силы были неравны. Егор просто придавил меня своим мощным телом и стал стаскивать одежду.

Я слышала глухой щелчок, Егор взвыл и слез с меня. В следующую минуту я поняла, что в комнате уже двое мужчин и они борются. Всё продолжалась каких-то пару минут. И вот уже тот второй сидит на Егоре и защёлкивает на его руках наручники. Я видела только чёрный силуэт.

У меня прорезался голос.

— Кто вы? Вы из полиции?

Он не ответил, но жестом приказал мне не двигаться и куда-то потащил Егора. Вернулся минут через пятнадцать, один. Зажёг свет. Камуфляж, чёрная маска на голове. Вообще-то похож на омоновца. Пистолет с глушителем.

— Кто вы? — снова спросила я дрогнувшим голосом.

Вместо ответа он стянул маску.

— Саша! — выдохнула я. — Ты? Как ты? Откуда?

— Я так и знал, что за такой отчаянной девчонкой надо приглядывать. Влад не переживёт, если с тобой что-то случится, — он помедлил. И я... не переживу.

— Как ты меня нашёл?

— Хенри сообщил, что ты пропала. Продавщица на набережной видела тебя с Егором.

Остальное — дело техники.

— А где Егор? Ты его убил?

Саша усмехнулся.

— Вообще-то следовало бы. Да нет, поговорил с ним по-мужски и запер в гараже. Ты что, не могла сразу сказать, что влипла по-крупному? Я бы примчался через полторы минуты.

— Да тут такое дело... В двух словах не объяснишь.

— Так вышло, что я в курсе этого дела, — невозмутимо сказал Саша. — Да и не только я. Но вот то, что ты в это влезла, для меня новость. Когда только успела? Ты хоть представляешь себе масштабы этого дела? Это международный преступный синдикат! Они тебя как спичку сломали бы и не поморщились. Столько девчонок загубили. Они...

Я сидела на крыльце дома Егора, глубоко зарывшись в свой порезанный пуховик.

— Знаю, знаю, все знаю... Торговля людьми, крупная партия наркотиков... Одного не могу понять: деньги-то кто нам подкинул?

— Какие деньги?! — насторожился Саша.

— У Хенри вместо камеры в чемодане доллары. Полный чемодан зелени. Он что, тоже наркокурьер?

— Нет, — безапелляционно ответил Саша.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю и все. Значит так. Тебя сейчас мой человек отвезет в гостиницу. Будь там. Ни на шаг от Хенри не отходи, поняла? Я подъеду с нужными людьми через пару часов, и мы во всем разберемся. Ясно?

— Так точно, товарищ полковник, — ответила я, одной рукой накрыв голову, а другой отдавая честь.

Потому что любой офицерский ребенок знает, что ладонь к непокрытой голове не прикладывают.

Первое, что бросилось в глаза, когда я вошла в номер — Хенри выглядел очень необычно.

Голова опущена, глазки бегают. Мне кажется, или он действительно смущён?

Нет, не может этого быть.

— Киндер, надо поговорить. Насчёт тех денег в чемодане. Они фальшивые.

— То есть как фальшивые? Ничего не понимаю. Они же настоящие! Ты же мне говорил, что настоящие.

— Очень просто. Я купил их на китайском рынке, пока ты оформляла документы на вселение.

— За... зачем? — только и смогла я вымолвить.

Я их специально туда положил, чтобы проверить, как ты будешь действовать. Продюсер должен быть готов ко всему.

— То есть, ты просто меня развёл??? — я не могла поверить услышанному. — И ты считаешь себя профессионалом? И это у тебя я должна учиться мастерству? По-моему, тебе самому не помешало бы промыть мозги!

Нервы у меня сдали окончательно.

Как он мог?! Как посмел так жестоко шутить, когда моя жизнь висела на волоске?

— Говори по-английски.

— Да не знаю я, как это по-английски! Я вообще не знаю, чёрт возьми, что со всем этим делать! Мы прилетели чёрт знает куда, чёрт те зачем, руководство нас просто кинуло. Но я думала, что мы, понимаешь, команда. А ты меня взял и развёл!

Я кричала, забыв обо всём на свете. Мне было уже наплевать. Отчего-то Хенри прекрасно разобрал весь смысл потока непереводаемых русских ругательств.

— Прости меня, киндер, я не думал, что всё так далеко зайдёт. Действительно не думал.

— Прекрасно. Через полчаса или даже раньше здесь будет десять здоровых дядек с автоматами, им ты и объяснишь, что доллары фальшивые.

— Ты... Кому ты отдала деньги?

— Местным контрразведчикам, — я не стала вдаваться в подробности.

Хенри опустил на стул и где-то минуту сидел так, с закрытыми глазами, приложив сложенные ладони к вискам. Мне стало его жаль.

— Да успокойся ты. Александру твоему обожаемому отдала. Не бойся, не посадят. Если что, скажем, что это реквизит для съёмок.

Но Хенри после моих слов помрачнел ещё больше.

— Собирайся. Вызови Алексея, а я найду Норберта. Мы уезжаем.

— Хенри, а куда мы едем? Что Алексею сказать?

— Это я скажу, когда мы сядем в машину.

Огромному Хенри понадобилось всего три шага, чтобы пересечь номер. Через мгновение дверь за ним захлопнулась.

Спорим, он сам не знает, куда мы едем?

Мы выехали из Владивостока, но Хенри все еще не отдавал конкретных указаний относительно пункта назначения. Командовал Алексею, куда повернуть, и все.

Я занервничала. Саша велел не отходить от Хенри и не отлучаться из гостиницы. И как

быть, если совместить не получается? Я решила, что объект важнее места дислокации.

Наконец Хенри велел Алексею остановиться. Я огляделась по сторонам. Кругом лес, ни одной живой души, кроме нашей компании.

Я очень сильно надеюсь, что Хенри не имеет никакого отношения к международному преступному синдикату. Потому что здесь нас будут искать долго.

— Киндер.... Пойдем, поговорим.

Я вышла из машины. Хенри отвел меня на несколько метров.

— Киндер... Прости меня, пожалуйста...

Нет, это мне снится. Самодур Хенри просит прощения? Быть такого не может!

— Прости за этот розыгрыш с чемоданом. Я не знал, что тебе и так досталось. Мы с Александром давние друзья и мне бы не хотелось, чтобы он на меня сердился.

— Вы с Сашей? Да вы же только две недели назад в Прибрежном заповеднике познакомились?

— На самом деле двенадцать лет назад в Монголии...

— Но как?!

— Вместе проводили операцию.

— Какую операцию? По съемке монгольских пустынь?

— Не совсем. Я не могу тебе рассказать. Дело государственной важности, гриф секретности еще не снят...

Мой мозг исполнил сальто-мортале.

— Слушай, Хенри, — проговорила я медленно, будто пробуя слова на вкус. — ты вообще кто? Чудаковатый миллионер-гей? Оператор немецкого телевидения? Или разведчик?

— Почти все это правда, — улыбнулся Хенри. — Родители действительно оставили мне приличное наследство. Я биолог по одному образованию и оператор по второму. Я обожаю снимать фильмы о дикой природе. И у меня на самом деле в вольере рядом с домом живет леопард. Его зовут Гарри, он очень болен и в дикой природе просто не выжил бы. Моя жена ухаживает за ним, пока езжу по миру и снимаю самые красивые места. А еще я давно сотрудничаю с Интерполом...

Подумай-ка. У него жена. Значит, все разговоры про нетрадиционную ориентацию — просто нелепые сплетни? Или профессиональная легенда?

И я еще уговаривала папу позволить им снимать военные объекты... Хорошо хоть, из этой затеи ничего не вышло. Как известно, кто для одной страны разведчик, для другой — шпион.

Хенри начал рассказывать и говорил довольно долго. Сейчас он смотрел на меня совсем по-другому. Как на взрослого человека, линейного продюсера и любимую девушку своего друга.

Если подытожить его рассказ, выходило следующее. На базе ночного клуба, службу безопасности которого возглавлял Егор, был организован кастинг девушек-танцовщиц для работы в Китае. На деле отобранные барышни становились сотрудницами элитного агентства эскорт-услуг. Девушек выбирали тщательно, а среди клиентов были лишь очень богатые азиаты. Егор, в прошлом сотрудник полиции, уволенный за взятку, действовал профессионально. По своим каналам он собирал сведения о родственниках претенденток. И выбирал тех, чья родня не станет слишком волноваться, если девочка вдруг исчезнет. Постепенно наших красавиц стали поставлять в качестве живого товара и в другие страны. И

вот теперь на заработанные деньги члены синдиката решили расширить бизнес. Их должны взять на днях, когда придет та самая партия наркотиков. Но тут вмешалась я и едва не спутала все карты.

Лену Копейкину нашли. История ее исчезновения оказалась совсем нетипичной, не такой, как у других пропавших девушек. Знаете, после этого случая я даже перестала считать себя невезучей. Если судьба и относилась к кому-то из продюсеров предвзято, так это к Лене.

Выяснилось, что в один из субботних вечеров, после того, как Хенри с Норбертом заснули, она, никого не предупредив, сбежала потанцевать. Нехорошо конечно, но не криминально. Захотелось немного развлечься, а узурпатор Хенри, по своему обыкновению, заставлял работать без выходных. Никем не замеченная, Лена выскользнула из гостиницы и отправилась в ночной клуб. Да, именно в тот, где работал Егор. Он тут же заприметил красивую блондинку ростом метр восемьдесят. Подошел познакомиться под видом обычного посетителя. Задал пару вопросов — кто такая, откуда. И быстро понял, что это не его вариант. Лена, конечно, сразу похвасталась, что она — линейный продюсер немецкого телеканала. Только сумасшедший станет связываться с телевидением.

Все бы ничего, но в тот день в клубе отдыхал будущий партнер. Тот самый, который должен был способствовать поставкам нового товара. И он запал на Копейкину. Заявил, что хочет получить эту девушку во что бы то ни стало.

Пришлось Егору поспособствовать. Клофелин сделал свое дело, и Лена очнулась уже в Китае.

В общей сложности по результатам операции домой вернулись двадцать восемь девушек. А три не пожелали возвращаться — захотели остаться в Азии, под крылом у своих покровителей.

Мне пришлось надолго задержаться во Владивостоке. Хенри с Норбертом тоже оставили. Жуковский решил не делать перерыва между командировками, раз уж такое дело.

Я участвовала в процессе — давала показания. Ну и конечно, воспользовалась возможностью — делала репортажи об этом деле для всех центральных каналов. Лена Копейкина дала мне эксклюзивное интервью как жертва похищения. А Саша организовал встречу с одним очень важным генералом. Ему самому, как оперативному работнику, светиться было нельзя.

Свободное время находилось только по ночам. Стоит ли говорить, что все ночи мы проводили вместе.

У Саши был небольшой старый дом в прибрежном поселке, доставшийся в наследство от родителей. Не особняк и не коттедж, а, скорее, дача советского типа. Ее строил когда-то Сашин отец. Он поил меня липовым чаем, укутывал в пуховое одеяло, и мы часами болтали, греясь у настоящей русской печки.

— Какими они были, твои родители?

— Мама — учительница начальных классов. Папа — кадровый офицер. Всю жизнь прослужил на Тихоокеанском флоте.

— Мой тоже всю жизнь на флоте. Только на Балтийском.

Мы были созданы друг для друга. И старались больше не думать об обстоятельствах, готовых в любой момент разрушить это хрупкое счастье.

Владик, конечно же, не знал ничего о том, что я живу на даче его дедушки с бабушкой. Но мы очень много говорили о Сашинем сыне. Я подолгу разглядывала его фотографии в

телефоне отца.

— Ты даже не представляешь, как мне жалко, что я не его мама, — вырвалось у меня однажды.

— Если бы ты знала, как жаль мне...

Это был единственный раз, когда мы упомянули его жену. Больше ни один из нас не поднимал эту тему. Чтобы не начинать долгий, бессмысленный и болезненный для обоих разговор.

Мы растворялись друг в друге. Я даже не знала, что так бывает: сливаются души, мысли, тела. Я твердо сознавала, что никогда в жизни не пожалею о том, что позволила этому случиться. Потому что наши отношения были счастьем. Терпким, густым, концентрированным. А истинное счастье — слишком большая драгоценность, чтобы им пренебрегать.

А потом Саша улетел в свою командировку. И обещал навестить меня в Петербурге, когда вернется. Вот только он, разумеется, не знал, когда это будет.

— Что бы ни случилось, всегда помни, что ты — моя единственная. Никто не в силах этого изменить, — сказал Саша на прощание.

Мы стояли в аэропорту и держались за руки. Мне хотелось запомнить это мгновение, впитать каждую мелочь, чтобы потом раз за разом прокручивать в голове, будто любимый черно-белый фильм.

Он целовал меня. Страстно и отчаянно.

— Не так уж важно, что будет с нами дальше. Счастье — это здесь и сейчас.

— Я знаю.

Я и правда знала. Потому что чувствовала то же самое.

После отъезда Саши я с головой погрузилась в работу. Я изо всех сил старалась не задумываться о том, когда мы встретимся вновь. Впервые в жизни — я люблю. И меня любят. А это много. Это — целая вселенная. И никто не в силах у меня ее отнять. Воспоминания и чувства неосязаемы, но зато свободны от посягательств.

Хенри стал прежним невыносимым занудой. Как будто не было таежных откровений. И как будто я не была девушкой его друга.

В день нашего возвращения в Питер он довел меня до слез. Вдруг заставил составлять финансовый отчет о поездке и отчаянно ругал за мелкие недочеты в оформлении. Когда вещи наконец были уложены, Норберт сторожил чемоданы в холле, а я сдавала номер, он подскочил ко мне с горящими глазами. Интересно, какую еще ужасную оплошность я совершила.

— Киндер, я нашел это в нашем номере! — трагическим тоном заявил он и протянул мне старые зубные щетки и полупустой тюбик пасты.

— И что? Я специально их здесь оставила.

— Ну это еще ладно, — смягчился начальник, потрясая щетками. — Это надо время от времени менять, я согласен. Но это? Тут же еще есть паста.

Я готова была его убить. Миллионер хренов.

Алексей отвез нас в аэропорт. Хенри, конечно же, перепутал терминал и потерял билеты. А потом обвинил во всем меня. Ну, еще бы. Я ведь их русский продюсер.

К тому моменту, как мне удалось разрулить ситуацию, посадка уже заканчивалась. Мы едва успели на самолет.

Я плюхнулась в кресло. И возблагодарила судьбу и немецкое телевидение за то, что мы летим в бизнес-классе. Ибо Хенри с Норбертом оказались через проход от меня. Джинн в форме «Аэрофлота» возник почти сразу.

— Сок, вода, кола, спрайт, коньяк, водка. Чего желаете?

— Коньяку принесите, пожалуйста, — выдохнула я.

— Конь-я-ку? — громко и по слогам переспросила красавица, а потом покосилась на Хенри. Видимо решила, что он мой папа.

— Да, — так же громко ответила я. — Будьте добры, коньяк.

— Ну, хорошо, — пожала плечами стюардесса, так и не дождавшись реакции от господина Микса. — Сейчас принесу.

Я выпила стопку залпом и попросила ещё. По телу разлилось приятное тепло.

Хенри покачал головой.

— Ай-яй-яй, киндер, разве можно таким маленьким девочкам пить крепкие напитки. — И тут же закричал стюардессе: — И нам тоже принесите коньяк!

Я искренне ненавидела Хенри в эту минуту и совершенно не хотела с ним пить. Но работа есть работа. Когда в их руках тоже появились стопки, я предложила:

— Давайте выпьем за проект!

— Нет, — хитро прищурившись, отказался Хенри. И провозгласил: — За дружбу!

Мы чокнулись, и он мне подмигнул.

Ага, пытается помириться, пока ещё не поздно. Бойтся, что сразу по прилете побегу жаловаться шефу.

Но думать о Хенри совершенно не хотелось, особенно в тот момент, когда набирал высоту самолёт, навсегда уносящий меня от первой большой моей любви. С каждой секундой всё дальше заснеженная тайга со следами тигров и лепестки белых роз на снегу. Саша и Владик. Прощайте, мои хорошие. Пожалуйста, постарайтесь быть счастливыми.

Я всё-таки не выдержала и заплакала. Впервые за всю командировку. Уже через несколько часов я буду в Петербурге. Маришка испечёт любимый яблочный пирог по случаю моего возвращения. Завтра, наверное, отправят снимать сюжеты про коров или страусов. Всё будет как раньше. Сказка кончилась.

В Пулково нас встречал лично Жуковский. Он крепко обнял меня.

— Вот ведь выдалась у тебя командировка, Ася. Не у каждого за всю журналистскую карьеру такое бывает. Ладно, потом всё расскажешь. Сегодня отдохнуть!

Когда мы ждали багаж, Хенри с Норбертом отлучились в туалет. Жуковский подошёл ко мне со спины и вдруг обнял. На этот раз совсем не по-отечески.

— Андрей Игоревич...

— Я надеюсь, Хенри не будет ревновать.

— Я думаю, всё-таки будет.

Я отстранилась. К счастью, в этот момент мне позвонила Наташа.

— Поздравляю с возвращением! Ты большая молодец!

— Спасибо.

— Я очень хотела сама тебя встретить, но приболела, и врач не разрешил. Решили, что Андрей Игоревич поедет.

— И правильно сделали. Поправляйся спокойно. Мне вполне достаточно, что ты обо мне помнишь!

Когда я закончила разговор, Хенри с Норбертом уже вернулись, и это избавило меня от необходимости обсуждать с шефом его манёвр.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Мы сели в машину. Жуковский вёз Хенри в гостиницу, а меня заодно к метро.

— Ася, а где же мужчина, который ждёт и скучает? — поинтересовался Хенри.

Я опешила. Неужели он думает, что Саша был просто развлечением, а теперь я вернусь к своему мифическому парню? Даже если бы такой парень у меня был. Даже если бы это был сам Воропаев... Он был бы уже бывшим!

— У меня такого нет, Хенри.

— Хенри, вообще-то, самый любимый Асин мужчина — это я, — неожиданно выдал шеф. — У меня есть основания так думать, она подарила мне слона.

— Да, слонов я больше никому не дарила, — вздохнула я.

У метро джип остановился. Немцы вышли попрощаться со мной. Хенри взял свой ежедневник, написал там свой адрес и все телефоны.

— Если тебе когда-нибудь что-нибудь будет нужно, обязательно сообщи мне, киндер.

Потом он крепко прижал меня к груди и держал так довольно долго.

— И ещё, киндер, — сказал он совсем тихо. — Тот русский офицер тебя действительно любит.

Он подмигнул и скрылся в машине Жуковского. Вся злость на немца моментально прошла.

Через несколько часов Хенри позвонил. Сказал, что они с Норбертом благополучно приземлились во Франкфурте. А вот дорогостоящее телевизионное оборудование, к тому же еще и арендованное, не приземлилось вовсе. Потому что пропало где-то по пути.

Минут десять мне потребовалось, чтобы выяснить, где именно. Еще через пять минут я докладывала о происшествии генеральному продюсеру студии Андрею Жуковскому.

— Понимаете, вместо камер на борт взяли груз 200. Ну то есть гроб. Вот и получилось, что немцы уже во Франкфурте, а оборудование только завтра будет в Петербурге.

— И что ты от меня хочешь?

— Мне нужна машина.

— Машина, машина... Машина есть у Льва Жуковского. Всё, иди. Найди его и приведи сюда.

— Но Андрей Игоревич! Где же я его найду?

Честно говоря, я понятия не имею, кто такой Лев Жуковский. Сын? Брат?

— Он где-то здесь, — неопределённо махнул рукой мой шеф и налил себе ещё коньяка, давая понять, что аудиенция окончена.

Я понеслась вниз по лестнице, с небес на землю, бормоча под нос песенку юного корреспондента: «Постарайся мне добыть то, чего не может быть. Запиши себе название, чтобы в спешке не забыть. А не выступишь к утру — в порошок тебя сотру. Потому что твой характер мне давно не по нутру». На самом деле это отрывок «Сказа про Федота стрельца», но для меня и моих коллег он стал просто гимном.

Когда я его увидела, я сразу поняла, что это он. Огромный живот, надутые губы, косматые брови. Жуковский, это уж точно. Совсем как Лариса Игоревна и шеф, только моложе.

— Э-э, простите, вы Лев?

— Да, а что?

— Вас Андрей Игоревич просил зайти.

— Прямо сейчас?

— Ну конечно. Пойдёмте скорее со мной!

И я потащила ничего не понимающего гиганта вверх по лестнице.

— О-о, Левушка! Привет, — обрадовался генеральный продюсер. Если он так вот радуется, ничего хорошего не жди, это я уже давно заметила. — Я тебе звоню-звоню, а ты всё не подходишь. Дома, что ли, не ночуешь, паразит?

— Почему, ночую, — растерялся великан.

— И растолстел, — продолжал Андрей Игоревич, — между прочим, я в твои годы был мастером спорта.

— По какому виду? — не поверила я.

— По метанию ядра.

— Но дядя.

— Что дядя. Кому ты такой нужен. Иди сюда, встань рядом. Давай я тоже встану, — и — неслыханное дело — Жуковский встал из-за своего антикварного стола и вышел на середину кабинета. — Так, Ася, ну-ка скажи, у кого живот больше — у меня или у Левы?

Я опешила. Вот что ответить на такой вопрос начальнику?

Они стояли передо мной. Одинаково грузные, одинаково губастые. И самое смешное, их огромные животы тоже были совершенно одинаковые. Я прищурилась и честно попыталась найти хоть одно отличие.

— Н-ну вы знаете, — не слишком уверенно проговорила я, — мне кажется, животы совершенно одинаковые. Но только у Левы как-то вперёд, а у вас как-то вширь.

По-видимому, ответ оказался правильным, потому что шеф довольно ухмыльнулся и подтянул штаны, повторяя:

— Гм, у меня вширь.

Я перевела дух. Великан, оказавшийся племянником, чуть не плакал. Очевидно, под толстым слоем жира скрывалась ранимая душа. Я решила помочь бедняге:

— Наверное, у Левы есть другие достоинства.

— Да, — обрадовался парень.

— Масса, — подтвердил дядя. — У него есть своя квартира и агентство грузоперевозок. Вот что, Лев. Ася очень хочет замуж.

— Я не хочу!!! — запротестовала я.

— Хочешь-хочешь, — заявил шеф. — Так что, Лева, женись на ней, пожалуйста.

— Хорошо.

Я переводила взгляд с одного на другого. Да что они, с ума посходили? Ничего себе шуточки!

— Ася, Лев — такой же, как я, только моложе.

Я еле сдержалась от усмешки. То есть себя он, надо понимать, считает эталоном мужчины.

— Кроме того, — продолжал радоваться шеф, — у нас отличная порода. Если надо, он похудеет. А с твоим отцом я уже договорился.

— Вы разговаривали с моим папой??? О... о чём?

— О твоём замужестве. Он не возражает.

Я потрясла головой. Может, всё это — глюк на нервной почве? Просто какой-то театр абсурда, честное слово — сравни животы, выходи замуж. Неужели он действительно звонил моему отцу?

— Да, и ещё, — сказал шеф, явно наслаждаясь произведённым впечатлением, — поможешь Асе завтра встретить груз из Владивостока. Всё понял?

— Понял, — кивнул Лев.

— Тогда идите.

Вечером я рассказала Маришке о шутке шефа по поводу животов. Мы посмеялись, и она сказала:

— Но ты знаешь, на месте этого мальчика мне бы было неприятно.

— Да и мне, знаешь ли, было не по себе. Такой уж он человек.

В этот самый момент позвонил папа.

— Ну что, моя дочь выходит замуж? — спросил он.

— С чего ты взял? — насторожилась я.

— Ну как, мне сегодня звонил дядя твоего суженого и, так понимаю, по совместительству твой начальник. Очень тебя хвалил, рассказывал, как ты выручила его компанию во время дальневосточной командировки, и спрашивал, не буду ли я возражать, если ты и Лев подадите заявление. Я ответил, что если ты этого парня любишь, я, конечно, совершенно не возражаю.

— Стоп-стоп-стоп. Папа, да я только сегодня с ним познакомилась! Причём когда его дядя просил у тебя моей руки, мы, видимо, были ещё незнакомы.

— То есть он пошёл на опережение? Почву прощупал? — расхохотался отец.

— Видимо так.

— И что, как тебе этот Лев, доча? Понравился?

— Хороший парень. Но встречаться с ним я никогда не буду. Если честно, пап, мне другой мужчина нравится.

— А он кто?

— Он? Он военный. Как ты.

Следующие две недели мой рабочий день начинался с того, что Лев встречал меня у дверей студии. Он садился рядом, заводил разговоры ни о чём. Честно говоря, я вообще не понимала, когда он работает. При этом он ни разу не предложил подвезти меня до дома и не пригласил в кино. Согласитесь, весьма странное поведение.

Наташа как-то за кофе спросила меня:

— Ну что, когда свадьба-то?

— У кого?

— У вас слевой.

— И ты туда же. Да мы даже не общаемся и, честно говоря, он совсем не в моём вкусе.

— Цыц. Тихо. Ты что такое говоришь? — зашептала подруга. — Он отличный парень. Такого мужа поискать. Андрей Игоревич оказал тебе высокое доверие, дал согласие на брак со своим племянником, которого воспитал как родного сына. Многие вообще думают, что он и есть его сын. Тебе очень повезло, ты что.

— Ты с ума сошла? Ты сама веришь, в то, что говоришь? Согласие на брак... Мы что, в восемнадцатом веке? Если хочешь знать, у меня серьёзные отношения с другим мужчиной.

Наташа рассмеялась мне в лицо.

— Да ну? С каким? Не с этим ли женатым Джеймсом Бондом?

— Ты его не знаешь, — выпалила я. И, не допив кофе, вышла из столовой. Съёмки на сегодня больше не было, сюжет я смонтировала и озвучила и поэтому решила, что если сейчас уйду домой, никто возражать не станет. Мёрзнуть на остановке в ожидании автобуса не хотелось, и я побрела к метро.

Слова Наташи заделали меня за живое. Да как она смеет так говорить? Почему думает, что в меня нельзя серьёзно влюбиться? На глаза навернулись слёзы. Ну неужели я произвожу настолько жалкое впечатление, что люди считают, что без их помощи я никогда не выйду замуж? А может, так оно и есть? Может быть, тогда, в тайге, я упустила своё счастье? И ничего больше не будет? Ни зелёных глаз, ни белых роз, ни завораживающий метели?

Почему-то вспомнилась Ахматова: «У кладбища направо пылил пустырь, а за ним голубела река. Ты сказал мне: „Ну что ж, иди в монастырь или замуж за дурака...“».

Я сама отпустила Сашу, сама виновата во всём.

Как это часто бывает, увлечённая своими проблемами, я даже не заметила дороги домой. Как-то не сконцентрировалась на ней. Чисто автоматически добрела до метро, доехала до «Проспекта Ветеранов», а потом на маршрутке до нашей остановки.

Я очнулась только у подъезда, да и то лишь потому, что на его ступеньках сидел Данила Воропаев. Главный редактор журнала «Тачка».

— Привет, Земляникина! — поздоровался он.

— Ну что же ты, обещала мне феерический секс и сбежала в тайгу.

— Ничего я тебе не обещала, Даня. Я ошиблась.

— То есть, я оказался не тем прекрасным принцем, которым ты меня воображала? — уточнил Воропаев.

— Ты оказался мизантропом, неотесанным типом, который не умеет общаться ни с девушками, ни с подчинёнными. Подвинься и впусти меня в подъезд, пожалуйста.

На самом деле у меня не было злости на Воропаева. Я злилась на Наташку, на шефа, на Ларису Игоревну, на Сашину жену и на самого Сашу за то, что он женат. И больше всех — на саму себя.

— Подожди, — сказал Данила, но подвинулся. — Давай поговорим.

— Я лучше пойду.

— А может, ты лучше статью напишешь?

— Какую статью?

— Обыкновенную. Возвращайся ко мне на работу.

— У меня теперь другая работа.

Мне кажется, или он действительно расстроился?

— Как знаешь.

Я молча прошла в подъезд. Сердце разрывалась, хотелось выть на луну. Но не при нём же, в самом деле.

— Если передумаешь, позвони или напиши на мой мэйл, — крикнул вдогонку Воропаев.

Когда я рассказала Маришке об этом происшествии, она пришла в полный восторг.

— Ты что, всерьёз думаешь, что он предложил мне вернуться на работу, потому что понял, что влюблён? — скептически осведомилась я.

— Нет, потому что его издательство погибает без такого талантливой автора. Конечно, понял. Станет взрослый дядька сначала увольнять, а потом караулить у подъезда, чтобы уговорить вернуться?

— Это ты ему польстила — взрослый дядька. Думаю, Данила никогда не повзрослеет. Он и в семьдесят лет будет гонять на мотоцикле и пить пиво в подворотне. Если он по мне соскучился, почему прямо не сказал?

— Как же, станет он признавать свои ошибки. С его-то самолюбием.

— Так. То есть ты не считаешь меня талантливым журналистом? — сообразила я.

— Считаю. Но думаю, что Данила зовёт тебя назад не по этому. Точнее, не только.

— Плохо, — вздохнула я.

— Почему?

— Потому что мне скоро действительно может понадобиться новая работа, и хорошо забытая старая вполне бы подошла.

— Что случилось?

— Если они не отстанут от меня со своимлевой, придется уволиться. И я рассказала с сегодняшнем разговоре с Андреевской.

— Ну и что ты расстраиваешься? Ты всё правильно сказала Наташе. Нужно просто заставить поверить эту семейку, что у тебя всё хорошо на личном фронте. Что у тебя есть жених гораздо круче этого их Левы.

— И где ж я такого возьму?

— Это мы придумаем. Надо просто попросить кого-нибудь из знакомых встретить тебя на крутой тачке.

— И у тебя много таких знакомых? — вздохнула я. — Вот и у меня не много.

— Я знаю!!! — Маришка так обрадовалась, что даже вскочила с дивана и наступила на лапу Сержу. Кот обиженно замыкал. — Я знаю, кого надо попросить!

— Кого? Честно говоря, не вижу ни одного варианта.

— Воропаева! Помнишь, ты говорила, что он под предлогом тест-драйва может взять из салона любой автомобиль, покататься на нём и поставить обратно. Позвони ему! Он чувствует себя виноватым, а значит не откажет.

Номер Воропаева я давно стёрла но, к несчастью, помнила наизусть.

— Привет! У тебя есть возможность реабилитироваться. Если честно... Мне очень нужна твоя помощь.

— Да что ты? Что-то я не заметил сегодня, что ты во мне нуждаешься.

— Ты можешь меня завтра встретить с работы на «Ламборджини»? — выпалила я.

— А-а, всего-то. На «Ламборджини» какого цвета?

— Жёлтого. Но можно любого другого.

— Земляникина, ты — это нечто, — не остался в долгу главный редактор. — Решила пустить пыль в глаза своему мальчику? Хотя знаешь, в принципе, я не против. Я помогу тебе, но при одном условии.

— При каком? — насторожилась я.

— Ты напишешь статью про «Ламборджини».

— Замётано.

Перед тем как мы приступили к осуществлению задуманного, Марина несколько раз спросила, хорошо ли я подумала.

— Ты хоть представляешь, как они разозлятся?

— Конечно, представляю, — хмыкнула я. — В том-то весь и смысл. Нет, я, конечно, понимаю, что у господина Жуковского мания величия. В чем-то она даже обоснована, ведь он действительно один из самых влиятельных продюсеров Петербурга. Но это не значит, что он вправе решать, за кого мне выходить замуж. Да, он мой начальник. И вправе отдавать приказы. Но только по тем вопросам, которые касаются работы. Мужа я себе выберу сама.

— Или уже выбрала, — улыбнулась подруга, перемешивая соус, который впервые готовила сегодня по очень сложному рецепту.

— Если ты про Сашу, то он женат.

— Да. Но жизнь очень длинная, и кто с кем в итоге останется — неизвестно.

Я рассеяно погладила пушистую шерстку Сержа и постаралась представить, где сейчас Саша. С тех пор, как мы попрощались в здании аэровокзала, мой Джеймс Бонд так и не позвонил ни разу. Но я все равно не считала себя свободной девушкой. И даже не сомневалась, что он на задании, и у него просто нет возможности связаться со мной. В конце концов, каждый сам решает, во что ему верить. И я свой выбор сделала.

А если Жуковский считает себя вправе управлять чужими судьбами, значит, надо его проучить. Кем он считает меня? Беспринципной девицей, готовой на все ради карьеры? Амбициозной особой, мечтающей во что бы то ни стало стать членом их привилегированной семейки? Ну так пусть увидит, что у меня есть ухажеры и покруче Левушки.

В понедельник вечером для нашего спектакля все было готово. Это был обычный скучноватый рабочий вечер. Мы лениво корпели над очередной порцией сюжетов о сельском хозяйстве. Мы почти уже закончили. Оставалось сделать титры. Впрочем, с этим режиссер вполне справится и сам. Я украдкой взглянула на часы. Вот сейчас... И точно. Через десять секунд в монтажку влетел Городнюк с круглыми глазами.

— Вы когда-нибудь видели «Ламборджини»? Нет? Хотите посмотреть? Тогда бегите скорее во двор!

Мы, разумеется, знали сюжет и устремились вслед за ним. Кто же спорит с начальником, особенно если он вместо рутинной работы предлагает поглазеть на диковинный автомобиль?

Здание студии представляло собой небольшой коттедж. Большинство сотрудников — люди не слишком обеспеченные. Машин на стоянке обычно не больше семи. Причём три из них — служебные. Эффект от появления здесь жёлтого «Ламборджини» превзошёл даже самые смелые наши ожидания.

Мои коллеги просто бросили работу и побежали смотреть на невероятно дорогое транспортное средство. Я дождалась, пока на крыльцо выйдут все, включая Левушку и его маму. Я очень надеялась, что шеф тоже выйдет, но он гордо остался сидеть в кабинете. Ну и пусть, всё равно ему расскажут.

Мои подозрения подтвердились: на балкон кабинета Жуковского тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, вышла Наташа. Как всегда, в элегантном деловом костюме. На этот раз бледно-лилового цвета с шифоновым шарфом. Она спокойно выдержала мой взгляд,

сохранив при этом достоинство.

Я вышла на крыльцо. Воропаев выпрыгнул из машины. Он был хорош как никогда — дорогие джинсы обтягивали стройные ноги и бёдра. Укороченная куртка из белой кожи подчёркивала широкие плечи. Красавец-миллионер, да и только. И тут я услышала сзади цокот каблуков.

Всё ясно. Босс сам не пришёл, но прислал Наталью.

Она направилась прямо к Даниле.

— Добрый день! Вы к нам по какому вопросу? Рекламная компания?

— Что вы, я просто встречаю с работы свою девушку. Хотя не исключено, что однажды мы обсудим и вопрос рекламы.

Я подошла и встала рядом с ним.

Наташка явно была поражена больше всех присутствующих.

— А ты... все дела на работе закончила?

Вот надо же, не упустила случая принизить меня перед «женихом», показать, что она здесь начальник.

— Ну конечно. Пшеницу перебрала и всё такое. Могу теперь отправиться на бал?

— Ну езжай, — сказала Андреевская и как-то нехорошо улыбнулась.

Я села в жёлтый «Ламборджини» и уехала.

А на следующий день мне позвонила Наташа и торжественно сообщила, что я уволена.

Прошло три месяца.

Наташка вышла замуж за Жуковского и поселилась в его четырёхэтажном замке. Я узнала об этом из газет. Выходит, она лукавила, говоря, что их с шефом связывают исключительно деловые отношения. Что-то не верю я во внезапно вспыхнувшую страсть.

Андрей Игоревич не просто уволил меня. Он обзвонил все телевизионные редакции Петербурга и попросил, чтобы меня не брали на работу. Его, представьте, послушали. Я провалила шпук пять собеседований и несколько тестовых заданий, пока одна несостоявшаяся работодательница наконец не сжалилась надо мной и не объяснила, в чем дело.

— Я думаю, что пытаться бессмысленно. У вас есть все, что нужно хорошему журналисту, но он просто не даст вам устроиться на работу. Питер вовсе не такой большой, как кажется, и все телевизионные редакции так или иначе связаны друг с другом.

— Что же мне делать? — растерянно спросила я.

— Думаю, у вас три варианта, — сказала сердобольная редакторша. — Сменить сферу деятельности, переехать в другой город или родить ребенка — к тому моменту, как выйдете из декрета, может, он и забудет про вас.

— Особенно если я возьму фамилию мужа и перекрашусь в блондинку, — грустно усмехнулась я.

— Это не помешает, — кивнула редактор.

Я поблагодарила ее за откровенность и отправилась восвояси.

Другого выхода не было, и я вернулась на работу в «Тачку». Оказывается, если не путать личное с профессиональным, Воропаев неплохой шеф и отличный главный редактор. Он любит повторять, что не мог позволить себе отпустить такого замечательного автора.

Иногда, когда мы обсуждаем очередную статью, я замечаю, что он смотрит на меня с мужским интересом. Но потом вдруг будто одергивает себя и снова переходит на дружеский тон. Я рада, что после всего, что произошло между нами, мы все же сумели стать друзьями. И я вовсе не жалею о том, что не стала, как мечтала, девушкой Данилы Воропаева. Ведь теперь у меня есть Саша.

Где-то глубоко в душе продолжаю мечтать о карьере ведущей, но пока рада стабильной творческой работе. Сейчас главное — дождаться Сашиного приезда. Он несколько раз звонил мне, и все время с разных номеров.

А вот мечта Марины всё-таки сбылась. Она наконец оставила должность секретарши и устроилась по специальности — в музей. Этнографический. Младшим научным сотрудником. Зарплата там, разумеется, — слёзы, но подруга счастлива. Вечерами она подолгу рассказывает мне о новых выставках и экспонатах. А я не устаю удивляться энтузиазму Марины и ее коллег.

Де Журфак, похоже, влюбился в соседскую кошку и теперь часами пропадает на балконе.

Мы по-прежнему живём втроём в нашей хрущёвке.

Сегодня первое июня. В Питере, как обычно, дождь. На мне ослепительно-белый плащ и такие же босоножки. И я стою посреди терминала Пулково с замирающим сердцем.

Ну вот, наконец... Мой зеленоглазый полковник в штатском. Он больше не хромает.

Саша видит меня, и его глаза загораются неподдельной радостью.

— Ты надолго?

Он грустно качает головой.

— Мне надо с тобой поговорить.

— Дома поговорим!

Я беру такси, и всю дорогу до дома мы целуемся на заднем сидении.

Он хочет что-то сказать мне, но я вовсе не хочу ничего слушать. Я хочу только одного — чтобы он продолжал целовать меня. Чтобы он не останавливался.

Маришка по такому случаю отправилась ночевать к коллеге по музею.

— Я должен сказать тебе одну очень важную вещь... — говорит Саша.

— Тсс... утром. Утром я обещаю тебя выслушать.

Мы вместе принимаем пенную ванну при свечах. Прежде я видела подобное только в фильмах и сериалах. И вот теперь я понимаю киношных героинь. Оказывается, если налить горячей, но не обжигающей воды, взбить душистую пену, выключить свет и зажечь по углам свечи, можно преобразить даже самую убогую ванную комнату. Даже такую, как в нашей с Мариной съемной халупе.

Этот вечер я буду помнить всю жизнь. Но хватит ли вечера, чтобы насытиться друг другом?

Я чувствовала себя спокойной, свободной и раскованной. Абсолютно уверенной в любви своего мужчины. Прошлого и будущего не существовало. Только здесь и сейчас. Счастье рядом. В этом робком огне свечей, в тихом шепоте, в этом сплетении тел.

Как же я могла жить без него так долго? Сейчас это казалось нереальным и неестественным. Я знала твердо, что этот мужчина — мой. Я хотела принадлежать ему и владеть им. Пока нас не разлучит смерть или что-то в этом духе.

Мы долго не хотели вылезать из ванной но, когда вода наконец остыла, Саша бережно завернул меня в полотенце и на руках отнес в комнату.

Там мы любили друг друга ночь напролет.

А утром за кофе он вдруг сказал:

— Я люблю тебя. Я ждал тебя всю жизнь. Но встретил, к сожалению, слишком поздно. Если бы только жизнь сложилось иначе... Да я бы... Я бы все для тебя сделал.

— Ну так сделай, кто мешает. У нас вся жизнь впереди!

Я мазала клубничный джем на свежеподжаренный тост. И была совершенно счастлива.

И тут он как-то странно на меня посмотрел. Так странно, что я почти догадалась.

— Что ты хочешь этим сказать? — в душу закрадывается страх, кухня плывет перед глазами. Какое-то дежавю. Я вспоминаю совсем другую кухню в стиле хай-тек и как Данила заявил, что он не создан для серьезных отношений.

— Все эти месяцы я жил только мыслью о встрече с тобой. Я бы очень хотел на тебе жениться. Честно говоря, я планировал сделать тебе предложение сразу, как прилечу, но... Выяснилось, что Таня серьезно больна. Цирроз печени. Я не могу с ней сейчас так поступить. Все же она — мать моего сына.

— А я — просто временная любовница.

— Не говори так! Нам нужно просто набраться терпения...

— Ну уж нет! — я вскочила со стула. — Ты хотел мне напомнить о том, что женат? Я об этом помню. Вот и иди к своей жене! Я не хочу жить в ожидании, что когда-нибудь она сама от тебя сбежит. Потому что, знаешь, она не сбежит. Ей так удобно. Ты дома раз в полгода

появляешься, но полностью ее содержишь. Идеальный муж! Зачем такого бросать?

— У нас сын...

— И об этом я, представь себе, помню. У вас сын. И поэтому, знаешь... лучше обо всем забыть. Ну закрутили роман, и будет. Сказка. Счастливое воспоминание. Давай расстанемся сейчас.

— Ты серьезно?

Я всхлипнула.

— Вполне. Ты ведь и сам знаешь, что это — единственный приемлемый выход. Мы оба знали с самого начала. Просто не признавались себе. Я не жалею. Но если расстанемся позже, мне... мне будет очень больно. Я поняла это сегодня ночью. Ты не виноват. Я взрослый человек и должна отвечать за свои поступки. Ты должен уйти, обязан. Так уходи. Только, пожалуйста, сейчас.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Это правильно. Но... еще чуть-чуть, и я уже не смогу тебя отпустить. Мы и так зашли слишком далеко. Заигрались.

На него было жалко смотреть. Он молча вышел в коридор и взял куртку с вешалки.

Через мгновение хлопнула дверь.

Теперь уж точно — все.

Я подошла к окну. За ним шел привычный питерский дождик. Я снова банкрот. У меня опять ничего не осталось.

Кроме, может быть, мечты. Ведь я наступила на горло своей мечте, прождав его здесь три месяца. Я нажила себе врага в лице самого влиятельного петербургского продюсера. Я потеряла Наташку. Теперь, когда я звоню, она даже не берет трубку.

Не стану врать — я понимала, что рискую очень многим. По большому счету, даже не будь в моей жизни Саши, я не смогла бы поступить иначе. Нет, не могу себя представить женой Левушки Жуковского.

Но что мне делать теперь со своей жизнью? Так и работать в «Тачке»? Но этот журнал — воплощенная мечта Дани Воропаева. А вовсе не моя.

Похоже, я уперлась в тупик. И мне остается либо довольствоваться тем, что имею, либо взорвать к чертям эту глухую стену. И, может быть, грохот взрыва немного приглушит мою боль.

Я должна сделать карьеру. Во что бы то ни стало. Чтобы однажды он увидел меня по телевизору. Красивую. Стильную. И счастливую.

Решено. Я уезжаю из Питера. Я еду в Москву.

Глава 23

Пожалуй, у каждого в жизни бывают периоды, когда все мысли об одном — сжечь мосты. Сжечь дотла, чтобы ничего не осталось. Ни щепки. И камень с души и всё такое.

Или нет, не жечь? Мосты ещё успеют пригодиться. А камень? Так ведь своя ноша не тянет. А вдруг без него в душе пусто станет.

И ты попал. Потому что нажил себе самого беспощадного врага на свете — себя самого. Ведь только ты знаешь все свои слабости и болевые точки. Каждый выступ и трещинку на камне. И только ты можешь прикоснуться горящим факелом к доскам. А можешь выбросить его в воду. Без моста страшно, он тебе нужен. Чтобы оглядываться и знать, что вернуться можно. Путь назад есть. А иногда можно возвращаться сидеть на краю обрыва, свесив ножки, и вспоминать, как же тебе было хорошо на той стороне.

На самом деле, если бы ты был с собой честен, то вспомнил бы, что так было не всегда, иначе что же тебя толкнуло на этот хлипкий мостик. Ты же десять раз мог погибнуть, перебираясь с того на этот берег.

Иногда, когда ты в сотый раз будешь сидеть вечером над этим обрывом рядом с Твоим Мостом, и ледяные капли дождя будут капать тебе за шиворот, тебе вдруг померещится на том берегу чья-нибудь тень. И ты, конечно, решишь, что это Та Самая Тень. И сердце заночует.

Ты думаешь, что можешь встать и уйти. Но ты не можешь. Потому что Тень в твоей жизни — главное. Ведь там не просто берег. Там она.

И ты будешь сюда возвращаться. Долго сидеть рядом с Твоим Мостом, глядя на горящий факел, а потом швырять его в воду. И будет тебе в тысячу раз хуже, чем тогда на мосту, когда опасность была смертельной.

И от сырых дождей мост станет совсем хлипким. И ты поймёшь, что даже захотев, не сможешь вернуться — он не выдержит. Но на том берегу по-прежнему живёт Та Самая Тень. Правда, ты видишь её реже. Но сердце щемит также. И кажется, что если от сильного ветра мост рухнет, ты умрёшь от горя.

Но знаешь... Скорее всего, ты не умрёшь. Потому что однажды (возможно, через много лет после того, как впервые взял в руки факел) ты поймёшь, что дело совсем не в нём. Что Мост не причём. А Тень... Может, её и нет вовсе. Может, это просто игра твоего воображения. Всё дело в той войне, которую ты сам себе объявил.

И тогда ты простишь себя за всё.

Поймёшь, что на самом деле ты очень хороший.

Свой самый лучший друг.

И снова станешь счастливым.

Решение о переезде казалось единственным выходом. Если я хочу остаться в профессии, надо уезжать. Здесь бывший шеф и несостоявшийся родственник не даст мне спокойно жить.

В последние дни я много гуляла. Как будто хотела напоследок надышаться любимым городом.

Прощай, Питер! Я никогда тебя не забуду. В моем сердце навсегда останется шумный Невский, полный смешных иностранцев и величественных зданий. Запах свежесваренного кофе из твоих многочисленных кофеен. Я буду помнить вкус пирожных буше из знаменитой кондитерской «Север» и дождь на Сенной площади, прогулки по стене Петропавловской крепости с видом на Зимний дворец, аквабайки у берегов Крестовского острова, уютные

аудитории журфака и, конечно, нашу общагу на Кораблестроителей!

Когда мне будет плохо, невыносимо трудно в столице, я буду возвращаться и бродить по твоим крышам, Питер, как маленький черный котенок. А плохо и трудно обязательно будет, ведь путь наверх всегда тернист.

Москва для меня была почти так же далека, как Нью-Йорк. Огромный, чужой мегаполис. Что ждет меня там? Удастся ли сразу найти работу? А если нет? Чем платить за съемную квартиру? Даст ли шанс большой город, или придется всю жизнь работать корреспондентом на какой-нибудь окружной студии?

Мой секрет был прост: когда нечего терять, легко быть смелой.

Маришка ни в какую не хотела отпускать меня в Москву одну. И я предложила ей отправиться покорять столицу вместе. После некоторых колебаний подруга согласилась.

— Я не верю, что я на это решилась, — призналась она. — Наверное, этот переезд — самый безумный поступок в моей жизни. Но как остаться здесь одной, без тебя, я, честно говоря, тоже не представляю.

— Что же ты будешь делать, когда выйдешь замуж? — рассмеялась я. В последнее время я мало смеялась, но тут меня пробрало.

— Не знаю. Но, может, нам удастся охмурить холостых близнецов, и мы продолжим жить вместе?

Я вздохнула. Даже эта невинная шутка напомнила мне о Саше и о том, что он женат. После долгих размышлений я заставила себя признать, что все в прошлом. Что у наших отношений, в общем-то, изначально не было перспектив. Но душа все еще болела так, что если бы можно было наложить на нее гипс, я бы без колебаний сделала это.

Перед тем как уехать из Питера, мы, конечно, зашли попрощаться с нашей общагой. Лешка-гитарист, парень, который нас когда-то познакомил, все еще жил здесь. Он учился в аспирантуре и встречался с первокурсницей.

Есть только одно место у залива, где можно безнаказанно пить пиво в четверг утром, не натываясь на осуждение окружающих. Балкон тринадцатого этажа в общаге на Кораблях. А если замёрзнешь, то ключи в синей шапке на верхней полке. Тебе и открывашку дадут, и концерт рок-музыки устроят: «Счастье есть, счастье здесь, счастье не может не пить... Я предлагаю налить». Вот только на крышу теперь не пролезешь — поперёк нашей дырки приварили несгибаемый стальной прут, чтоб неповадно было. Странно: каждый из здесь живущих мечтает поскорее уехать. Но каждый будет безумно скучать. Точно знаю.

Ну вот и все. Мы выходим из железнодорожных касс на Невском. У Марины в руках два билета в один конец. Москва, мы к тебе едем!

Напоследок мы решили шикануть и взяли билеты на знаменитую «Красную стрелу». Любимый город был верен себе. Он провожал нас проливным дождем.

— Хотелось бы когда-нибудь вернуться сюда насовсем, — вздохнула я, устраиваясь у окна и глядя на сползающие по стеклу капли.

В купе заглянул проводник, больше похожий на швейцара дорогого отеля в парадной ливрее. Маришка заказала нам чаю. И только когда мы хлебнули по глотку обжигающего напитка из традиционных граненых стаканов, решила ответить на мой вопрос.

— Не обманывай себя, Ася. Ты никогда не вернешься. И в глубине души сама это знаешь. Ты не отступишь, пока не осуществишь свою мечту. Как бы трудно не было. Такой уж у тебя характер.

Я вздохнула и провела ладонью по залитому дождем стеклу. За ним, расплывчатый,

словно на акварельном наброске, плыл перрон с провожающими. Некоторые плакали и махали вслед поезду.

Нас никто не провожал. С друзьями и однокурсниками мы простились еще во время последнего посещения общаги. Вещей за пять с лишним лет нажили на удивление немного. Весь свой багаж сумели доставить на вокзал и погрузить в купе без посторонней помощи.

В Москве нас тоже никто не ждал. Это было похоже на свободный полет. Эдакое путешествие по жизни без мужей, детей, дома. Ничего из этого списка у нас с подругой пока, увы, не было. Но именно этот факт позволял путешествовать налегке.

А де Журфак прекрасно чувствовал себя в купленной по случаю переноске. В поезде он ехал легально — перед отъездом мы оформили Сержу ветеринарный паспорт и сделали все необходимые прививки.

— Через восемь часов начнется новая жизнь, — уверенно сказала подруга.

Так оно и случилось.

Утром мы оставили вещи в камере хранения на вокзале и отправились на встречу с риэлтором. Нам необходимо было срочно, желательно до ночи, найти жилье. Дешевое, но уютное и безопасное.

Если учесть, что денег хватало лишь на аренду жилплощади в самых отдаленных районах, за день мы изъездили столицу вдоль и поперек.

Риэлтора это, похоже, не раздражало. Напротив, ей было с нами весело. Звали тетку Анфиса Сергеевна, к сорока трем годам она осталась почти без зубов, но зато не растеряла оптимизма и жизнестойкости. К тому же, новая знакомая училась на курсах телевизионных режиссеров, осваивая по вечерам новую профессию.

Она сразу объяснила нам с Маришкой, что с нашими финансами снять можно только комнату на окраине. И теперь мы старались выбрать соседей попримечнее. Тех, кто хоть немного походил на алкоголиков и наркоманов, отметали сразу. Дело близилось к ночи.

— Если так дальше пойдет, ночевать придется на Ленинградском вокзале, — вздохнула Маришка.

— Москва большая, что-нибудь найдем! — уверила ее Анфиса Сергеевна.

Комната нашла в половине одиннадцатого, когда ночевка на вокзале казалась уже практически неизбежной. В трех остановках трамвая от метро «Планерная», в полуразвалившейся хрущевке, в проходной комнате жили довольно милые бабушка с дедушкой и смешной болонкой. Крошечную запроходную комнату они сдавали. Едва увидев чистую комнатку с двумя кроватями и шкафом, мы в один голос закричали, что нам все подходит и мы никуда отсюда не пойдём.

Тут же внесли залог, плату за первый месяц и расплатились с риэлтором.

— Надеюсь когда-нибудь встретиться с вами в «Останкино», Асенька! — сказала она мне на прощание.

— Надеюсь, так и будет!

В честь знакомства хозяйка квартиры накормила нас куриными котлетами и пюре.

Засыпая, я думала, что жизнь, похоже, налаживается.

Большой город манил и интриговал своей неизведанностью. Я будто вырвалась из тисков. Я уехала из города, где обозленный Жуковский твердил всем и каждому, что моя карьера кончена. Все впереди. Все только начинается. И... теперь мне уж точно некогда будет вспоминать о моем ненаглядном контрразведчике. Прощай, мой дорогой Джеймс Бонд. Ты остался в далеком прошлом. В конце концов, ты сам так захотел.

Позже я узнала, что многие профессионалы, отправляясь покорять Москву, на самом деле бежали от несчастной любви.

На новом месте первое время все казалось непривычным. Дни проходили в поисках работы. Как ни странно, Маришка нашла новое место даже быстрее, чем я. Она устроилась экскурсоводом в картинную галерею.

— В Питере я два года работала секретаршей, пока ждала место. А тут просто пришла, и мне сразу предложили и должность, и зарплату. Может, все к лучшему, Ася?

— Очень надеюсь на это, — сдержанно отвечала я.

То, что у Марины есть работа — уже полдела. Хотя за комнату сможем заплатить в следующем месяце.

Я разослала свое резюме по всем центральным каналам. Надо сказать, немецкий проект в купе с рекомендациями Хенри сильно его украшал. Я мечтала устроиться на работу в «Останкино». В нашей стране тысячи телепрограмм, сотни телеканалов разных рангов и мастей, десятки факультетов журналистики и только одна Останкинская башня. И мне, представьте, очень хочется быть к ней поближе.

Академика Королева, 12. Когда-то, маленькой девочкой, я писала сюда письмо — на передачу «Спокойной ночи, малыши». Для Хрюши и Каркуши. Папа сказал тогда, что отправил. Интересно, отправил или нет? И неужели теперь это будет мой рабочий адрес.

И вот мне наконец-то оттуда позвонили.

От метро «ВДНХ» на монорельсовой электричке, через главный подъезд — тот, что с флагами, я попала в закрытый город, где никогда прежде не бывала и куда летает в своих волшебных снах абсолютно каждый телевизионщик. Подавив на корню желание начать путешествие с латте в знаменитом кафе на площади, отправилась прямо по привокзальному проспекту. Меня предупреждали, что дорогу здесь спрашивать не стоит. Ну ещё бы — все бегут куда-то, стопки кассет в руках, ворохи бумаг — монтажные листы, сценарии, закадровые тексты. Минута до эфира, полминуты, двадцать секунд... А тут я — ещё одна молоденькая и хорошенькая девочка с наивным вопросом: «Как пройти?».

На дороге попадается рекламный стенд. Скоро откроется новая бильярдная (между прочим, не лишним было бы нарисовать схему проезда, точнее — прохода). Так, нужно выбрать направление. Направо, что ли? По крайней мере, цифры на дверях намекают на это. Стоматологическая поликлиника «Теледент» (лечат зубы без отрыва от производства), чуть дальше — отделение банка. Кофе, бильярд, банк и стоматолог — жить можно.

До встречи остаётся четыре минуты, а расстояние до нужного мне кабинета колеблется от ста до ста двадцати дверей. Решаю спросить дорогу. Девочки-мальчики в рваных джинсах, тётеньки с высокими причёсками и обаятельные мужчины в костюмах бросаются на помощь неожиданно охотно. Долго крутят сначала головой, потом руками, потом, наконец, бессильно вздыхают и улыбаются. Как пройти, не знает никто. Каждый помнит, где родная монтажка НТВ или корреспондентская ТВЗ, а интересоваться другими каналами просто не хватает времени. Как в центре Москвы.

Осталась минута. Делать нечего. Начинаю мыслить логически (неженскую логику я всегда включаю отдельно). После чего бросаюсь в совершенно безлюдный коридор. Спринтом на каблуках здесь никого не удивишь. Натыкаюсь на гостей из бывших советских республик в симпатичных зелёных комбинезонах. Ясно, тут строят новый район (пожив в Кожухово, я успела проникнуться к этим ребятам чуть ли не родственными чувствами). Быстро находим общий язык.

И... вот она, нужная дверь. Эх, рассказал бы мне кто-нибудь лет пять назад...

Через полтора часа я, уставшая и довольная, пью латте на привокзальной площади. Город мне определённо нравится. Обязательно приеду ещё.

Та первая работа мне, к сожалению, не подошла. Все начиналось феерически: редактор узнал меня — он помнил громкое дело о торговле людьми на Дальнем Востоке и мои эксклюзивные репортажи на эту тему. Но все, что он мог мне предложить, — это снимать сюжеты на гонорарной основе. Я скрепя сердце вынуждена была отказаться — за квартиру нужно платить каждый месяц, а не по факту выхода в эфир.

В конце концов, мне пришлось согласиться на вакансию корреспондента городского канала. Программа была посвящена борьбе с наркотиками и выходила в эфир по субботам в восемь утра. Но мне, честно говоря, было плевать на подробности. Главное, я снова работала на телевидении. В кадре.

Единственный значительный минус — редакция находилась не в «Останкино». Но лиха беда начало!

А еще у меня появился новый друг. Олег Дворнягин. Специальный корреспондент нетрадиционной ориентации. Маришке он тоже пришелся по душе, потому что, как и многие геи, неплохо разобрался в искусстве.

Мы частенько проводили вечера втроем, как три подружки.

— Служба спасения предупреждает: купание в нетрезвом виде опасно для вашего здоровья, — прогремела я в мегафон.

Потом опустила его и продолжила, глядя в камеру:

— Такие предупреждения спасатели делают каждый час, но несчастных случаев меньше не становится. Основное правило пляжного отдыха звучит просто: «Выпил — не лезь в воду».

Это была идея шеф-редактора — снять меня в лодке посередине озера в роли спасателя.

Вот уже месяц я корреспондент городского канала.

Снято. Оператор Дима выключил камеру, взялся за вёсла и погрёб к берегу. Вода тихо плескалась о борт. Солнце щедро делилось с ней искорками. Пронзительными и сверкающими. Хорошо...

Мы с Дворнягиным одни из немногих продолжали трудиться несмотря на жару.

Летом телевизионщики дружно уходят в отпуск. Зрители не всегда это замечают — по телевизору всё так же идут специальные репортажи и ток-шоу всё с теми же бравыми корреспондентами и гламурными ведущими. Никто и не догадывается, что в это время brave корреспонденты нежатся под лучами марокканского (ну или египетского, или турецкого) солнышка. Если, конечно, отпуск у них оплачиваемый. Ну или пьют парное молоко у бабушки в деревне — если не оплачиваемый. Набираются сил, в общем. Покупают к 1 сентября новые пиджаки, портфели и — в школу. В «Останкино», то есть.

Я решила остаться и найти новую работу. В «Останкино». Работу с пропуском в телецентр. Дворнягин говорил, что все дороги ведут в «Макс». «Макс» — главная останкинская телекафешка. Там назначают собеседования и свидания, отмечают возвращение из командировок и новые проекты. Там, как в Риме, сходятся все пути. Стратегический объект, как говорит мой папа.

И я по нему страшно скучала. Я мечтала ежедневно перед работой пить там кофе, небрежно глядя на спешащие на выезд съемочные группы центральных каналов и привычно не замечая знаменитостей за соседними столиками. Я мечтала жить среди этих небожителей и быть одной из них.

— По-моему, тебе не работа требуется, а пропуск в «Останкино», — заметил Олег.

— Это вопрос жизни и смерти.

Представьте, на дружищу Дворнягина эта киношная фраза подействовала. Он завязал волосы в хвостик, нацепил очки и отправился в Лужники. На рынок. Там трудится давний его приятель, способный подделать любой документ (интересно, а Олежкин диплом о высшем образовании настоящий?). Но начальник службы безопасности телецентра может спать спокойно. Пропуск в «Останкино» лужниковскому «левше» оказался не по зубам.

Марина говорила, что я сошла с ума. И свою страсть к объекту одушевленному (к Саше, то есть) перенесла на объект неодушевленный.

— Разница в том, что работу в телецентре ты в конце концов получишь. И без всяких поддельных пропусков. С твоим упорством по-другому просто не может быть.

— Почему же мое упорство не помогло получить Сашу? — я все-таки спросила. Не удержалась.

— Потому что у тебя есть принципы. И у него есть принципы. Если бы вы захотели

быть вместе любой ценой, вы бы были. Вот только это были бы уже не вы.

— Ладно, — я заставила себя прекратить этот разговор. Еще немного, и снова начну о нем думать. А сейчас никак нельзя снова впасть в депрессию. Силы нужны мне для работы. — Он сделал свой выбор. И я желаю ему счастья.

Маришка молча кивнула, ведь что же тут скажешь?

Подходящих вакансий долго не попадалась, только временные проекты. Стабильного заработка в телецентре мне пока никто не обещал. Не хватало опыта работы на федеральных каналах. Ну ничего, через пару лет Королева 12 станет для меня вторым домом. Во что бы то ни стало!

— Я найду работу со свободным графиком и просто буду вдвое больше пахать, — пошла я на компромисс.

И вот, когда я уже почти потеряла надежду...

«Редактор ток-шоу» — так называлась вакансия со свободным графиком. А ещё предлагали зарплату в два с половиной раза больше моей. Ну, пусть будет редактор.

«Главная цель журналистики — делать жизнь людей лучше и интереснее» — учили меня когда-то давно (семь лет назад в Школе юного журналиста при газете «Радуга» в Доме детского творчества Калининграда — это если быть точной).

Ну, с наркоманией мы боремся, значит, теперь возьмёмся за то, чтобы людям интереснее было телек смотреть. За ток-шоу, ага.

Программа «Всё решаем» нравилась мне давно. Прежде всего, своей ведущей. Известная журналистка Арина Винтовкина сама шоу придумала и сама, вместе со звёздным жюри, решала проблемы своих гостей.

Например: «Жить Вове Щеглову с родителями или снимать квартиру?» — тема передачи. Разгорается спор. На сцене появляется Вовина девушка, Маша, которая давно за Вову подумала и решила, что им надо жить вместе. То есть им с Вовой вместе, а от родителей отдельно. Квартиру надо снимать, в общем. Желательно поближе к Кремлю, ага. Женская половина жюри встаёт на сторону девушки. И тут появляется мама Вовы. Её-то он тут не ждал. На телевизионном жаргоне мама — это «кролик». Как фокусник из шляпы достаёт за уши этого трясущегося зверька, так и Арина Винтовкина извлекает из закулисья своего шоу Вовину маму, глотающую на бегу валокордин. Мама разбивает одним ударом наманикюренной руки всю стратегию женской аудитории. Она объясняет, что Вова третий месяц не получает зарплату на своём шарикоподшипниковом заводе и живёт за их с отцом счёт. Поэтому на какие шиши он собрался квартиру снимать, непонятно вообще. А девица эта, Маша, вообще проститутка. И с папой Вовиным спит. И деньги ворует...

Снято! Всем спасибо!

Занавес. Рейтинги.

Вопрос: кто уговорил Вову Щеглова прийти с этим животрепещущим вопросом на программу? Кто посадил в шляпу, то есть за кулисы, маму-«кролика», договорившись с ней в обход Вовы? Точно, редакторы. Вот одним из них мне и предстояло стать.

— Я жду Вас в «Максе» в два часа, — сказала мне Арина по телефону. — Помашите рукой, и я к вам подойду.

— У меня нет пропуска, — пожаловалась я.

— Даже так???

Многие телевизионные начальники воспринимают пропуск в «Останкино» как документ, подтверждающий принадлежность к телекасте. Возможно, это снобизм. Но

сейчас для меня пропуск значит даже больше. Так что я не обиделась.

— Ну попросите, пусть вам на один раз кто-нибудь сделает, — предлагает Арина. Проверка на наличие связей.

— Друзья все в отпуске.

Это было правдой. Арина вздохнула. Подумала.

— Ладно, тогда в два часа в «Твин Пигсе».

Видимо, ей всё-таки понравилось моё резюме. А может, она ещё помнит те времена, когда пропуск в «Останкино» был для неё счастливым билетиком. Билетиком в счастье. Мечтой.

Я пришла первая и выбрала открытую террасу. Лето всё-таки. Прямо у ног телебашни. А вот и она. Арина. Меньше меня ростом, худенькая и изящная, как девочка. Лимонно-жёлтое платье, оранжевые нарощенные ногти, тонкие сигареты. Рыжие волосы и огромные карие глаза. Хороша. Даже очень хороша. Даже лучше, чем на экране.

Арина заказала нам кофе. Я рассказывала ей про свои приключения в дальневосточной тайге. Она — про то, как изображала ночную бабочку, чтобы снять репортаж для «Чистосердечного признания». Умна, профессиональна и при этом очень женственна. Я представила её лет семь назад. НТВ, журналистские расследования. Девочка, жившая в «Останкино» и в командировках. Своя. Говорят, с НТВ её уволила самая главная начальница. Лично. Арина говорит, что до сих пор не знает, за что. Лукавит. За что, интересно?

— Вы телевизионный человек, Настя. Думающий. Образованный. Я очень хочу, чтобы вы у нас работали. Меня смущает только одно...

— Что?

Она серьёзно посмотрела на меня. Затянулась.

— Мне кажется, вы хороший человек.

Ну да, а для жёлтой программы это недостаток.

— Иногда нам приходится обманывать людей... Не то что обманывать, — тут же поправилась Арина. — А лукавить. Вы сможете? Вы сможете впаривать наивным тёткам, мечтающим похудеть, «Гербалайф»?

«Гербалайфа» бояться — в бизнес не ходить. «Кроликов» бояться — не работать на ток-шоу.

Я согласилась.

Нас уволят.

Всех.

Шеф-редакторов, старших редакторов, просто редакторов, младших редакторов.

Потому что наш проект существует уже три дня, и мы уже третий день играем. В нарды. А ещё нам очень нравится игра «Бумажки». Это знаете как? Пишешь на бумажке какого-нибудь известного персонажа, клеишь на лоб соседу слева (главное, чтобы он не видел, что ты там навалял), сосед справа клеит бумажку тебе, а потом вы по очереди задаёте вопросы окружающим о своём персонаже.

— Я мужчина?

— Я в каком веке жил?

— Я вообще жил?

— Я человек, блин, вообще?

Хитом стал вопрос: «Я икона, мне молились?».

А завтра мы пойдём на экскурсию в Шереметевский дворец.

В общем, нам крышка.

А в остальном конец августа был просто прекрасен. Мы бродили по крыше нашего собственного импровизированного «пентхауса» в АСК-3, любовались на пруд и башню.

— Пройдёмся до края крыши, — предложил Кириллов таким тоном, будто мы гуляли минимум по «Бeverли хиллз». — Наша башня, конечно, красивая, я её люблю. Но вот Эйфелева... Когда я был в Париже...

М-да, граф Шереметев отдыхает. Как будто это не Кириллов летом сначала сидел без работы, а потом впахивал ассистентом режиссёра на какой-то левой студии, а потом умолял взять его на должность младшего редактора.

Играли в основном у нас в комнате. Ведь нашему шефу, Антону Воронину, на работу было вообще наплевать. Зато он оказался директором школы соблазнения. Учит за бешеные деньги мальчиков, как уговорить женщину в день знакомства заняться сексом в арбатском дворике. В общем, после первого мастер-класса свободных мест в нашем кабинете не осталось даже на подоконнике. Тётки в основном интересовались, как противостоять. Антон им объяснял, что противостоять его ученикам невозможно. Мы уже почти перешли к практическим занятиям, как вдруг на нас свалились темы.

И даты съёмок на нас свалились.

Через неделю.

Бух, в общем.

А через пятнадцать минут Антону требовалось нести руководству вёрстки.

Ну я ему распечатала вёрстки. Те, что написала левой ногой, с приклеенной на лбу бумажкой с надписью «Чапаев». Но я их, понимаете, не читала.

А как читать, если Антон про метод признаний вещает?

Ну и что.

Ну и что, у других и таких-то вёрсток не было.

— Твоя красноярская история всем очень понравилась. Она должна быть железно. Ты лучшая, — Антон сиял улыбкой обожравшегося кота.

— А-а... — интересно, что там хоть за история.

О господи...

«Машина с молодожёнами сбита восьмилетнюю девочку. Катя дошла до середины дороги и закричала. Навстречу на высокой скорости летел свадебный кортеж с молодоженами. Пронзительный вопль, грохот и шокирующая картина. На асфальте вся в крови лежит маленькая девочка в ярко-розовой куртке, над ней стоит, вся в белом, невеста. Водитель несколько метров протащил Катю на капоте машины. Потом ребенка отбросило на обочину. До кафе, где молодожены собирались отпраздновать свадьбу, оставалось доехать всего 15 метров. Пока к месту трагедии ехала скорая, несколько мужчин очевидцев решили учинить над водителем кортежа самосуд. Избили его так сильно, что он потерял сознание и упал без чувств недалеко от сбитого им же ребенка. Скорая увезла обоих. Сразу в реанимацию. Девочка умерла, не приходя в сознание».

— Ищи маму Кати, — велел Антон и снова полез в «Одноклассники». — делиться тайнами соблазнения ему теперь было не с кем — редакция «Участка» пахла с тем же рвением, с каким до этого играла в бумажки. Гудели трубки, мелькали пальцы над клавишами телефонов, слишком медленные компьютеры и интернет были многократно обруганы.

Ко мне ехала из Брянска Наталья Анатольевна, в которую муж стрелял из ружья (плюс соседка, которая прятала ножи).

Ко мне ехала Нина, которую муж выставлял в ночной рубашке на мороз из Барнаула (плюс вся её семья).

Ко мне ехала пожилая учительница, которую сбил сын чиновника.

Но маму Кати Дядюра найти не получалось. Я подняла на уши Красноярск. Я нарочно просыпалась в шесть и приезжала на работу к восьми (у нас разница во времени). Но всё, что мне удалось узнать — мама Кати съехала от полуживой матери к мужу в общежитие. Муж сильно пьёт, и они не расписаны. Мобильный телефон годичной давности, любезно предоставленный мне начальником пресс-службы ГИБДД Красноярского края, равнодушно сообщал, что он более не существует.

Ночью мне позвонила руководитель программы.

— Почему у нас до сих пор нет мамы Кати Дядюра?

— Я ищу... — пролепетала я. Высокое начальство общалось со мной впервые, и сказать ему было особенно нечего.

— Наталья Терещук её зовут! Ищи через адресный стол! Звони красноярским телевизионщикам!

— Я звонила.

— Никуда ты не звонила!

И так далее, и тому подобное.

— Завтра к обеду дай мне результат!

«Или что?», — я спрашивать не стала.

Антону было всё равно.

— Ты знаешь, если нас всех уволят, я не расстроюсь. Меня бывшая жена давно назад зовет. Да и у мамы пожить можно.

Везет. Меня, в отличие от Антона, содержать некому.

Утром (в шесть, конечно) я решила прибегнуть к запрещённому приёму. Запрещённому для нормальных людей. Для телевизионных редакторов запрещённых приёмов нет. Герои им нужны любой ценой. Единственным сносным оправданием может служить внезапная смерть

героя. Так было у редактора Оли Полуниной с одним из братьев Вайнеров. Через пятнадцать минут после разговора ей перезвонили и сообщили, что он умер. А то бы влетело ей...

Терещук, по моим данным, была жива.

Я позвонила начальнику отдела пропаганды ГИБДД Красноярского края Арсенику Егорову.

— Если вы нам не поможете, уволят всю нашу бригаду, — искренне поверив в это, вздохнула я. — Сейчас кризис, все программы позакрывались, работу мы просто не найдём... Помогите, пожалуйста.

В классическом варианте этот приём включает двоих маленьких детей и отсутствие мужа, но я решила, что жалость к хрупкой и беззащитной молоденькой девушке сработает лучше.

Арсений оказался настоящим мужчиной. Он бросил милицейские каналы (они не помогали) и стал на время частным сыщиком. Каждый час он подкидывал мне телефоны, которые все как один оказывались нерабочими.

К вечеру этого дня мы знали, что Наталья Терещук съехала в общежитие Аграрного университета, где живёт нелегально. На следующий день Арсений запланировал встречу с ректором, которого знает лично.

Но утром мы узнали, что Терещук работает в «Пятёрочке». Вот только следующий день её выхода на работу был следующим после дня съёмки программы.

— Программа послезавтра, — шёпотом сообщила я Арсенику.

Тогда он надел форму и отправился в «Пятёрочку» сам. «Я вас посажу за укрывательство человека!» — кричал он там (это мне потом Терещук рассказывала).

— Можете звонить, она ждёт, — устало сообщил Егоров.

— Я никуда не поеду! Оставьте меня в покое! Сколько можно... Дочка моя погибла...

Заведующая «Пятёрочки» вырывает трубку.

— Вы мне человека до инфаркта довели!

Короткие гудки.

Съёмки завтра.

— Я отправлю туда полковника юстиции, — обещает Арсений.

Время бежит. Редакция замолкла и ждёт от меня результата.

— Я уговорил её. Но есть одно условие, — сердце радостно запрыгало. Мы спасены.

— Какое?

— Она просит покормить её в Москве.

— Конечно! Да хоть в ресторане!

— Ну тогда заказывайте билеты. Мы летим.

— Да!!! Егоров везёт Терещук! — кричала я на всю редакцию. — Я... я его поцелую! Настоящий мужик!

Антон отвлёкся от «Одноклассников» и ревниво покосился на меня. Женя кричала со мной вместе.

— Интересно, сколько ему лет?

— Паспортные данные, — я щёлкнула мышкой, — тридцать два!

— Самый лучший возраст!

Настроение испортила координатор.

— Ася, а ты в курсе, что назад твои герои едут поездом?

Поезд Москва-Красноярск идёт трое суток.

— Как это? Им же обещали самолёт!

— Самолёт только туда. Потому что иначе они на эфир не успеют.

Ясно. А что будет с героями после эфира, всем всё равно.

— Ты им пока ничего не говори, — велел Антон. — Пусть прилетят, а до завтра выйдем Сенечке билет.

Но назавтра билета, конечно, не было. Я решила, что, если что, отдам ему свои деньги. Третью зарплаты. Всего-то.

Арсений Егоров оказался невысоким парнем в джинсах и кепке с этикеткой. С пронзительными чёрными глазами. Наталья Терещук — добродушной тёткой с выбеленными волосами и в поддельной дублёнке. Мы с ней моментально сдружились. До съёмки было ещё шесть часов.

— А где вы обычно обедаете? — спросил Арсений. Он чем-то неуловимо напоминал Сашу. Но, скорее всего, мне это просто показалось. Потому что я везде искала знакомые черты и порой даже находила — в прохожих или пассажирах метро. Хоть что-нибудь. Хоть крошечное сходство.

— Где обедаем? Ну, или в «Олимпе» — это вниз по лестнице, или в «Сосиске», — это столовая в том здании, — кивнула я в сторону АСК-3.

Не поняла вопроса. Отвыкла...

Арсений устремился к Антону.

— Я хочу пригласить вашу сотрудницу на обед.

Класс!!!

— Мы обычно обедаем все вместе, — заявил ему вредный Антон. — Если хотите, можете присоединиться.

Арсений немного помялся и уехал к другу по училищу на Рублёвку. Антон не упустил возможности съехидничать, что этот друг, должно быть, принимает экзамен на права.

Мы с Терещук пошли в «сосиску». Наш чай из пакетика и пирожки с грибами пришлись ей вполне по душе. Она рассказала мне про Катю, мужа-пьяницу, родителей и квартирантов. И я отвела её покурить во внутренний дворик.

— Ася, а как вам мой попутчик?

— Арсений? Он так мне помог...

Он сразу на вас глаз положил. Кстати, он мне ещё в самолёте сказал: «Я на грани развода».

— И что это за семейное положение такое? — пожалала я плечами. И позвонила Арсению.

— У вас всё в порядке?

— Конечно. Ася, скажите, а у меня будет возможность поужинать?

Ага. Только ужинать ты со мной не захочешь. Когда узнаешь про три дня в поезде. Ну почему у нас всё так? Даже рыцарей кидают...

Когда он узнал, он был в бешенстве. Он пообещал написать рапорт руководству. Рапорт на Первый канал. Он кричал, что у нас нет совести. Он отказался подписывать проездной документ.

Антон испарился. Он позвонил и сказал мне следующее: «Ты ему понравилась как женщина. Ты должна заплакать и уговорить его подписать. Иначе нас уволят. Потом пусть что хочет делает. Когда подпишет».

И я заплакала. Но это не подействовало.

Терещук, которую Сеня умолял приехать, умоляла его подписать. Он отказался.

«Ничего не сделаешь, Ася. Такой уж он принципиальный».

Он бежал вниз по лестнице. Я в слезах бежала за ним. Терещук — за мной.

— Скажи охране, чтобы не выпускала, — командовал в трубку Антон.

Женя сунул им в нос удостоверение ГИБДД. Мы бежали уже по улице между АСК-1 и АСК-3. Он на проезжую часть — и я на проезжую. Он по поребрику — и я тоже. Я рыдала уже по-настоящему. В голос. Он не хотел меня слушать.

— Я знаю, у вас тут работают люди, которых специально четыре года обучают разговаривать. Они кого хочешь уговорят.

Это была правда. Он вообще во всём был прав.

— Стойте! Я отдам свои деньги за билет!

Арсений развернулся ко мне.

— Да не нужны мне ваши деньги!!! Почему передо мной стоит плачущая девчонка? Где ваш шеф-редактор?

Я протянула ему трубку. Всё, что осталось от моего испарившегося шефа.

— У вас тут творится бардак! Мне обещали билет! Имейте в виду, я напишу рапорт. И если... если Анастасию Земляникину уволят, я приеду и разберусь.

Какой-то незнакомый мужчина на стоянке стал меня успокаивать.

— У вас нет сердца!!! — в беспамятстве кричала я Сене.

Оказалось, мужик — тот самый друг с Рублёвки. Они сели в его машину и уехали.

Наталья Терещук обняла меня.

— Всё пройдёт, — сказала она. — Всё пройдёт, Ася.

Мне стало стыдно перед этой женщиной, потерявшей дочь, и я затихла. Мы ещё постояли, обнявшись, обещали друг другу звонить, и я посадила её на такси в аэропорт.

Потом пришла Женька. Это моя коллега, тоже редактор. Она отвела меня домой, налила чаю. Женя, как и многие телевизионщики, снимает квартиру возле телецентра. Это дороже, зато можно подольше поспать. Я иногда теперь остаюсь у нее, в тех случаях, когда ехать домой на Планерную уже слишком поздно. Ночью трамваи перестают ходить, а на такси отчаянно жалко денег. Я начала копить на первый взнос за ипотечную однушку. Но главное, в таких ситуациях у меня уже просто не остается сил на долгую дорогу к дому. Вот и сегодня уже не успеть — осталось всего несколько часов. Завтра снова съёмочный день.

Тут позвонил Арсений.

— Если вам нужна эта информация, я вылетаю завтра утром.

— Я очень за вас рада.

Я тоже за вас рад.

И положил трубку. Женя сказала:

— Он, наверное, хотел, чтобы ты его проводила.

Я снова заплакала. Иногда я ненавижу свою работу. За одиночество.

— Ну тише, — шепнула Женька, — тише.

Мы заснули. Неудивительно, что люди, впервые услышав о Женьке, думают, что это мой молодой человек.

Анастасию Земляникину, конечно, никто не уволил. Потому что никто не увольняет людей, которые пахнут, как лошади.

У вас есть мечта? Представляете, является к вам после трёх литров пива ваша умершая крёстная тётя Глаша, то есть, простите, фея и говорит: «Проси». Проси, Машка, чё хочешь. Ну там — придушить начальника, замуж за принца или просто с Васькой из отдела маркетинга замутить.

Так вот, некоторые герои нашего ток-шоу путают фею с редакторами. Знаете, у каждого редактора есть свой сумасшедший герой. Который достаёт его и днём и ночью, в ванной и в постели. Пытает и требует осуществить заветное желание. Редактор и рад бы уже, чтоб хоть ночку спокойно похрапеть после «Останкино», да не может.

— А почему? — вопрошает безумный и несчастный герой со слезами на глазах.

Потому... Потому что редактор не фея, правильно. Но они не верят и продолжают нас терзать.

Мою безумную тётю звали Татьяна Дорожкина. Вообще-то она чудесная женщина. Она сделала такое, что у меня слёзы на глаза навернулись от её доброты. Она подобрала на улице нищего, привела его домой, отмыла, накормила, обогрела и выслушала. Оказалось... он сбежал из рабства.

Вася приехал с Украины на заработки к тётке, которая, ни много ни мало, зампрокурора Орехово-Борисово. Устроился строителем в подмосковный же Подольск. Вот по дороге на работу Васю и сцапали работарговы. Угостили пивом со снотворным. Очнулся он уже связанным и без документов. Автобус вёз его и других таких же несчастных в Махачкалу. Целый год Василий Руснак был самым настоящим рабом. А вы думали, цепи и галеры в прошлом? Вокруг Махачкалы таких заводов тридцать. Их били палками, а за побег вешали. Тех, кто послабее и подешевле. Вася был элитным рабом. За первый неудачный побег его просто перевели на другой завод. Второй побег удался. Автостопом, без денег и документов, с подорванным здоровьем он добрался до Волгограда, едва снова не угодив в рабство, на этот раз его завербовали в Калмыкии на фермерское хозяйство. Кто бы вы думали? Сотрудники милиции. Наш Вася снова сбежал. По дороге он увидел передачу «Жди меня», где один из сбежавших товарищей с кирпичного завода встретился с мамой. Он твёрдо знал, что тоже вернётся к своей, на Украину. Но сил уже не было... Он сел у монастыря и стал просить милостыню. Тут его и подобрала Татьяна.

Татьяна позвонила на горячую линию, которая призвана помогать бывшим рабам (оказывается, такая есть). Трубку сняла Алёна, которая решила, что лучший способ помочь Василию — позвонить на Первый канал. И она позвонила мне.

Всё бы ничего, но Антон Воронов наконец ушёл учить олигархов общаться с дамами, и нам ещё только предстояла встреча с новым шеф-редактором, Светой. Про неё было известно мало. Только одно, практически. Говорили, что она стерва. Я предпочитаю делать выводы о людях самостоятельно.

Света сказала, что Васю надо снимать обязательно. И пусть он на программе встретится с сестрой (маму с Украины везти дорого). И документы мы ему сделать поможем (в смысле, пригласим на программу большого дядю, который поможет).

Но. Мы должны снять, как Васю в поезд сажают милиционеры (которых, после продажи в калмыцкое рабство, Вася боится как огня). А пока пусть он неделю до съёмок поживёт в Волгограде у Дорожкиной.

Конечно, Дорожкина не выдержала раньше. Она в два счёта привезла Васю без всяких справок в Москву и отправила в ребцентр к Алёне. Света взъелась на меня:

— Почему не уговорила поддержать ещё немного? Теперь он нам как герой не интересен. Вся соль была в том, чтобы снять, как его наряд в Москву отправляет.

Но я всё равно нашла Васину сестру из Орехово-Зуево и дала ей номер Алёны. Она плакала.

Татьяна Дорожкина наш телеканал в лице Ирины теперь тоже перестала интересоваться. Но она этого понимать не желала. Вместе с Василием она привезла в Москву бумаги, в которых избирком отказывал ей в праве стать кандидатом на выборах мэра Новоаннинского. Потому что... она отказалась предъявить избиркому паспорт. Надежда оставалась одна — на Конституционный суд. Вот с ним-то я и должна была разобраться.

Уверения, что я про этот суд знаю только лишь то, что он не так давно переехал в Питер и располагается теперь в красивом здании недалеко от «Астории», не действовали.

Татьяна продолжала звонить и требовать. Мэром Новоаннинского она хотела стать не просто так, а чтобы помочь своему знакомому, восьмидесятилетнему целителю Николаю Дмитриевичу, которого обижают родные, объявив парализованным, хотя дедушка прекрасно ходит.

Я прониклась судьбой ветерана. С Конституционным судом мне бодаться, конечно, слабо (тем более, иск абсурден), но можно же помочь деду! На ток-шоу его не привезти, конечно, но...

Так, надо звонить на НТВ, Юле. Просить, чтобы снаряжал в Волгоград командировку. Лучше всего, если Вову отправят — он местный, в два счёта разберётся. Но прежде я решила позвонить в Новоаннинский сама.

— Здравствуйте, будьте добры, Николая Дмитриевича.

— Николая Дмитриевича, — изумлённый голос. — Николай Дмитриевич умер шестнадцатого октября.

— Простите, я не знала.

Я сказала об этом Татьяне, принесла соболезнования.

— Ася, это всё не правда, веди следствие дальше.

Я узнала. Он правда умер. Но Дорожкина всё продолжала мне звонить, чтобы я повлияла на Конституционный суд, чтобы её назначили мэром Новоаннинского... Она требовала нелепых телеграмм и звонков. И постоянного внимания.

Андрюха, наш младший редактор, долго потом надо мной смеялся.

— Ась, Ась, а помоги мне стать мэром ма-аленького городка на Кубе!

В наказание ему досталась Елена Каер. В десять раз круче моей Дорожкиной. Если считать по частоте звонков. У неё тоже была благородная цель — отсудить квартиру сироты-инвалида. Только в отличие от дедушки-целителя, сирота был жив. Все суды Каер проиграла. И кассации тоже. Грустно, но в нашей жизни не такая уж редкость. Делать нечего. Но Каер надеялась на чудо. Которое сотворят редакторы программы «Участок», в которой она недавно выступала. Мы уговорили помочь ей адвоката Севу, с которым постоянно сотрудничаем. Севе хватило одного взгляда на документы, чтобы понять, что дело безнадёжное. А за безнадёжные дела он не берётся. Наш адвокат просто перестал отвечать не звонки несчастной. И Каер снова принялась названивать Андрею. Я над ним сжалилась и переадресовала Елену «своему» адвокату. Но у той после знакомства с документами оказалось «слишком много дел»... Чёрт... Что же делать?

Считается, что «Первый», «Россия» и НТВ — конкуренты. Но на самом деле в Останкино не так уж важно, где ты сегодня работаешь. Важно — с кем ты дружишь и за кого болеешь. И разве конкуренция имеет хоть какое-нибудь значение, если надо помочь своим?

— Пусть Каер позвонит по этому номеру, — протянула я Андрею бумажку. — Ей нашли правозащитника, который помог уже одному сироте.

— О! А это кто?

— Это Юля. Продюсер НТВ в декрете.

— Продюсеры НТВ не бывают в декрете, да? — понимающе улыбнулся Андрюха. Впереди замаячила свобода.

— Слушай, Каер мне не звонит, — удивлённо сказал он мне через два дня.

А ещё через неделю выяснилось, что Елена Каер при помощи замечательного правозащитника выиграла суд!

Энтэвэшники улыбались до ушей и радостно махали мне в «Максе». Андрюха гордился, почему-то, собой. Света в порыве радости обещала выбить мне премию.

После слякоти и озноба последних дней вдруг стало хорошо на душе, будто кто-то сжалился и включил в сердце обогреватель. В общем, победила дружба.

А ещё... иногда мы немножко феи.

— Нет, вы это читали? Ася, поди сюда. Ты это видела? — шеф-редактор Света рвала и метала. Я отодвинула утренний кофе и поплелась к её столу. Что там опять? — «Тина Канделаки думала, что она самая умная. Как бы не так».

Я моментально проснулась. Канделаки — моя героиня. Они что, издеваются?

— Да вы что! Она просто развернётся и уйдёт.

— Не просто, — поддакнула Женька. — Она пошлёт нас на...

Тина — звезда первой величины. Сценарий переписали. Программа «Ремонт в копеечку» была спасена.

Если вы жили в общежитии вдали от родителей, спали и готовились к экзаменам под грохот приёмников и траханье соседей, вы легко можете понять, что испытывает человек при виде 25 метров отдельной площади. Квартиры-студии, такие, как моя на Пулковской, придумали в Питере. В них нет кухни, практически нет ванной, зато есть дверь и балкон.

Да, у меня наконец-то появилась стабильная работа. И да, я взяла ипотеку. Большую ипотеку на маленькую квартиру. В Питере. Квартиру в Москве мне было не потянуть. И потому, после долгих размышлений и совещаний с родителями, Маришкой, Женькой и Дворнягиным, решено было начать с недвижимости в Северной столице. А уж потом, по мере развития карьеры и роста зарплаты, поменять ее сперва на дальнее Подмосковье, потом на ближнее, потом, в конце концов, приобрести жильё в Москве.

— Спорим, ты выйдешь замуж раньше, чем осуществишь этот план? — смеялась Маришка.

В это верилось с трудом. На свидания у меня просто не было времени. Редкие выходные я теперь проводила в Петербурге. Но не гуляя по тихим улочкам, как когда-то мечтала, а пытаюсь привести в порядок свои квадратные метры. Потому что только после этого я смогу наконец сдать квартиру, и это существенно облегчит выплату ипотеки.

Честно говоря, я даже не сразу сообразила, с какой стороны браться за дело. Первым чувством, которое я испытала, перешагнув порог собственной квартиры, был восторг. Сначала я включала-выключала воду. Потом обнималась со стенами и плакала. Потом мой внутренний голос прикрикнул на меня и велел заканчивать с лирикой, потому что пора бы уже браться за ремонт. Начать решила с ванной. Потому что, забыла сказать, ванны в ванной тоже нет. Больше того, чтобы она появилась в этом крохотном пространстве, нужно либо стены раздвинуть, либо унитаз выкинуть, либо раковину в другое место перенести. Я выбрала перенести раковину. Оставалось выбрать сантехника.

Набрала рекламных объявлений и давай по ним звонить.

Итак, сантехник первый. Мужчина с внешностью кинозвезды и пафосом топ-менеджера.

— Ничего ещё не делали? — радостно воскликнул он, даже не заглянув в мой санузел.

— Меня пока интересует только перенос труб и раковины в ванной.

— Ваще-то, — обиженно надул губы сантехник Дима, — у нас принято нанимать одного и того же мастера для ремонта всей квартиры под ключ. — Платите четыре тысячи за квадратный метр плюс строй материалы.

Четыре умножить на двадцать четыре... Нет, вы слышали? Он меня за кого принимает? За блондинку из комиксов?

— Я не собираюсь нанимать одного человека. А большую часть ремонта вообще буду делать сама, — теряя терпение, объяснила я.

— Да ты... — на своё счастье, сантехник оставил свои соображения при себе. — Но ведь ваш рабочий день в Москве стоит дороже, чем наш здесь?

Я его выставила.

Хм. Да за такие бабки я сама ремонту делать буду. Сколочу бригаду... Впрочем, бригада у меня уже есть — Света, Женька и Андрей.

— А потом все эти типы из ремонтной бригады напились и отказались работать, — вещала в нашей студии Канделаки. Загорелая. В белом пиджаке и с татуировкой в виде спирали на изящной ручке. Звезда. — А вентиляция? С такой вентиляцией дышать приходилось вот так: «Ха-а... ха-а...» — Тина дышит так, что зал в экстазе. Особенно мужчины. Профессионал. Кстати, на самом деле её зовут Тинатин.

— Ты счастлива? — спросила меня Женья.

— Ага.

Ещё бы. Звезда первой величины у нас на ток-шоу. Моя любимая ведущая, казавшаяся такой недостижимой пять лет назад в Калининграде.

Сначала я пыталась уговорить её придти на тему «Брачные аферисты».

— Брачные аферисты? Ну что, брачные аферисты. Они были, есть и будут, — тараторила Тина в трубку в своей знаменитой манере «сто слов в минуту». — А вот ремонт...

— Но мы пока не планируем такой программы.

— Почему не планируете?

Действительно, почему? Что может быть актуальнее ремонта?

Второй сантехник почему-то напомнил мне рок-музыканта. У него были длинные вьющиеся волосы. Он заикался, но несмотря на столь явный дефект речи, мужик похоже мечтал о большой сцене. То, что он устроил в моей квартире, могло с успехом идти в каком-нибудь подвальном экспериментальном театре. Назвать постановку «Откровения канализационных труб» и всё, можно продавать билеты. Трубы он изображал очень похоже, даже подвывал голосом. На низких тонах — если труба здоровая, и тоненько — это если маленькая и из металлопластика. Мне очень понравилось. Я даже не расстроилась, когда за составление сметы он попросил сто рублей. Таланты надо поддерживать.

Третий сантехник разговаривал на понятном мне языке. Он не составлял никаких смет, не пел, просто всё посмотрел и попросил за работу 9 тысяч. И сказал, что покупать материалы мы пойдём вместе. И если мне не хватит, он мне добавит. Но даже без спонсорской помощи Валерия получалось на треть дешевле, чем у Бреда Питта, и на тысячу, чем у рокера. В общем, он победил.

И я победила. Десятого мне привезли ванную. Это в ней я буду принимать оригинальные продюсерские решения, сочинять сюжеты романов и купать любимого мужчину.

Пока установщик прикручивал смеситель, я взяла почитать журнал с Тиной Канделаки на обложке. Она подводила итоги уходящего года. Роды года — ребёнок Джигурды. Свадьба года — Плющенко и Рудковская.

— А самые незабываемые путешествия? — спросила корреспондентка, очевидно предвкушая рассказ об экзотических странах.

— Таких не было, — просто сказала Тинатин. — Но зато я закончила ремонт, который

длился очень долго.

Я проводила в Питере почти все выходные. Все, что оставалась от зарплаты после вычета аренды, шло на ремонт. Я уже давно не покупала себе новых платьев. Да и джинсы были застираны почти до дыр. И, кажется, не за горами был момент, когда любимые ботинки попросят каши. Но надо было привести квартиру в удобоваримое состояние, чтобы сдать. Эти деньги пойдут на выплату ипотеки. Главное, теперь у меня есть собственная квартира! Пусть совсем крошечная, пусть даже не в том городе, где я живу, зато своя. Я страшно собой гордилась.

А жили мы с Маришкой там же, на Планерной. В крошечной запроходной комнате.

«Этот город заполнен деньгами и проститутками. Я не против ни тех, ни других, но только не сутками» — пела Земфира.

Я искала героев для нашего ток-шоу. Если кто не знает, этих товарищей иногда разыскивают на сайте знакомств.

Неожиданно пришло сообщение от двадцатилетней брюнетки Сони:

«Давай обменяемся ссылками на анкеты щедрых и проверенных спонсоров».

Ух ты. Вот так предложение.

«Я ещё не успела никого здесь проверить» — честно написала я.

«Значит, ты на сайте недавно, — сделала вывод Соня. — А какие цели?»

Я честно написала что цель моя — найти героев для передачи Первого канала.

«А ты там кем? Сколько платят, если не секрет?»

Я снова была честна. Но в ответ поинтересовалась:

«А ты сколько получаешь за встречу?»

«От 25 тысяч. Но бывает и 30, и 35».

С ума сойти.

«А безопасность?»

«А мне девочка одна спонсоров подгоняет. Она берёт за это двадцать процентов, но зато и отвечает за всё».

«А контрацепция?» — не унималась я.

«Презики».

«И они не против?»

«Ну конечно! Там же адекватные люди! Ещё и заставят натянуть. У меня ни разу не было без презика».

Я посмотрела Сонины фотографии. Совсем юная девочка с кукольным личиком — на детской площадке, на море, на капоте машины. У кабинета математики. Провинциалка, наверное, как и все мы. Одна в Москве, денег нет, а красивой жизни хочется.

«Слушай, Соня, а почему бы тебе постоянного спонсора не найти?»

«Да нет здесь постоянных! Они либо сами соскакивают, либо пытаются перевести всё в халяву. Вообще-то меня Эля зовут. Но если хочешь, зови Соня. Я привыкла».

Похоже, Эля не только бывала в кабинете математики, но и читала Достоевского. Сонечка Мармеладова. «Преступление и наказание». Проститутка поневоле.

«Слушай, а что ты сама за хорошие суммы не встречаешься?»

Вот что ей ответить на такой вопрос, чтобы не обидеть?

«Я тебе ссылку на Юлину анкету дам. Посмотри, какие там фотки! Особенно, где она голая на Красной площади. Она от спонсоров и машину, и квартиру купила и живёт шикарно. Ты ей напиши, что от меня».

Во мне проснулся журналистский азарт. Если уж информация сама плывёт в руки, надо закончить расследование.

Юля оказалась скромной симпатичной девушкой с грустными карими глазами и некрашеными тёмно-русыми волосами. Совсем не похожа на стриптизёршу, сутенёршу и проститутку.

Если, конечно, не смотреть на фотографии, где она топлес. И где она голая на Красной

площади. И на других столичных площадях и проспектах тоже.

«Пришли свою фотографию в полный рост, параметры и напиши по максимуму, что приемлешь в сексе. Скажу реальную цену».

Я написала. Честно. Интересно же! Когда ещё узнаешь, сколько ты РЕАЛЬНО стоишь. А что, вы бы отказались? Я имею в виду, узнать. Не верю.

«Хорошенькая»). 25–30».

О, это как за три недели на телеке (там тоже ведь секс, только в мозг). Вот знаете, приятно.

Через пару дней я впорхнула в вестибюль станции «Гостиный двор» в Питере. Как обычно на выходных, ремонтировала квартиру.

Вау! Вот это да...

Огромные, как блюдца, карие глаза. Платиновые волосы до попы. Личико сердечком. Мечта любого половозрелого мужчины. Русалка. А когда мы виделись последний раз на выпускном, семь лет назад, она была серой мышкой.

— Алена!

— Ася!

В школе волосы у неё были мышинового цвета и торчали в разные стороны. И фигуры никакой. Помнится, Алена очень по этому поводу расстраивалась. Мальчиков у неё не было. Зато после одиннадцатого класса она поступила сразу на два факультета — экономики и иностранных языков. А я отправилась учиться в Питер. Потом я ничего об Аленке не знала до тех самых пор, пока она меня не добавила в друзья «В контакте». Красотка. Блондинка. Модель. Шикарные дома, леопардовые платья, грудь третьего размера. Комментарии типа: «В „ВИА Гру“ без конкурса возьмут» — «Только ели Котова уйдёт на больничный».

Вживую Аленка выглядела даже лучше. Она в этот момент рассматривала меня, естественно.

— Шикарно выглядишь, — протянула низким сексуальным голосом. — Так я не пойму, ты где живёшь — в Москве или в Питере?

— В Москве. Сюда на каникулы.

— И я. Я вообще часто «Калининград-Питер» езжу. А ты в «Останкино» работаешь? Ага, значит, тоже фотографии смотрела.

— Я в «Останкино», а кем ты работаешь?

Замдиректора крутой фирмы, естественно. Дурной вопрос.

— Никем. Я не работаю, — гордо заявляет Аленка. — У меня очень богатый друг.

Я считаю, как в надоевшей рекламе: «Отбеливание зубов. Пятнадцать тысяч рублей по кредитной карте. Силиконовая грудь. Сто пятьдесят тысяч рублей по кредитной карте. Нарощенные волосы. Тридцать тысяч...».

— ...Но он женатый человек, так что мужа я буду искать в Москве или в Питере. В Москву я больше хочу, но здесь проще.

А что ты здесь будешь делать, работать?

— Не, работать не хочу. Хочу замуж.

— Вообще-вообще не хочешь работать?

Не могу себе представить, что такое возможно.

— Ну... есть у меня одна мечта.

Бизнес. Или, на худой конец, телек.

Я хочу танцевать стриптиз в ночном клубе, — и, блаженно улыбнувшись, добавляет: —

Если деньги будут нужны.

То есть, может, и не будут.

Насть, ну кем там у нас в Калининграде работать? Менеджером за пятнадцать тысяч?

Действительно. Это повод всем менеджерам дружно подняться и уйти в содержанки.

Или в содержанцы, в крайнем случае.

Ты такая красивая, Аленка, — запоздало отвечаю я на комплимент. — И у тебя очень фотографии «В контакте» красивые.

— Спасибо, но я их уже удалила.

— Зачем?

— Просто бывший спонсор взломал страничку и влез под чужим именем.

Значит, был ещё и бывший спонсор.

Машке позвонила подружка. Запиши мой московский номер. Будешь у нас — звони.

— Обязательно. Удачи тебе!

— И тебе!

Я побежала вниз по эскалатору. И только на платформе, глядя в ступоре на отъезжающие сине-белые поезда питерского метро, сообразила, что надо было расспросить ее подробнее. Быть может, ее жизнь не так уж плоха? Может быть, она ничуть не хуже моей? Или даже...

— Осторожно, двери закрываются.

Когда-то на перроне жизни я выбрала свободу. А то был бы у меня сейчас тоже женатый друг...

А моя Маришка вдруг собралась замуж. В своей картинной галерее она познакомилась с чудным парнем по имени Вадим. Он был исполнительным директором в рекламном агентстве и недавно купил двушку в Реутове. Правда, переезжать в квартиру жениха подружка не торопилась.

— Ну, уж нет! Только после того, как разошлем приглашения!

Ее бывший после года совместной жизни в отдельной комнате общаги так на ней и не женился. Однажды обжегшись, подружка теперь, как говорится, дула на воду. То есть на пылко влюбленного Вадика.

Я ее не отговаривала. Мне эгоистично хотелось, чтобы она оставалась рядом как можно дольше. Пусть несколько месяцев, но наши. Потому что когда Маришка выйдет замуж, мы с Сержем останемся совсем одни.

Впервые в жизни одиночество меня пугало. И от этого страха было только одно лекарство — работа.

Вы когда-нибудь ездили в Московском метро с «Алексеевской» на «Планерную»? Попробуйте, вам обязательно понравится, ибо занятие это увлекательное, в особенности, в час пик. Кстати, при словосочетании «в час пик» мне лично сразу вспоминается одноимённая программа на РЕН ТВ. Очень приличная программа, кстати. От души рекомендую. Они похожи — метро и программа — и там, и там вас ждёт калейдоскоп интереснейших личностей от олигархов, чья машина безнадёжно застряла в пробке, до откровенных уголовников. Скучать точно не придётся!

Но тот вечер был вообще особенным. Во-первых, то был вечер понедельника. Первого понедельника после пула. Я ехала, ухватившись за перекладину где-то между мужчиной в чёрном и сердитой старушкой, и размышляла над новыми темами — раздел жилья, раздел земли, права автомобилистов.

Мужчина в чёрном не сводил с меня глаз. Ну ещё бы. Распущенные волосы. Новое кожаное пальто. Даже я на себя поглядывала. В стекло вагона. А уж мальчики!

Я посмотрела на него краешком глаза. Ничего. Черный плащ, интеллигентное лицо, только кепка идиотская. Такие мальчики вечно только смотрят. Никогда не знакомятся. Думают: «Красавица — спонсор пошлёт». Дураки.

Я решила не смотреть на него. Чтобы не расстраиваться потом. На Рижской освободилось место. Села и уткнулась в книжку.

Лаки Сантанджело, красотка и бизнес-леди строила отель в Атлантик-сити.

Мужчина в чёрном сел рядом. Ну надо же!

На Планерной он вышел за мной. Мы так и шли рядом. Как парочка. Ну что-нибудь уже скажи!

— Познакомимся? Как тебя зовут?

— Ася. А тебя?

— Миша.

Надо же, и имя подходит.

— Ты куда сейчас?

— Домой.

Миша вызвался меня проводить. Я не возражала — веселее будет на остановке трамвая ждать. Но мой новый поклонник поймал такси.

Вечер начинал быть интересным. Как хорошо, что я его сразу не послала! Обычно я посылаю сразу.

— А у меня сегодня машину украли, — поделился он, когда мы сели на заднее сиденье.

— Как?

— Да прямо из-под дома. Утром выхожу из дома — а на месте моего джипа чёрный квадрат — снег не падал.

Всё.

Девушка в роскошном пальто исчезла. Проснулся редактор ток-шоу.

— Милицию вызывал?

— Вызывал, — меланхолично вздохнул Миша. — Сказали, что не найдут. Что её уже разобрали в каком-нибудь гараже.

— То есть как??? Слушай, я работаю на ток-шоу «Горячая правда». Тебе надо к нам!

Обязательно найдём, ты что! — выпалила я на одном дыхании.

Началось. Чип и Дейл спешат на помощь. Миша меня в серьёз не воспринял. Потому что девушки в роскошных пальто не ищут «аутлендеры». В крайнем случае, они их водят.

— Ты зря отказываешься от помощи.

— Да я не отказываюсь, — он взял меня за руку.

Я вздрогнула.

Мы доехали.

— Я тебя провожу. Это вам, чтобы ждать не скучно было, — он сунул таксисту тысячу.

«И не жадный», — подумала я.

— А ты высоко живёшь? — спросил Миша, заходя в лифт.

— На девятом.

— Значит, я успею тебя поцеловать.

Раньше, чем я успела опомниться.

— Пока, — я повернула ключ в замке.

— Ты куда? А телефон ток-шоу? — он смотрел на меня восхищённо и улыбался.

Надо было дать сотовый. Но я полезла искать рабочий. И не нашла.

— Нету!

Он растерялся.

— Я найду. Нельзя быть такой красивой. Чтобы не сводить мужчин с ума.

Я зашла домой в ошалевшем состоянии и позвонила Дворнягину. Мне хотелось поделиться.

— Ты дура, — не разделил он моего восторга. — Как можно было не оставить телефон?

— Он сказал, что найдёт.

— Ага, конечно. В передаче «Жди меня».

Я приуныла. А ведь действительно — дура. В кои-то веки познакомилась с красивым, добрым, умным, не бедным и нежадным мужиком, который, к тому же, отлично целуется, и не оставила телефон.

И потом ещё на отсутствие личной жизни жалуясь.

Утром я твёрдо решила его найти. Его зовут Миша, он живёт на улице Монтажной и у него вчера угнали серебристый «аутлендер». Не так уж мало. И мы собираем «Права автомобилистов». Ага.

Я поставила на уши ГИБДД. Оказалось, напрасно — сведения о машинах, украденные прямо из двора, поступают в районное отделение милиции. Имейте в виду, если что.

В РОВД, к которому относится улица Монтажная, сменился начальник. И замначальника тоже сменился.

Поговорить об «аутлендерах» оказалось не с кем. И я наехала на дежурного.

— У вас что, каждый день джипы угоняют? Посмотрите в журнале! Человек обратился к нам на программу, а данные неверно сообщил. Ему надо помочь!

— Девушка, что вы от меня хотите...

Через десять минут я знала фамилию, отчество, год рождения (1977), номер дома, время угона (9.30) и то, что в Москве он не прописан. А телефон есть только у следователя. И он мне его ни за что не даст. Тем более, это она.

И я позвонила адвокатам.

— Завтра к обеду сообщу номер, — пообещал адвокат.

В 15.00 в среду они пришли в РОВД и заявили, что Миша Абрамов — их подзащитный.

В 15.15 я уже знала номер.

И тут я сообразила, что натворила. Ну что я ему скажу? Пока искала был азарт, а теперь... Но отступить некуда!

— Миша, привет! Это Ася, — я старалась не заикаться.

— Я понял, — тихим пришибленным голосом отозвался Миша.

— Надеюсь, тебя не очень замучили наши адвокаты, — будничным тоном вещала я. — Просто я рассказала им твою историю, и они захотели помочь.

— Я первый раз с таким сталкиваюсь... Это наверное стоит денег.

— Да нет, что ты.

И дальше — ничего интересного. Всё как с обычным героем. Служба спасения. Прекрасного и загадочного поклонника, принца с украденным серебряным конём больше нет. Есть растерянный герой программы с угнанной подержанной тачкой. Которому позвонили с телевидения.

И прекрасной девушки в новом пальто тоже нет. Есть редактор.

— Ася, что там насчёт моей машины? Я согласен дать интервью, — сказал он мне на следующий день.

Сказка растаяла. Машину теперь найдут. Куда денутся? И даже если её разобрать успели — Миша получит страховку. И мне вовсе не обидно. Мне хуже — мне всё равно. М-да...

В субботу хозяева квартиры уехали к детям в Нижний Новгород, и по этому случаю Марина давала ужин. Она это умеет. Спагетти с рыбным соусом. Позвали Вадика и Женьку с Дворнягиным. Пока мешали мартини, я рассказала эту историю.

— Надо было сказать: «Ты мне очень понравился, и я тебя нашла», — покачала головой подруга.

— Да! Не надо говорить: «Я найду твой „аутлендер“», — согласился Вадим. — Никогда не говори мужчине, что хочешь с ним работать. Говори, что его хочешь. Как можно ближе к тексту! «Давай куда-нибудь сходим», например.

В тот же день вечером мне позвонила Наташа Андреевская. То есть, теперь Жуковская. Я успела забыть ее голос и сперва даже не узнала. А ведь недавно я готова была поклясться, что мы с ней расстались навсегда. Что Жуковский не позволит ей со мной общаться. Поэтому, когда на дисплее высветился до боли знакомый номер, я так растерялась, что едва не пропустила вызов.

— Это Наташа. Я во Владивостоке. Только что вернулась из Прибрежного заповедника и узнала, что умерла Татьяна. Мама Владика. Сашина жена. Я просто подумала, что ты захочешь узнать...

Я долго сидела молча, уставившись на телефон.

И что мне, спрашивается, делать с этой информацией?

Все псы попадают в рай. А все редакторы ток-шоу — в чистилище. Это давно всем известно.

По стране прокатилась война смертей знаменитостей. Трахтенберг, Турчинский, Круг. При загадочных обстоятельствах погиб лихой «дальнобойщик» Влад Галкин. А потом разбился в ДТП актер Юрий Степанов. Когда кто-то из известных людей умирает, на тысячи кухонь загораются экраны телевизоров — всем хочется немедленно узнать подробности. Как и когда это случилось. Поглядеть на рыдающих родственников, увидеть короткие кинокадры, наспех впихнутые режиссером в программу. Послушать невероятные версии произошедшего.

И значит, раз люди это смотрят, телевизионщики не могут об этом не снимать. И поэтому, когда мне сказали, что новая программа будет называться «Знаки конца» и расскажем мы в нем о приметах смерти, я только вздохнула. Потом еще раз. И, всего три раза тяжело вздохнув, приступила к работе. Дело это оказалось ох каким сложным.

— Вы дружили с Трахтенбергом? А правда, что он предчувствовал свою смерть? Он вам об этом говорил?

Одна Ирина Круг почти спокойно призналась, что за неделю до смерти супруга видела страшный сон. С остальными пришлось сложнее.

Турчинский, по словам певицы Жени Рассказовой, смерть свою чувствовал. Говорил, что в его смерти наступила осень, что много всего надо еще успеть, а времени осталось всего ничего. Он буквально завалил себя проектами. Он составил в своем дневнике план, по которому он должен все их завершить. А потом... «А потом я умру» — написал Динамит. И умер.

Круче всех поступил друг Трахтенберга, один начинающий певец. Когда корреспондент приехал на съемку, он напрочь отказался говорить о Трахтенберге, зато начал вещать о собственном творчестве.

Ученица саксофониста Гараняна видела во сне, как разбивается саксофон, а наяву, во время последнего разговора, с учителем разбила чашку.

Молодой и амбициозный Ваня, директор одного московского пиар-агентства, перед смертью отца и деда видел дома черных бабочек.

А певице Ри (есть такая певица) приснилась пожелтевшая опадающая ель. Вскоре умер ее дядя.

Пролить свет на все это безобразие мог только профессор Головин из лаборатории ауры, но там, как назло, начался ремонт.

— А вы можете все это прекратить?

— То есть как это прекратить, мы ведь только начали...

— Ну ремонтируйте, что возможно, к воскресенью, и все.

— Но ведь мы отключили приборы.

— Приборы подключите, — попросила я. Профессор почему-то послушался.

Он рассказал нам, стоя на беговой дорожке, что если бы Турчинский снимал свою ауру перед тренировками, прожил бы дольше. И вообще, черная метка, которая на самом деле имеет желтый цвет, появляется в ауре задолго до конца. Так что следите за своей аурой, господа.

Конечно, все это — нелепые сказки, придуманные родственниками и друзьями усопших для собственного пиара. Но это шоу-биз. И главный из его жестоких законов — «Шоу маст гоу он». Шоу должно продолжаться. Жестоко и цинично, но... знаете, я думаю Трахтенберг, если бы все это видел, смеялся бы и теребил бородку. Потому что сам был шоуменом и великим самопиарщиком.

А на «Останкино» в те дни висел огромный постер Листьева. Со дня смерти непревзойденного телеведущего исполнялось пятнадцать лет.

Когда корреспондент снимал лабораторию, мне позвонила Женька. Мы продолжали работать в одной программе, но нас, как двух сильных редакторов, распределили по разным бригадам. А значит, у нас теперь были разные темы и разные герои. У каждого свои. Ну что ж, такова жизнь редактора ток-шоу.

— Ася, ты где? — всхлипнула Женя в трубку.

Случилось что-то невероятное. Она никогда не плачет.

— С Маришкой, на Баррикадной.

— Мне срочно надо с кем-то поговорить.

— Если мы тебе подойдем, приезжай.

Через полчаса Женька сидела за нашим столиком. Какая-то непривычно взрослая и красивая. А может, я ее просто давно не видела. Неделю.

— Как там «Останкино»?

— Стоит, Листьев держит, — нервно вздохнула Женя.

— Так что у тебя случилось?

— Я попаду в ад, Асич, — всхлипнула она.

— Как и все редакторы. Но вообще, умереть надо так, чтобы после твоей смерти сняли программу «Пусть говорят».

— Точно...

Черный юмор пришелся к месту. Женька немножко расслабилась и начала рассказывать.

— Мы снимаем программу про Юрия Степанова. Вообще, мы хотели снять про Листьева, но нам не хватило времени. Я кивнула. Вечный телевизионный цейтнот. К тому же, Степанов умер недавно, а «Горячая правда» — программа актуальная.

— Похороны были только сегодня, а программа послезавтра, поэтому родственникам мы пока не звонили. Я вообще не представляю, кто к нам придет, если честно. Но сегодня я снимала Мишу, водителя «Мазды», который Степанова сбил.

— Но он же даже со следствием не общается.

— Я взяла скрытую камеру...

Ну конечно. Моя подруга — крутой репортер. Она смогла проникнуть даже в больницу, где умирал Япончик. А потом Женькины тогдашние начальники продали это видео одному украинскому каналу. За бешеные деньги, естественно.

Чтобы проникнуть к Мише, ей пришлось прикинуться студенткой мединститута, которая прямо с поезда пытается попасть на занятия. Ну нет у нее студенческого и белого халата, но ведь знания — свет. Сумев привлечь на свою сторону сердобольную санитарку и подкупив охранника шоколадкой, она оказалась у цели.

И тут ее настигли энтэвэшники. Недолго думая, они решили, что перед ними Яна, девушка несчастного водителя.

— Яна, мы хотим вам помочь! Как он? Скажите несколько слов!

Женя сориентировалась моментально.

— Уходите. Оставьте его в покое. Он ни с кем не будет разговаривать.

Потоптавшись немного, конкуренты ретировались, и Женя отправилась в палату.

Миша оказался молодым симпатичным парнем.

— Пойдем поговорим, — проникновенным голосом предложила она.

— Пойдем, — они вышли в коридор. Миловидная блондинка не внушала Мише опасений.

— Миша, у меня брат на пешеходном переходе сбил человека. Дали три года, — заявила Женя, у которой нет ни одного брата. Только сестра в Мурманске.

— Ну там такая ситуация, а у меня было так...

И он все ей рассказал, даже не спросив, кто она и откуда.

Женя цепко держала в руках автомобильный брелок — скрытую камеру.

— Ты сама-то водишь? — спросил Миша.

— Конечно, — быстро сказала она, мысленно взмолившись, чтобы он ничего про машины не спросил, потому что прав, как и брата, у Жени никогда не было.

— Если бы ты знала, как меня замучили журналисты. Я из-за этого даже в палате лежать не могу...

— Я не журналист, — успокоила моя подруга.

И тут снова ворвались энтэвэшники.

— Михаил, скажите несколько слов! Вы считаете себя виноватым?

— Слушай, друг, отвали.

Корреспондент снимал Женю с Мишей на мобильный телефон.

— Дай сюда телефон!

— Я тебя не снимал! И вообще я... эээ... не умею с ним обращаться!

— Вали отсюда по-хорошему.

— Но это моя работа.

— А это — моя жизнь.

— Хорошо, но я оставлю визитку, если что-то понадобится.

— О'кей, оставляй и иди.

— Миша, — все так же проникновенно и глядя парню в глаза сказала, когда конкуренты снова были посланы. — Миша, я тебя не обманывала... Я действительно не журналист. Я редактор. Редактор программы «Горячая правда». Я считаю, что ты должен прийти к нам на программу и посмотреть в глаза родственникам Юрия Степанова. Попросить у них прощения.

Вот это была правда.

Потому что если он не придет, то может получиться так, что он предстанет злодеем перед всей страной.

Конечно, во всех криминальных новостях НТВ Женьку назовут Мишиной девушкой.

— Спасибо, что хоть предупредила, — кивнула я.

— А потом я была на похоронах. И снимала на камеру плачущих родственников, — заключила Женя.

— Ты такая молодец, — сказала молчавшая до сих пор Марина. Я знаю, что в глубине души она не слишком одобряет эту часть нашей работы. — Ты в этой ужасной ситуации сумела сохранить человеческое лицо, насколько возможно.

— Женя, это очень неприятно, но это уже позади. А ты крутой репортер.

Мы сидели и разговаривали до последнего поезда метро. А потом разъехались в разные стороны. Ей немножко полегчало.

Одному актеру, который потом стал священником, пришла в голову кощунственная идея — построить прямо в «Останкино» часовню. Чтобы сразу после записи бежать замаливать грехи, наверное.

А на следующее утро раздался звонок от моего шеф-редактора:

— Ась, руководство хочет, чтобы твоя следующая программа, «Самосуд», начинался с истории Влада Галкина. Его отец, говорят, на похоронах поклялся отомстить за смерть сына...

Пусть говорят...

Говорят, Москва делает людей циничными. Говорят, телевидение способно испортить кого угодно. Говорят, что для редакторов ток-шоу нет ничего святого. Но знаете... где-то за тридевять земель от Останкинской башни, на краю страны, в далеком провинциальном городе жил мужчина, которого я, вопреки всякой логике, все еще любила. И этот мужчина был теперь свободен. И я, назло всем циникам мира, позволяла себе мечтать.

Маришка, которая, совершенно определенно, относилась к разряду мечтателей, уговаривала меня предпринять активные действия.

— Ты хотя бы просто позвони ему и вырази соболезнования. Это абсолютно ни к чему не обязывает.

— Ах, мне так жаль, что она скончалась... Жена моего любовника. Звучит ужасно лицемерно.

— Но ведь тебе и в самом деле ее жалко.

— Жалко, — кивнула я. — Ты знаешь, она удивительно красивая женщина. Милая и добрая. Просто... видно, что-то сломалось в ней в определенный момент. Не мне судить.

— Вот и скажи ему все это. И от души, и вполне достаточно для начала разговора.

— Если бы Саше было нужно мое сочувствие, он бы позвонил сам.

— Как раз нет! Во-первых, у него есть все основания полагать, что ты не захочешь с ним разговаривать, а во-вторых, его положение еще более нелепое, чем твое. Ну, представь: «Привет, моя жена умерла, место вакантно».

— Да уж. Ну ладно, мне пора бежать! — я кинула в зеркало последний придирчивый взгляд и поспешила закончить разговор.

Иногда, когда я еду в «Останкино», мне представляется, будто я совершаю путешествие в другой город.

В это невозможно поверить, но я в третий раз после переезда в Москву сменила работу. И если в Питере мне это показалось бы невероятным, то здесь это в порядке вещей. Москва живет в бешеном ритме. А уж «Останкино»! Здесь все может измениться даже не за день — за минуту. Здесь зажигаются и навсегда гаснут звезды.

Еще вчера ты был ведущим федеральных новостей, а сегодня придешь на работу, а пропуск не заряжен. Тебя даже не пустят в телецентр. Без объяснения причин.

Кстати, о новостях. Наша начальница, Света, перешла работать в новости. И предложила нам с Женькой сделать то же самое. И знаете, от такого не отказываются. О месте продюсера новостей здесь многие мечтают годами. Ведь это — два шага до кресла ведущего. А случается, что и один.

Но я и тут умудрилась отличиться. Все тщательно взвесив, сделала ход конем. Сказала, что пойду работать в новости только корреспондентом в кадре. Вы не поверите, но они посмотрели мое портфолио и разрешили снять пробный сюжет. А когда репортаж понравился шеф-редактору новостей, меня взяли на испытательный срок. Корреспондентом новостей в кадре.

Пожалуй, мама и папа могут начинать мной гордиться. Правда, темы репортажей мне пока достаются не совсем обычные.

На сей раз любимая редакция отправила меня охотиться за привидениями Восточной Пруссии просто на том основании, что я оттуда родом (на всякий случай: Калининградская область досталась нашим после войны, до того была Германия, ещё раньше — Пруссия). Мне выдали классного оператора, коробку с кассетами, камеру, штатив, чемодан с дедолайтами (телевизионный свет) и денег на месяц. Взамен я обещала снять за неделю семь сюжетов про клады, призраков и подземелья (благо в Кёнигсберге-Калининграде они на каждом шагу).

Бродячие собаки, как и люди, начали здороваться в аэропорту. Стоило мне выйти из

здания вокзала, чтобы поймать такси, как какая-то смутно знакомая девушка (Оля или Маша?) потащила меня, чемоданы и оператора на остановку автобуса. Всё же это Оля. Мы с ней на ГТРК вместе работали. И автобус прямо до гостиницы. Вот ведь не кабриолет, а тоже хорошо. «Хорошо» продолжалось три дня. За это время я узнала, кто из друзей юности стал алкоголиком, кто (в 23) депутатом, придумала проект для местного ТВ и чуть не принялась за съёмки пилотного выпуска, успевая по сюжету в день снимать, естественно.

На третий день мы отправились на Балтийскую косу. В гости к одному знакомому призраку. Балтийская коса — это самая западная точка нашей необъятной страны. Туда можно добраться на пароме от Балтийска (военный городок моего детства). На косе есть старая крепость. В крепости — привидение. К нему-то мы и приехали. В программе — интервью с хозяином дома, соседями и невероятной красоты морские пейзажи. Всё как обычно, в общем. Работа. Но тут начались приключения...

Билеты на Балтийскую косу стоили волшебным образом. Четырнадцать рублей штука. Транспортные оставались нетронутыми. Времени оставался час. И мы пошли снимать город Балтийск. Готические особнячки. Немецкая кирха, в которой теперь православная церковь. Суд, в котором теперь Базовый матросский клуб. Музей, в котором работала моя мама. Звёздочки и звёзды плывут по булыжным мостовым верхом на золотых погонах. Козырьки фуражек. И какая-то женщина выбивает ковёр во дворике моего гарнизонного детства.

— А то, что вы про порчу показывали, правда? Что по фотографии сглазить можно? — это Аня, калининградская студентка. Умоляла общую подругу Вику нас познакомить. Она, представляете, жить не может без нашей программы, как домохозяйки девяностых без сериала «Дикая Роза». И мой приезд для неё — как явление Вероники Кастро советскому народу. Да, мне, чёрт возьми, стало приятно. И да, я взяла её с собой в гости к призраку.

— Ну про порчу ты не очень-то верь, — успокоила я Аню — это Юля снимала, а ей страну напугать — всё равно что со мной по телефону потрепаться. Любит она это дело. А ты веришь. Юлька ещё лично знает женщину, которая придумала венец безбрачия. Только тсс, это тайна. Эту тётку ещё сотня журналистов снимет.

— Зачем?

— Так вы же смотрите! А нам это главное. Чтоб смотрели. Рейтинги. Всё очень...

— АААААААААААААААААААА!!!!!!!!!!!!!!

Визг тормозов. Гляжу я на оператора своего, Серёгу, и понять не могу. Из всех сил мозги напрягаю, и всё равно не сообразить. Это где ж в Балтийске растёт та трава, которой надо накуриться, чтобы с улыбкой зоопарковской мартышки на устах, дедолайтами (15 кило) в одной руке и камерой (6000\$) в другой танцевать танец маленьких лебедей прямо под колёсами военного газика. И главное, вот КОГДА он успел? Надо было видеть голубые глаза старлей, выпученные фары газика, искры из-под колёс от резкого торможения и слышать беззвучный мат матроса-водителя. И уж конечно, все (старлей, матрос, газик, Серёга и Аня) устали на меня.

Я лучезарно улыбнулась и развела руками — москвичи, мол, что с нас взять. Старлей тоже улыбнулся. Понимающе. И камуфляжный газик унёсся вдаль, обдав нас на прощание выхлопными газами. От такой романтики аж сердце защемило. Эх, нет на свете машины роднее и краше газика. А всех балтийских моряков я за братьев считаю. Ага. Пятиуродных. Я печально посмотрела им вслед и только потом — на Серёгу.

Рот до ушей, глаза стеклянные и в разные стороны глядят. Хорошо хоть танцевать перестал. Вот что теперь делать? Как его такого на косу к призраку переправлять? И что он

мне там наснимает?

Как говорил мой папа, будучи замначальника той дивизии, куда унёсся газик, с точки зрения военной стратегии, решение должно быть принято немедленно. Не важно, какое, даже если неверное. А если сомневаться будешь, вообще про... всё на свете. И я решаю тащить всех на пристань. В крайнем случае, буду снимать САМА. Чем я хуже Серёги?

К тому же, Аня сказала, что это не трава вовсе, а совсем даже коньяк «Старый Кёнигсберг». А это чудо на калининградской земле в каждом встречном ларьке растёт. Где уж тут устоять? Нализался. А я не углядела.

Зато мы вовремя углядели паром и вполне себе благополучно на него погрузились. По моим расчетам, от солёного балтийского ветра Сергей, чтоб его, должен был слегка оклематься. А ветер что надо был — пробирал до костей. Мы с Анютой стояли, облокотившись на борт, и смотрели на маяк. На памятник Петру (герой каждой открытки) и на другой, облезлый и забытый. И всё равно самый-самый красивый. Памятник женщине с ребёнком на руках, провожающей в дальнее плавание корабля. Думалось о детстве, само собой. И о том, как мечтала стать женой балтийского моряка. А стала московской журналисткой. И сама теперь куда-то плыву. С пьяным в дрова оператором. Кстати, будь у меня с собой дрова, я развела б костёр прямо среди парома. Зубы стучали, как у голодного Щелкунчика. Толстенный серый свитер и любимая куртка-аляска не грели совсем.

— Хочешь глотнуть? — шепнула Аня. И полезла в карман. И там, естественно, обнаружилась крохотная бутылка «Старого Кёнигсберга».

— Я н-н-на съё-м-мках н-не п-п-пью, — отважно выстукиваю я, дрожа каждой мурашкой.

— Смотри, заболеешь, — проявила заботу телезрительница.

Серёга действительно слегка оклемался и даже начал снимать. Правда, не морские пейзажи. А почему-то пока только меня на фоне моря. Но я всё равно обрадовалась. Процесс идёт!

— Посмотри вдаль, — командует. — И перестань зубами стучать. А теперь повернись немного и опусти глаза вниз.

Я послушно смотрю на палубу.

— Да не туда! ВНИЗ! Где у мужика х...

Мой морской чёртик (редкий вид, живёт между сердцем и желудком у офицерских дочек — ну или только у меня, не знаю) проснулся. Проснулся и сразу впал в бешенство. Сейчас. Я. Двину. Этой. Пьяной. Сволочи. Вздумавшей снимать эротику. Вместо. Призраков. В лучших. Морских. Традициях. Не будь я дочь адмирала, тысяча чертей! За бортом он мигом протрезвеет. Эх, восемь человек на сундук мертвеца и бутылку...

— Рому!

— У нас только коньяк.

Приятное тепло разлилось по телу. Волосы трепал ветер Балтики. Швырять за борт этого сухопутного лоха я пока не стала. В конце концов, он может и не выплыть, а ведь кто-то должен таскать аппаратуру. Через две минуты мы сошли на берег.

Балтийская коса — это вам не центр Москвы, но мне удалось-таки найти машину. Волгу. Старше меня на пару-тройку лет (а может, и на пять вообще-то, просто выглядит хорошо).

— До крепости довезёте? — поинтересовалась я тем же бойким тоном, коим кричу нерусским извозчикам на Алексеевской: «До телецентра!». Ко мне робко повернулось чисто

славянское лицо. Лыжная шапочка, щетина и два серых глаза. Не хитрых, совсем даже. Застенчивых, между прочим.

— Конечно, вот только... — это ЕДИНСТВЕННАЯ машина на пристани. Если о заявит, что бензина, скажем, нет, куковать нам тут до следующего парома. А в случае сильных волн — до завтрашнего утра. — Вот только... Не могли бы вы мне немного заплатить?

— Сколько? — интересуюсь. Сейчас, конечно, сдерёт три шкуры. А вот фиг ему. Больше шпуки не дам из принципа. Ах, как я буду торговаться! На пару со своим морским чёртиком.

— Сто рублей.

О-чу-меть. Задыхаюсь. От обиды. За нищих и скромных земляков. И решаю заплатить пятьсот. Но потом. Сейчас нельзя. Потому как откажется ведь.

Дорога мимо леса. На косе нет школы. Больницы. А есть заброшенный военный аэродром, магазин на пристани и несколько покосившихся деревянных домиков. Водитель Костя раньше был военным лётчиком, а теперь открыл гостевой дом. В смысле, он пускает к себе в гости уставших от жизни москвичей. Удобства, понятно, во дворе. Но ведь чудо же! Заброшенный остров посреди Балтийского моря, на краю страны. Паромы ходят только в хорошую погоду. А в плохую они живут здесь как Робинзоны. Плохая бывает чаще. И мой морской чёртик прекрасно чувствует, что сегодняшней ветер запросто может кончиться хорошим. Хорошим штормовым предупреждением.

— А вы что снимать будете? — любопытствует владелец «отеля».

— Ну призрака. Который в крепости живёт.

— А-а, призрака. Ну так мы с женой его знаем!

— Правда? Замечательно. Вот сейчас вы нам всё и расскажете. Серёга, ставь штатив, включай камеру!

Заглядываю в видеоискатель. Хм. Вполне себе нормальный кадр. Таинственная крепость из красного кирпича грозно возвышается над кустами ежевики. Абориген в калошах и со щетиной серьёзно так вещает о своих встречах с привидением. Да наши московские теленеженки умрут от зависти!

— Ходит к нам часто. И двери открывает, и топчется. И я слышу, и жена, и дети...

Серёга аж протрезвел от такого успеха. Всё-таки азарт телевизионщика оказался в нём сильнее «Старого Кёнигсберга».

— Я сейчас всё сниму! Ждите здесь!

Вскочил на крепостную стену вместе с камерой и исчез из вида. Мы остались караулить технику. От кого, непонятно, правда. Местных жителей — один Костя, да и тот домой ушёл, велел заходить, ежели что. Но только так уж положено. Нельзя телевизионное оборудование без присмотра оставлять.

Прошло полчаса. Ну ладно, пусть снимает. Хочу много красивых морских пейзажей.

Потом ещё полчаса. И ещё. Световой день закончился. Теперь снимать нельзя, монтажёры просто выкинут кассету. Где оператор, спрашивается?

— Может, пойдём его поищем? — робко предложила Аня.

Вот знаете, если у вас есть сомнения, что в крепости водятся привидения, так это потому лишь, что вас с нами не было. Не ступали вы по шатким кирпичам, не карабкались на крепостную стену, не слышали зловеший грохот волн с той стороны... Не звали жалобно и тоненько:

— Серёга! Вернись! Всё-всё простим! Вернись только...

— Может, они встретились, с призраком? — всхлипнула Аня.

Другого объяснения в голову просто не приходило. Крепость — замкнутая окружность. С единственным входом — у него мы с Анькой дежурили. С другой стороны — море. Нигде внутри Серёги нет...

Мы нашли его. На камнях. По ту сторону крепости. Я до сих пор не знаю, как он туда попал и почему не угодил под волну. Он лежал без движения с открытыми стеклянными глазами.

— А! Ма-мочки!!! — пискнула Аня.

Меня предупреждали. Вика Цыганова и муж её Вадим. Когда я снимала сюжет о призраке в их старой квартире. Говорили, что привидения ПРАВДА бывают, и гнев их страшен.

— Кто здесь, — прохрипел вдруг труп моего оператора. И только тут я уловила запах коньяка.

Как мы тащили Серёгу через стены назад на косу — отдельная история. Скажу только, что к моменту воссоединения со штативом я ему завидовала. Потому что штатив домой понесут. Кстати.... КТО???

— Как мы всё это потащим?

Серёга на ногах не стоял. А мы поднять чемодан с телевизионным светом могли только вдвоём. Но тогда падал оператор.

Через полчаса нечеловеческих усилий нам были посланы ангелы. Два парня лет восьми в болоньевых куртках. Нет, я против того, чтобы использовать детский труд, но тут... Парни получили по двести рублей за то, что доставили нас в «отель» к Косте. Костя поил нас кофе. Зашнуровывал этому козлу ботинки. Водил его в туалет. И буквально загрузил нас вместе с дедолайтами на паром.

Спокойно я вздохнула только в Балтийске. Когда усадила всех (Серёгу, Аню и камеру) за стол. И заказала всем кофе. А сама вышла позвонить одному местному учёному — специалисту по призракам.

Когда я вернулась, Серёги не было. Я набрала его номер. Сбросил. Ну, живой, значит. От меня впервые в жизни ушёл оператор. Ага.

С тех самых пор и до конца командировки я его не видела. Начальники в Москве стояли на ушах. Голос пропал напрочь (от такого-то ветра), но я прохрипела в трубку, что справлюсь. Это ж мой город. Главное, аппаратура при мне.

В десять утра уже снимала. Однокурсники подкинули мне нового оператора, местного. И в десять сорок пять я его даже узнала. Юра. С ним мы тоже на ГТРК вместе работали. И в общем, всё как надо. Подвалы Королевского замка, привидение в Кафедральном соборе, шкатулка мага-масона, святилище древних Пруссов. На пятый день про нашу экспедицию я прочитала в «Комсомолке». Охотники за привидениями, не просто так. Вот только все наши транспортные остались у Серёги. У меня — только суточные. И теперь приходилось экономить.

Дверь в Серёгин номер была закрыта. Но горничная уверяла, что он там. Открывать отказывалась. Тогда я подружилась с начальником охраны. Он тоже сначала отказывался, но после сотой мольбы открыл мне страшную тайну. Оказывается, во всех номерах есть ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ (вы представляете, какой тут собирают компромат на гостей города). Директор гостиницы открыла мне дверь в последний день. Серёга лежал на кровати с открытыми глазами в окружении бутылок из-под «Старого Кёнигсберга». От злости у меня

появились силы, и я как-то сумела запихнуть эту стокилограммовую тушу в машину.

Но в аэропорту он упал. Нас, естественно, сняли с рейса. Два часа ночи.

— Впрочем, ВЫ можете лететь, — сказал мне начальник смены. — А мы ждём скорую и милицию.

И тут я всё-таки заревела. Если я его здесь оставлю, он станет бомжом. Сто процентов. Если я здесь останусь, руководство повесится. Потому что вся Калининградская экспедиция (десять сюжетов, десять — вместо семи) лежит у меня в сумочке. От этих десяти крошечных кассет зависит карьера людей, которые тут ни при чём. Вот что бы вы сделали? Я разбудила исполнительного продюсера.

— Отдай ему все деньги, что у тебя есть и улетай, — посоветовал он.

— У меня есть сто рублей...

Дальше? Меня в очередной раз спасли красивые глаза. Начальник смены — кудрявый Кирилл — лично нарушил все инструкции. В смысле, усадил чрезвычайно пьяного двухметрового пассажира в кресло.

— Девушка, как ваша фамилия? — спросил он на прощание, стоя у трапа.

— Земляникина.

— Я найду вас «В контакте». Я хочу сказать, что вы очень хороший человек. Я вами восхищаюсь.

Когда я сдала аппаратуру и вышла из «Останкино», уже светало. Спасённый Серёга сидел на лавочке.

— Наверное, ты никогда этого не поймёшь, — со вздохом сказал он мне. — Но в прошлой жизни я был немцем. Стоял у истоков немецкого телевидения и встречался с сестрой Геббельса. И вот когда попал в Восточную Пруссию, сразу всё вспомнил.

Так вот. Ну что тут ещё сказать?

На меня навалилась дикая, нечеловеческая усталость. Это магическое для телевизионщика слово СОН. Заслужила. Водитель, наслышанный о моих приключениях, отвёз меня домой — на окраину окраины Москвы.

Главный редактор позвонил и сказал: «Вы совершили журналистский подвиг. Не каждому удаётся пережить такое за всю телевизионную карьеру». Прямо так и сказал. Ага.

Засыпая, я думала, что завтра уже не надо будет таскать дедолайты и гнаться за призраками. И вместо джинсов и свитера я надену мини-юбку. И горло вылечу. Горячим американо в «Максе». Всё, съёмки теперь — два раза в неделю и в Москве. Как положено.

И всё бы, наверное, так и было но... Завтра, естественно, начались приключения.

Из всех моих чаяний и надежд сбылась, как обычно, только одна: американо в «Максе» был по-прежнему горячим и таким же вкусным, каким я его помнила. Я успела сделать пару волшебных глотков, и... тут меня кто-то толкнул. Сильно и бесцеремонно.

Одно хорошо: кофе оказался не на моей белоснежной рубашке с широким поясом, а на костюме толкнувшего.

— Ах, простите, это я виноват! — довольно приятный мужчина лет сорока. Безупречная стрижка, золотые запонки, идеальные коронки. Должно быть, какой-то чиновник, приглашенный экспертом на ток-шоу. Не повезло ему.

— Да ладно, — махнула я рукой. — к тому же, вы пострадали от столкновения гораздо больше меня.

Он благодарно улыбнулся, и через три минуты принес мне новую кружку американо. Как только угадал? Должно быть, спросил у бармена. Меня тут все знают.

Я поблагодарила, взяла кружку и заглянула в захваченный с собой из редакции листочек с новой темой. Дальше оттягивать было просто невозможно.

Знаменитый актер Банин, пьяница и дебошир, и его бывшая жена делят между собой трехлетнюю дочку. Все бы ничего, но все герои будущего репортажа дружно отказались давать интервью.

Сам Банин вообще сказал, что журналисты — это в Багдаде под пулями. А мы так, стервятники.

Что же делать, если в Багдад меня пока никто не отправляет? Вот как-то раз послали в дальневосточную тайгу, так я, вроде, неплохо справилась.

В нашей редакции существует негласное правило: можно представиться герою кем угодно — хоть соседом по подъезду, хоть двоюродной сестрой его бабушки. Лишь бы добыть нужную информацию.

В итоге я выяснила, что Банин некоторое время назад был членом жюри провинциального кинофестиваля. Тогда я, изменив голос, чтобы он не дай Бог не признал ту, кого он совсем недавно обозвал стервятницей, позвонила ему и сообщила, что снимаю фильм об этом самом фестивале и мне просто необходимо знать мнение Банина о конкурсных фильмах.

Назначила ему встречу в кафе, куда явилась с оператором, и между делом, разумеется, задала Антону Банину несколько вопросов о его прелестной маленькой дочке. На два из них он даже ответил, чисто машинально. Опытный оператор все это, разумеется, запечатлел, и подал мне знак рукой — мол, есть, снято. И тогда я задала актеру в лоб вопрос о его бывшей жене. Тот, разумеется, рассвирепел, и это тоже осталось на пленке. Теперь у нас полный комплект. Но Банин, конечно, обо всем догадался.

— Вы кто такие вообще?! Какие, нафиг, дневники кинофестиваля?! Вы самая настоящая желтая пресса! Я вас отсюда не выпущу, пока вы не отдадите мне кассету.

И он преградил нам выход с террасы своим, правда, не слишком мощным, телом.

Оператор среагировал мгновенно. Он слегка толкнул Банина, не ожидавшего, несмотря на сложившееся положение, физического воздействия, и рванул вперед. Я ужом проскользнула за ним. Едва запрыгнув в машину, мы в один голос заорали водителю:

— Мотаем!!! — как будто банк ограбили, честное слово.

Ему ничего не надо было объяснять. Он знал свою работу, и через пять минут мы были на полпути к «Останкино». А несчастному Антону Банину оставалось только гадать, в какой программе на самом деле выйдет эксклюзивное интервью, которое он совсем не собирался давать. Думаю, если б он знал, что оно выйдет в новостях, Банину было бы немного легче.

Когда я неслась по транспортному коридору, прижимая кассету с вожделенным эксклюзивом к сердцу, кто-то окликнул меня.

— Пойдите!

Я оглянулась. За мной бежал тот самый мужчина, который утром опрокинул мою чашку с кофе. Костюм на нем был другой. Значит, я ошиблась. Он не депутат. Он из местных, из телевизионщиков.

— Пойдите. Я только знаю, то вас зовут Ася. И больше ничего! Скажите хотя бы, из какой вы редакции.

— С недавних пор я работаю в новостях.

Честно говоря, я была в шоке. Неужели этот взрослый, солидный мужчина бежал за мной по коридору, только чтобы выяснить, где я работаю?

— Меня зовут Максим, — улыбнулся новый знакомый и протянул мне руку. — Будем знакомы. Уверен, не раз еще увидимся.

Значит, точно из наших.

Максим скрылся за следующим поворотом и я, разумеется, тут же забыла о его существовании.

Итак, теперь настал черед бывшей жены Банина, Юлианны. Я так и не смогла придумать, под каким предлогом договориться о встрече с ней. Я звонила трижды. От трех разных телеканалов. Она всем отказала.

Тогда мне дали скрытую камеру, встроенную в крошечную сумочку, и отправили в командировку в Питер. Без интервью Юлианны и ее адвоката велели не возвращаться.

Как же это странно — приехать в командировку в город, где ты не просто жила — выживала. Училась, работала, влюблялась, заводила друзей. Еще не прошло и года, как мы с Маришкой и Сержем живем в Москве. Да и не так уж шикарно живем — в съемной за проходной комнате на окраине города. Но мне казалось, что за эти месяцы пронеслась вечность. Я чувствовала себя совсем другой — взрослой и успешной. Теперь я — корреспондент новостей центрального канала. А это значит — лучший поезд, лучшая гостиница, лучшие рестораны. Все за счет компании.

Мы с оператором жили в роскошном мини-отеле на Невском. В моем номере была даже ванна джакузи.

Как всегда моросил дождь. Как всегда я бесстрашно гуляла без зонта и холодные капли лишь добавляли эйфории. Впервые в жизни я расправила крылья и чувствовала себя победительницей. А ведь еще совсем недавно я и не подозревала, что у меня в принципе есть крылья.

Как же приятно вернуться в город, с которым столько связано, в новом качестве!

Успех — сильнейший наркотик. Однажды взяв высокую планку, необходимо во что бы то ни стало удержаться на этом уровне. И ради этого я была готова работать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю на пределе своих возможностей. Но двигаться вперед позволяли лишь запредельные достижения. Сюжет про актера Банина как раз таким и был. Неснимаемым. Наверное, поэтому он и достался мне.

Я решила начать с адвоката. Явилась к нему под видом клиентки. Сочинила историю,

как две капли воды похожую на историю Юлианны. Бла-бла-бла, я развожусь с мужем, он отбирает у меня сына. А моя мама знакома с мамой Юлианны, они нам вас и посоветовали. Сумочку с камерой я внаглую водрузила прямо на стол.

Через час адвокат «раскололся». То есть сказал.

— Ну, у вас такая история, а у Юлианны, у нее...

И он рассказал все, что мне было нужно. А скрытая камера записала. А на выходе из его кабинета я нос к носу столкнулась с Юлианной.

Потом мы битый час караулили ее в питерской подворотне и... напрасно. Мы ее упустили. Очевидно, у адвокатской конторы имелся и другой выход. А мы упустили героиню.

Где теперь ее искать, было совершенно непонятно. По адресу прописки она давным-давно не проживала. Но был телефон. К которому барышня все еще подходила.

Я проехала по всем местам, где она успела засветиться. Но все, что удалось выяснить — это то, что актерский диплом у нее поддельный.

Тогда я позвонила ей и представилась ассистентом режиссера киностудии. И она клюнула. Мы договорились о встрече в кафе. Чтобы девушка меня не узнала, ведь мы столкнулись тогда у адвоката, требовалась изменить внешность. Как хорошо, что я все знаю в этом городе!

Мы отправились на китайский рынок и там за пятьсот рублей приобрели для меня новый прикид. Вместо джинсов и куртки — длинное платье и шаль, вместо распущенных волос — собранные. На пол-лица очки-хамелеоны. Все, что осталось прежним — маленькая сумочка со скрытой камерой.

Требовалось быть очень осторожной. Второго шанса с этой неуловимой Юлианной может и не представиться.

Я долго и нудно рассказывала ей про «проект», потом задавала ей вопросы обо всем на свете, кроме того, что и в самом деле меня интересовало. А потом сказала:

— Все, чего я опасюсь, это что шумиха вокруг вашего имени повредит нашему проекту.

И тогда Юлианна сказала:

— Да зачем я вообще вышла замуж за этого Банина...

И рассказала мне обо всех подробностях скандального развода.

А на прощание призналась:

— Знаете, журналисты такие смешные... Звонят из всяких желтых программ и чуть ли не «Нэшнл Географик представляются». Думают, что я идиотка.

Я вовсе не думала, что Юлианна идиотка. Просто на сей раз я ее переиграла.

После эфира я получила от нее письмо с проклятиями. Она обвиняла меня в том, что я наглым образом влезла в ее частную жизнь. Я показала письмо шеф-редактору.

Света сказала:

— Если человек решил стать звездой, то он тем самым подписался на то, что к его жизни всегда будут проявлять интерес журналисты. Собственно, ради этого звездами и становятся. Кстати, за твои подвиги выпишем тебе премию.

— А можно вместо премии просьбу?

Я давно уже об этом думала. Похоже, момент как раз подходящий.

— Ты в своем репертуаре, Земляникина, — вздохнула Света. Она сняла очки и принялась легонько постукивать ими по столу. — Ну что ж, слушаю. Но заранее ничего не обещаю.

— Я слышала, что к нам в новости сейчас ищут корреспондента.

— Мужчину с большим опытом в новостях и безупречными рекомендациями, — сразу внесла ясность Света.

— У меня есть друг. Он очень талантливый. Настоящий репортер. Можно ему хотя бы попробовать? Снять тестовый сюжет?

— Как зовут?

— Олег Дворнягин.

— Не слышала такого.

Я не стала уточнять, что программа, где работает Олег, выходит рано утром в субботу.

— Я уверена, что наша редакция от этого только выиграет. Да и тебе будет выгодно иметь на новом месте еще одного... своего человека.

Света хмыкнула.

— Слушай, Земляникина, а не слишком ли много твоих друзей в одной редакции? Тебе мало того, что твоя Женя работает здесь продюсером? Даже я со своими друзьями только в «Максе» пересекаюсь.

Я опустила глаза, изображая смущение. Ну что ж, попытка не пытка. И тут она вдруг сказала:

— Я поговорю с главным. Завтра после планерки.

Бедняге Олегу пришлось снять не один, а целых три пробных сюжета. Наш главный сомневался до последнего, но Света, надо отдать ей должное, стояла стеной. И, в конце концов, победила. Дворнягину подстригли волосы и назначили испытательный срок полгода. Но главное, теперь мы снова были коллегами — корреспондентами новостей.

После того, как Олег подписал контракт, Света сказала:

— Для того, чтобы вас, господин Дворнягин, приняли на работу, в редакции пришлось создать новый отдел.

— Какой отдел? — спросили мы с Олежкой в один голос.

— Отдел новостей шоу-бизнеса, — пояснила начальница. — Раз вы такие друзья, будете работать вместе. Женя — продюсер, вы двое — корреспонденты.

Дворнягин сиял. Еще бы, ведь он два года проработал со звездами на спутниковом канале, и со многими из них был на короткой ноге.

Женя радовалась, что теперь ей придется работать только с нами. В новостях полно пафосных корреспондентов вдвое нас старше, которые просто всерьез не воспринимали молодого продюсера. К тому же она, хрупкая блондиночка, выглядела еще моложе своих лет. В полевой работе ей это всегда помогало, а вот в редакционной стало серьезной помехой.

Я не знала, радоваться или огорчаться. Работа со звездами... Пожалуй, я о дикой природе Приморья и призраках Кенигсберга знаю куда больше.

— Сегодня ровно в одиннадцать втроем подниметесь к главному, и он объявит обо всем официально, — продолжала Света.

В кабинете нашего биг босса уже был посетитель. Стоило нам постучаться, как он распрощался и направился к двери. Я едва не вскрикнула от неожиданности. Это был Максим. Тот самый мужик, которого я облила кофе. То есть, он сам был виноват. Словом, неважно. Главное, это был он. Поравнявшись со мной, Максим подмигнул, но так, чтобы никто больше не видел.

— Ну что, молодежь. Я так понимаю, Света уже немного ввела вас в курс дела, — сказал главный редактор службы информации Виктор Алексеевич, когда мы расположились за длинным столом. — Решено сформировать из вас новый отдел, который будет заниматься исключительно громкими делами, связанными со звездами шоу-бизнеса. Каждый новый сюжет — собственное расследование программы. Каждый материал — эксклюзив на грани фола. Что-то вроде твоего Банина, — он кивнул мне, — кстати, молодец.

— Спасибо, — улыбнулась я. На похвалу главного даже и не рассчитывала.

— Отдел пока будет существовать неофициально, в тестовом режиме. Посмотрим, что у вас получится. Мне вас троих рекомендовали уважаемые мной люди. Надеюсь, не подведете?

— Будем стараться изо всех сил! — подал голос Дворнягин.

Мы с Женькой усиленно закивали.

— Ну, тогда удачи вам! — сказал главный редактор и пожал каждому руку.

Мы едва успели добежать до нашей любимой курилки под лестницей. Так хотелось скорее все обсудить.

— Самая большая неожиданность это то, что мы там Мерцалова встретили, — глаза Олега сверкали. — Всегда мечтал его увидеть.

— В смысле... Ты Максима что ли имеешь в виду? — не поняла я. — А чем он так знаменит?

Дворнягин выбросил сигарету, сделал страшные глаза, покачал головой и посмотрел на меня, как на умалишенную.

— Земляникина, ну если для тебя он Ма-а-аксим, то я не знаю, что ты тут с нами, простыми смертными, делаешь. Почему до сих пор не ведешь авторскую программу в прайм-тайм?

Настал мой черед удивляться.

— Слушайте, а он вообще кто?

— Генеральный директор Тринадцатого канала, вообще-то, — эхом отозвалась Женька. По всему было видно, что подруга тоже от меня в шоке. — Ну, еще ведущий дико популярной аналитической программы «Только факты», о которой ты, вероятно, ничего не слышала, несмотря на бешеные рейтинги.

— Слышать-то слышала, но ни разу не смотрела, — призналась я. — Вы же знаете, мы телек не смотрим...

— ...Мы на нем работаем, — хором закончили друзья.

— Рассказывай уже, откуда знаешь Мерцалова! — потребовал Дворнягин. — Не томи!

— Просто однажды я облила его кофе в «Максе»...

Друзья слушали мой рассказ, как замороженные. Для них знаменитый Максим Мерцалов, в котором я не признала руководителя крупного канала и знаменитого ведущего, был недостижимым кумиром. Вообще-то телевизионщики избалованы общением со звездами. Чтобы произвести на них впечатление, нужно быть не просто знаменитостью, а человеком совершенно незаурядным. А лучше всего — телевизионным топ-менеджером. Как и все смертные, сотрудники телевидения начальников боятся и уважают.

— Кстати, он не женат. Я читала в «Википедии», — заявила Женя.

Я перевела взгляд на Олега.

— И точно не из наших, — покачал головой Дворнягин. — Такой шанс выпадает раз в жизни. Хотя в этот раз не тормози, Земляникина, я тебя прошу. Не про... очередного принца. И все будем в шоколаде.

— Ты, главное, нас не забудь, если станешь женой руководителя канала, — рассмеялась Женька.

— Вы что, с ума посходили? Он только спросил, где я работаю, и подмигнул при встрече. Это абсолютно ничего не значит. И вообще — нам пора в редакцию обсуждать темы и снимать мега-эксклюзивы. Иначе наше собственное начальство нам головы открутит.

К обеду длинный список возможных блокбастеров был успешно составлен и передан на рассмотрение руководству. Вечером нам его вернули. Ну конечно, наши шефы выбрали самые невероятные расследования, некоторые из которых мы вообще вписали для украшения списка. Понятно же, что снять такое невозможно. Но нашего юмора никто не оценил. Стало понятно, что игрушки кончились. У нас есть настоящее взрослое дело. И мы его либо провалим, либо справимся.

— Первая тема — новая квартира Примадонны! — объявила Света.

Дворнягин не удержался и присвистнул. Нам ни за что это не снять!

Эту тему мы откопали в желтой газете «Жесть, как она есть». Сообщалось, что молодой муж неувядающей королевы российской эстрады преподнес ей в подарок не какую-нибудь ерунду, а квартиру в центре столицы, в Старокаменном переулке. От нас требовалось ни

много ни мало — найти и снять эту квартиру.

И это при том, что Примадонна последние десять лет интервью практически не дает. Лишь один раз в году, накануне дня рождения, соглашается ответить избранным журналистам на несколько заранее утвержденных вопросов. Если кому-то удастся снять знаменитую певицу на мероприятии, да еще добиться от нее хоть пары слов — слава супермена гарантирована. За эксклюзивное интервью со звездой один центральный канал даже назначил премию — десять тысяч долларов.

А от нас требовалась попасть к ней в новую квартиру и снять обстановочку. Ага. Всего лишь.

Первым делом Дворнягин позвонил в «Жесть», где в отделе шоу-бизнеса работала его давняя знакомая. Через пятнадцать минут мы уже знали номер дома и то, что квартира находится не в Старокаменном переулке, а в Казарменном (оказывается, хитрые «жестянщики» решили намеренно запутать коллег). Но для Дворнягина какой-то Лиле ничего было не жалко. Но вот номера квартиры она, к сожалению, не знала. Зато была в курсе, что дом охраняет целая служба безопасности, и даже ушлые корреспонденты «Жести» не смогли проникнуть внутрь, как ни старались.

— Безднадега, безднадега, безднадега, — напевала себе под нос Женька.

— Будь добра, заткнись, — попросил Дворнягин. — И без тебя тошно. Вооруженные до зубов пункт секьюрити, через которых не смогла пролезть «Жесть», это очень плохо. Нас даже близко к этому дому не пустят... Эй, Земляникина, может, ты вылезешь из интернета и соизволишь поучаствовать в обсуждении, пока наш отдел шоу-бизнеса не накрылся медным тазом?!

— В дом мы зайдем, это точно, — откинулась на спинку кресла и посмотрела на друзей, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Как??? — спросили они в один голос и с надеждой воззрились на меня.

— Когда мы с Маришкой приехали в Москву, первым делом отправились снимать квартиру...

— Я тоже снимаю квартиру, и что? Девяносто процентов «Останкино» — приезжие. И как нас это спасет? — нервничал Дворнягин.

— Да очень просто! Мы скажем, что хотим снять квартиру в этом доме.

— А там сдаются квартиры? Надо бы узнать! — зашевелилась Женька.

— Я уже посмотрела. В этом нет, но в соседнем сдаются. С него и начнем. С собой возьмем скрытую камеру, разумеется.

— Отлично, — настроение Олега поменялось мгновенно. — Осталось придумать, под видом кого мы туда пойдем. Кто мы такие, что можем позволить себе снять роскошную квартиру в центре Москвы?

В тот день я едва успела на метро, зато легенда была разработана до мелочей.

Утром мы встретились с Дворнягиным на Лубянке. На мне был безупречный деловой костюм кремового цвета с короткой юбкой и прямым пиджаком, сшитый на заказ. Несколько лет назад папа шил новую парадную форму. Остался обрез, из которого кудесница из военного ателье сотворила этот безупречный деловой костюм. Такой стильный, что мне оборачивались вслед не только мужчины, но и женщины. Правда, ткани хватило лишь на короткую юбку, но это лишь украшало наряд, позволяя демонстрировать стройные ноги на высоких каблуках. Костюм долго ждал своего часа на вешалке — обычно я, как и большинство журналистов, носила на работу джинсовую одежду, а для официальных сюжетов, в кадр, надевала недорогие «одноразовые» пиджаки, которые не жалко потерять, запачкать, забыть в очередной гостинице. Но сегодня все иначе. Сегодня я секретарша олигарха, поэтому мне просто необходимо выглядеть респектабельно, сногшибательно, дорого и богато.

Передо мной затормозил огромный черный джип с тонированными, вопреки всем автомобильным правилам, стеклами. Так. Теперь еще от ухажеров придется отбиваться.

Но вопреки моим ожиданиям, из джипа выпрыгнул Дворнягин. Бренддовые джинсы, спортивный пиджак, светлые остроносые туфли и какие-то невероятные, очевидно, очень дорогие очки-хамелеоны. Ну пусть кто-нибудь попробует усомниться, что он сын олигарха, мажор и студент МГИМО!

— Ну со шмотками более-менее понятно, — ошарашенно произнесла я. — Насобирали по друзьям все лучшее и дорогое. Но машина... Где ты взял джип стоимостью в две моих квартиры?

— Тоже занял у знакомого, — рассмеялся Олег. — Садись скорее!

Я не без удовольствия забралась в роскошный автомобиль.

Очевидно, риэлтор, специализирующаяся на элитной недвижимости, тоже считала, что должна демонстрировать апартаменты олигархам и их не менее пафосным родственникам во всем самом лучшем. А может, просто искала богатого мужа. Так или иначе, она встретила нас в ярко-красном брючном костюме с жемчужными серьгами в ушах. Ничто в этой холеной даме не напоминало Анфису, которая несколько месяцев назад помогла нам с Маришкой снять свою первую комнату в столице.

— Денис, — представился Олег. — Мы ищем квартиру по заданию моего папы. Сам папа сейчас в Лондоне, по делам. Поэтому мы будем все снимать на видеокамеру, а потом отправим ему по интернету. И он уже примет решение. Вы не против?

— Нет конечно, — пожал плечами риэлтор Мария.

Я перевела дух. Этот трюк с камерой и папой в Лондоне мы придумали вчера. На плече у меня висела маленькая сумочка со встроенной скрытой камерой, так что видео получилось бы в любом случае, но съемка в открытую на мощную, хоть и небольшую камеру — совсем другое дело. Это возможность снять репортаж так, что кадры не отличишь от работы профессионального оператора.

Так, теперь мой черед вступать в игру:

— Я секретарь господина Воропаева, Марина, — чтобы не запутаться решено было использовать фамилию моего бывшего и имя лучшей подруги. Богатых людей в Москве очень много, всех не упомнишь, так что фамилию можно смело назвать любую. Главное,

врать уверенно. — Он ищет квартиру для своего друга, сенатора. К сожалению, я не могу назвать его имя, но он очень, очень известный человек. Мой начальник всегда рад видеть его в своем доме на Рублевке, но вот беда — тому не нравится жить за городом. Поэтому решено для дорогого гостя арендовать квартиру в центре!

— А знаете, почему мы выбрали ваш дом? — по-детски спросил Дворнягин. Сейчас он и правда был похож на студента-мажора. — Он узнал, что в соседнем доме купила квартиру его любимая певица, Примадонна. Вы ничего об этом не слышали? Точнее, муж ей подарил. Так вот, папин друг очень хочет жить по соседству со звездой.

Дворнягин, говоря это, не забывал снимать на видео подъезд. Моя камера на всякий случай была нацелена на Марию. Вдруг она сейчас скажет, что в курсе?

— Честно говоря, я ничего об этом не знаю, — призналась риэлтор.

— А вы не знаете, может быть, есть возможность снять квартиру именно в соседнем доме? — я решила так просто не сдаваться. Расследование только началось! — Дело в том, что мы не нашли ничего там, только здесь. Но, может быть, есть какие-то закрытые профессиональные базы...

— Папа сказал, что если мы найдем что-то действительно хорошее и подходящее, он готов даже рассмотреть вариант покупки, — пришел на помощь Олег.

— К сожалению, сейчас доступен только один вариант, и только аренда. Квартира небольшая, четырехкомнатная. Та, что вы видели в объявлении. Если желаете, поднимемся и посмотрим.

— Желаем!!! — хором подтвердили мы с Дворнягиным.

Охранник, похожий на чемпиона мира по боевому самбо открыл перед нами металлическую дверь, настолько массивную, что она органично вписалась бы в интерьер тюремного изолятора. Когда мы прошли, секьюрити тут же доложил кому-то об этом по рации.

— Как вы видите, безопасность на высшем уровне, — лучезарно улыбнулась Мария. — В смене семь высококвалифицированных секьюрити, плюс сам начальник службы безопасности. Тут и комар не пролетит!

Я мысленно улыбнулась и поздравила себя с первой победой. Мы попали в дом, минуя все преграды. Пусть это даже соседний дом.

Квартира была и вправду хороша — просторная кухня, столовая, длинный коридор, светлые комнаты. Мария сказала, что принадлежит элитная недвижимость адвокату. И сдает он ее потому, что вместе с женой и тремя детьми решил переехать в дом на Рублево-Успенском шоссе. Судя по семейным фотографиям, расставленным по всей квартире, хозяин больше походил на криминального авторитета, чем на адвоката. Впрочем, возможно, у него есть юридическое образование.

— Папа, мы проверили, квартира хорошая!!! — для правдоподобности крикнул Олежка в камеру. На монтаже это, конечно же, вырежут.

— У вас не будет с этой квартирой никаких проблем, — поспешила подтвердить Мария. И ТСЖ тут отличное. Сейчас я вас познакомлю с председателем.

Председателем оказался подтянутый пенсионер с роскошной седой шевелюрой. Едва завидев нас, он принялся нахваливать свой образцовый дом.

— Ну вот мы все-таки еще сомневаемся, какой дом лучше, этот или соседний, — подлил масла в огонь Дворнягин.

— Вы с ума сошли, — всплеснул руками председатель. — Вы знаете, какие там дыры в

стенах? Нет? Ну так пойдёмте, я вам покажу.

И он потащил нас с Олегом к дому Примадонны.

Мы, конечно, не сильно сопротивлялись.

— Вот, видите, какие тут щели? — тыкал он пальцами в цокольный этаж дома Примадонны.

Я щелей, честно говоря, так и не смогла различить, но то, что мы ещё на шаг приблизились к своей цели, не вызвав подозрений, не могло не радовать.

— Здравствуйте, Семен Владиславович, — поздоровался с председателем молодой невероятно широкоплечий мужчина в белой рубашке. — Чем занимаетесь, если не секрет?

— Да вот, показываю, что наш дом лучше. Молодые люди квартиру присматривают, не могут решить где.

Мужчина окинул нас с Дворнягиным оценивающим взглядом и, по всей видимости, остался доволен произведенным осмотром.

— Виктор, начальник службы безопасности, — представился он. — Вы купить или арендовать хотите?

— Очень приятно, Денис, — кивнул Олег.

— Марина, — влезла я. — Вообще, хотим арендовать, но если найдем действительно достойный вариант, готовы рассмотреть вариант покупки.

— Только, понимаете, нам бы желательно в этом доме, а не в соседнем, — добавил Дворнягин. — Я, конечно, понимаю, дыры в стенах и все такое. Но эта квартира для друга моего отца, который по долгу службы часто вынужден бывать в Москве. А он, представьте себе, фанат Примадонны. Как узнал, что ей в этом доме квартиру подарили, так теперь спит и видит жить по соседству.

— У вас есть время? — неожиданно поинтересовался Виктор.

— Сколько угодно! — заверила я.

— Есть тут одна квартира, она прямо над квартирой Примадонны, такая же по площади, планировка свободная. Владелец решил продавать, и его помощник, оставил мне ключи, чтобы показывать потенциальным покупателям. Если подождете, я сейчас ему позвоню, спрошу разрешения показать вам квартиру. Ну как, подождете?

— Конечно! — выпалил Дворнягин.

В такую удачу даже не верилось.

Мария распрощалась с нами, просив звонить, если нас заинтересует аренда квартиры адвоката. Но, судя по недовольному выражению лица риэлтора, она уже поняла, что секретарша миллионера и его сын нашли вариант поинтереснее.

Помощник соседа Примадонны ничего не имел против, и мы отправились осматривать квартиру, купить которую могут позволить себе разве что звезды эстрады и крупные бизнесмены. Она была совершенно пустой, без перегородок, но даже в таком виде поражала великолепием.

— Сейчас практически во всех квартирах идут строительные работы. Дом после капитального ремонта, — пояснил Виктор.

— Значит, у Примадонны тоже ремонт? — как бы между делом поинтересовался Олег.

— Конечно.

— А интересно, она сама контролирует работы?

— Приезжала несколько раз, — кивнул Виктор. — Но чаще все-таки муж. Кстати, если купите квартиру, я посоветую вам прораба. Того же, что у Примадонны.

— Правда?! — захлопала в ладоши я. — А можно с ним поговорить? Ну, чтобы хотя бы примерную стоимость ремонта прикинуть?

— Да не вопрос! — улыбнулся Виктор. — Он тут почти каждый день бывает. Пойду узнаю, приехал или нет. Побудете пока здесь?

Мы энергично закивали.

Знаете, Виктора можно понять. Из квартиры с голыми стенами и даже без перегородок выносить нечего. К тому же, без его помощи мы не сможем покинуть дом. Он же не знал, что то, что мы мечтаем отсюда вынести — жареные факты и эксклюзивные кадры для сенсационного репортажа. Начальник охраны и предположить такого не мог. Он видел перед собой стройную девушку в кремовом деловом костюме с маленькой сумочкой и одетого в бренды мальчика-мажора. Как только он вышел, Дворнягин шепнул мне на ухо:

— Эта квартира такая же по планировке. Мы можем сделать сюжет с этими кадрами, и никто не докажет, что это не квартира Примадонны.

— Я думала об этом, но... все же это не очень правильно. Мы должны попытаться.

— Пойдем хотя бы дверь снимем, — кивнул Олег.

Спустя минуту он уже снимал дверь квартиры Примадонны. А потом я догадалась ее толкнуть.

Удивительно, но дверь в апартаменты, в которые мечтал проникнуть каждый здравомыслящий репортер нашей большой страны, была не заперта. Очевидно, строители в течение дня часто сновали туда-сюда, вот и перестали пользоваться замком. К тому же, за металлическими дверями подъезда и под охраной мощной службы безопасности они не опасались непрошенных гостей. И напрасно.

— Ты на шухере, если вернется — отвлекай и уводи подальше, — сказал Дворнягин и исчез в недрах квартиры Примадонны.

Он успел все снять меньше, чем за три минуты. Профессионал. Вернулся Олег как раз вовремя. Когда он, запыхавшись, выключал камеру, на лестнице уже слышались шаги Виктора.

— Прораб здесь, только что приехал. Если хотите, можете с ним пообщаться.

Мы, конечно, захотели.

Его звали Стасом, и он оказался необычайно болтлив. Я исправно целилась в прораба сумочкой, и через пятнадцать минут на скрытую камеру были записаны все подробности ремонта квартиры Примадонны, а также подробности ремонта ее не менее знаменитого бывшего мужа, у которого прораб, оказывается, тоже успел поработать.

А пока он отходил раздать указания рабочим, я успела записать очаровательного таджика, который на ломаном русском рассказывал, как приезжала знаменитая певица и как она выходила из «бооольсой такой черной массы-ына».

Словом, мы сняли все, о чем могли мечтать. И даже больше.

Репортаж стал настоящей сенсацией. В нашем звездном блоке он, конечно же, шел первой новостью.

Света не переставала хвастаться коллегам с других каналов, что Дворнягин и Земляникина «на своей машине, без оператора, без профессиональной камеры вообще, просто поехали туда и сняли абсолютно всех».

Шеф на ближайшей планерке поздравил нас с почином. Первое серьезное дело нашей маленькой команды — и первый серьезный успех. Все это понимали. И даже маститые коллеги поглядывали на нас теперь скорее с интересом, чем с пренебрежением.

Но, как это обычно и бывает на телевидении, почивать на лаврах долго не пришлось. В понедельник после планерки мы снова сидели в «Максе», пили кофе и раздумывали, как будем снимать очередной сенсационный репортаж о том, что бывший муж Примадонны завел ребенка при помощи суррогатного материнства. Это тоже, разумеется, утверждала газета «Жесть». Но поскольку «Жесть» — это именно газета, ее корреспонденты могли написать статью на основании более-менее правдоподобных слухов. От нас же требовалось разыскать и новоявленную принцессу, и суррогатную мать. Ну, вы понимаете.

— Ну, эта миссия уж точно невыполнима, — вздохнула Женька. Она так всегда. Сначала ворчит и вздыхает, а потом вдруг делает такой ход, до которого другим продюсерам вовек не додуматься.

— Я звонил уже в «Жесть», но они не смогли мне сообщить больше того, что было в статье.

В статье речь шла о том, что малоизвестная певица родила в Америке дочь для Короля эстрады, бывшего мужа Примадонны. И что девочка была зачата при помощи искусственного оплодотворения.

— Кто-то идет, — вдруг быстро сказал Дворнягин и сделал вид, что очень увлечен своим планшетом.

Через секунду рядом с нашим столиком возник сам Максим Мерцалов.

— Добрый день! Разрешите поздравить вас с замечательным расследованием!

— Вы видели наш репортаж? — не поверил Олег.

— Ну разумеется. Не только видел, но и слышал самые лестные оценки коллег. Эх, жаль, что вы пока не мои сотрудники. Вас ждет большое будущее на телевидение. О чем мечтаете вообще?

— Женя хочет стать дорогим продюсером, я — руководить каналом, а Ася Земляникина хочет быть телезвездой, — как всегда ответил за всех Олег.

— Вам нравится работать в кадре? — мягко улыбнулся Мерцалов.

Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть.

— Тогда приходите ко мне на запись! Посмотрите, как я работаю в студии. Вам наверняка будет интересно, — неожиданно предложил Максим.

— Конечно... Я, я обязательно приду, если можно.

Предложение и впрямь было очень заманчивым.

— Тогда в пятницу в семь, четырнадцатая студия.

И он исчез, не забыв, как обычно, незаметно подмигнуть мне на прощание.

— Неужели мы правда такие крутые? — потрясенно спросила Женька, когда он отошел.

— Не без этого, — хмыкнул Олег. — Но что касается Мерцалова... Мне кажется, он просто запал на Земляникину.

Я ткнула его локтем в бок, а Женя сказала:

— Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Тогда я еще не понимала, что подруга имеет в виду.

Весь рабочий день мы провели в поисках контактных данных суррогатной матери. В конце концов, когда я уже склонялась к мысли, что этой певички в природе не существует, Женьке удалось раздобыть ее мобильник во Флориде. Более того, телефон работал, и девушка ответила на звонок. Но от интервью она, разумеется, напрочь отказалась. Как и следовало ожидать.

Женька сидела, сжав в руках трубку, и тихонько плакала. Она потратила день на то, чтобы разыскать особу, в подлинность существования которой еще даже не успели поверить центральные СМИ. Она знала, что история подлинная. Что это бомба. Что эта бомба практически у нас в руках. Но героиня просто отказалась давать интервью.

— Попробуй выбить мне командировку. И я добуду этот материал, вот увидишь.

Женя всхлипнула.

— Куда? В Майами? Ты смеешься? Командировки дальше Урала под запретом, все сюжеты в дальних регионах снимают корреспонденты местных телекомпаний за вознаграждение.

— Ну убеди их, что тут нужно не просто записать, а пролезть, выведать, возможно, снять на скрытку. Что там нужен наш специалист, — сказал Дворнягин.

— Даже если они согласятся... А они не согласятся выделить такую сумму на отдел, который существует без году неделя... Но даже если... В Штаты нужна виза. Хоть у одного из вас есть хотя бы загранпаспорт?

Мы с Олегом дружно замотали головами.

— Нас уволят, — резюмировала Женька.

— Но это же глупо! — возмутилась я. — Мы ее нашли, а снять уже дело техники!

— Сегодня мы нашли, а завтра Тринадцатый канал найдет. Или НТВ, что еще вероятнее.

Важно, не кто первый нашел, а кто первый снял, — грустно сказал Олег.

— Похоже, нам остается только одно — найти самого разумного из корреспондентов в Майами, с которыми работает канал, и попытаться разработать операцию с ним вместе. У нас должны быть толковые корреспонденты в Штатах.

Следующий час ушел на обзвон русских репортеров во Флориде по Жениной базе. Участвовать в расследовании и снимать скрытой камерой все напрочь отказались. Все были готовы подъехать на место и записать официальное интервью по договоренности, если героиня в конце концов согласится, но про слежку и сложные психологические трюки и слышать не хотели.

— Ребята, если вам нужен эксклюзив, летите за ним сами, — в конце концов выразил общую мысль один из репортеров-эмигрантов.

— Похоже, на расстоянии нам это не проверить, — вздохнула Женя. — Это конец. Они все отказались.

— И вовсе не конец, — усталым голосом сказала я. В голове только что родилась свежая идея, и интуиция подсказывала, что это именно то, что надо. — Послушайте, нам же не обязательно нужен репортер! Нам просто нужен толковый человек с хорошей камерой, который согласится реализовать наш план.

— О да, это существенно меняет дело. У меня лично полно толковых друзей в Майами, и все как один с классной техникой, — невесело усмехнулся Дворнягин. — А у тебя?

— А у меня один есть! — радостно заявила я. — Правда, не в Майами, а в Нью-Йорке но ведь попытка не пытка!

И я стала набирать номер. И как раньше не додумалась? Конечно, Ваня — гораздо лучше разленившихся корреспондентов, привыкших получать от нас по двести долларов за то, чтобы подъехать и записать интервью со звездой. За получасовую съемку, на которой в действительности корреспондент вообще не нужен. Ваня — мой друг детства. Тот самый внук бабушкиной соседки, с которым мы строили штабики в кустах сирени в Калининграде. Как и я, он, конечно, давно вырос, закончил местный технический вуз, а потом неожиданно решил получить второе образование по специальности «мультипликация» не где-нибудь, а в Нью-Йоркском университете. Этим летом он даже успел поработать в Голливуде, на знаменитой студии «ДримВоркс», той самой, где на свет появились «Шрек» и «Мадагаскар». Мы уже несколько лет не виделись с Ванькой, но почти ежедневно переписывались в социальных сетях, никогда не теряя друг друга из виду. Он гордился моими успехами, а я — его. Мы были почти как брат с сестрой.

— Хэллоу! — услышала я на том конце трубки. Как быстро, оказывается, можно приобрести американский акцент.

— Привет, это я. Ты в Нью-Йорке? — я спросила это тем же будничным тоном, каким обычно интересуюсь у Женьки с Олегом: «Вы сейчас в „Максе“? Я подойду?».

— Да, в Нью-Йорке! — он узнал и был рад.

— А можешь смотаться в Майами по одному делу? Очень-очень надо! Наша телекомпания заплатит двести долларов и компенсирует все транспортные расходы.

— Если тебе это надо, смотаюсь хоть в Мексику. А что надо делать?

Я улыбнулась до ушей и показала друзьям поднятый вверх большой палец.

— Представь, что ты музыкальный продюсер крутой американской студии...

На следующий день в реальность существования дочери Короля эстрады поверили решительно все. Потому что увидели малышку своими глазами. В новостях нашего телеканала.

— Мне кажется, если мы справились с этим заданием, мы можем управлять миром, честное слово, — ошарашенно говорила Женька.

— Ну, если вдуматься, то миром как раз и правят продюсеры. Просто называют они себя по-другому, — хмыкнул Дворнягин.

— А я вот думаю, какое задание нам дадут в следующий раз. Выкрасть для эфира диадему британской королевы? Пострелять из автомата лидера террористов?

— Похоже, мы становимся телевизионным спецназом, — сказал Олег.

В пятницу вечером я отправилась на запись авторской программы Максима Мерцалова.

На экране студия выглядит маленькой и уютной. В реальности это огромный холодный павильон, просто камеры и осветительные приборы направлены лишь на маленькую его часть.

Максим уже был здесь в окружении режиссеров, операторов, стилистов и гримеров. Наверное, только в этот момент я поняла, что он — действительно звезда. Ни больше ни меньше. Он заметил меня, кивнул и жестом попросил присесть на скамью у стены.

Мне хотелось оставаться в тени, за пределами освещенной площадки, внимательно следить за тем, что здесь происходит, запоминать каждую деталь. И мечтать... что когда-

нибудь я окажусь на его месте.

Стать ведущим на телевидении — все равно, что стать генералом в армии. Все мечтают, но далеко не каждому по силам.

— Мотор!

— Всем добрый вечер! В эфире программа «Только факты» и я, ее ведущий Максим Мерцалов. Сегодня в выпуске...

Дальше пойдут отбивка и анонс.

Команда работала слаженно, быстро записывая подводку за подводкой. Так называются комментарии ведущего в студии между сюжетами корреспондентов. Наконец главный режиссер, большой человек в камуфляжном жилете, поднял вверх огромную, похожую на лопату руку:

— Перерыв!

— Ася, иди сюда! — крикнул мне Мерцалов.

И тут все взгляды обратились на меня.

— Это Ася Земляникина, талантливый корреспондент новостей, а в будущем — талантливая ведущая, — представил меня Максим.

Его коллеги отреагировали сдержанно, без энтузиазма. На их лицах явно читалось: «Где Мерцалов, и где эта выскочка». Но ничто не могло испортить мне настроения. Ведь я присутствовала на записи одной из самых рейтинговых программ телевидения. И пригласил меня сюда сам ведущий.

— Максим, пойдём перекурим, надо кое-что обсудить, — главный режиссер взял Мерцалова за плечи и потащил из студии.

— Ася, посиди пока на моем месте! — подмигнул Мерцалов.

— Ой, да что вы! Не стоит, наверное.

— Посиди-посиди, — он ободряюще улыбнулся и вышел из студии.

Мерцалов явно понимал мои чувства. А может, он и сам когда-то был таким же выскочкой, приехавшим покорять «Останкино» из провинции?

Вокруг сновали гримеры и ассистенты, координатор неодобрительно на меня поглядывала. Но мне было все равно. Мне казалось, что я сейчас нахожусь в центре управления Вселенной. Свет, камера, вот сейчас я услышу: «Мотор», подниму голову и скажу:

— Здравствуйте, в эфире новости. В студии Анастасия Земляникина.

Еще никогда мне не удавалось так близко подойти к своей мечте.

Открылась дверь павильона — это вернулись с перекура Максим Мерцалов и главный режиссер. Я потихоньку выскользнула с освещенной площадки и снова устроилась у стены. Ну что ж, хорошего понемножку. Пока мое место здесь.

Перерыв закончился, и съемочная группа преступила к записи второго блока подводок. Мне все здесь безумно нравилось. То, как спокойно и уверенно Мерцалов держался на площадке, и то, как он, явно привыкший командовать, здесь беспрекословно слушался своих режиссеров, и то, как слаженно работала его команда.

Наконец все закончилось. У одного из операторов на днях был день рождения, и после съемки коллегам предложили выпить по стопке коньяку. Я решила, что самое правильное потихоньку слинять, ведь никого, кроме Мерцалова, я здесь не знаю.

Он догнал меня в дверях.

— Пойдем к нам!

Я покачала головой.

— Мы с этим парнем даже не знакомы. К тому же я тут не работаю, просто пришла посмотреть. Неудобно. Большое спасибо вам за приглашение на запись, я получила большое удовольствие.

— Не за что, приходи всегда, когда захочешь, — он широко улыбнулся, продемонстрировав свои слишком идеальные, чтобы быть настоящими, зубы. — Можешь подождать меня на стоянке? Я вернусь через пять минут. Пить не буду — за рулем. Есть разговор к тебе.

Я кивнула. Такого поворота я никак не ожидала.

У Мерцалова есть ко мне разговор. О чем, интересно? Будет переманивать к себе на работу? Как он там сказал, «жаль, что вы пока еще не мои сотрудники». С другой стороны, мало ли что он там сказал из вежливости? У него своя слаженная команда высококлассных профессионалов, в которую не попасть. И то, что мы сделали несколько удачных исследований, еще не делает нас суперспециалистами. Мы репортеры, и снимать эксклюзивные репортажи — наша работа.

Я шагала по стоянке вдоль разношерстных машин телевизионщиков — простеньких «матизов» и роскошных «родстеров» и пыталась угадать, о чем будет разговор. Когда Максим в светлом льняном костюме вышел из подъезда телецентра, я все еще терялась в догадках.

— Ты не против, если мы переместимся в одно тихое местечко? Здесь недалеко. Там спокойно поговорим без лишних ушей.

Я кивнула. В телецентре сплетни рождались в одно мгновение, и остановить потом этот поток было невозможно.

Мы сели в машину — у Максима оказался хороший, но не роскошный седан. Через пятнадцать минут автомобиль притормозил у ресторана.

Это было уютное заведение в восточном стиле с приглушенным светом и негромкой музыкой. Мы устроились за столиком в углу и заказали зеленый чай.

— Я обожаю этот ресторанчик, — признался Максим. — Когда сюда попадаешь, кажется, что спрятался. И никто не найдет.

— Неужели популярность действует вам на нервы? — я недоверчиво вскинула бровь.

— Прошу тебя, говори мне «ты». А то я чувствую себя древним стариком. Я, конечно, уже не молод, но не до такой степени. Мне тридцать семь, — честно говоря, выглядел Мерцалов старше своего возраста. А может, это статус добавлял ему солидности. — Не то чтобы на нервы действует... Просто не всегда приятно, что за тобой наблюдают. Иногда возникает желание от этого отдохнуть. Например, когда сидишь в ресторане с красивой девушкой.

И знаете, только тут я наконец призналась себе, что интерес ко мне знаменитого телеведущего скорее мужской, чем профессиональный. Нет, он вовсе не собирается никуда меня переманивать. Ну разве что к себе домой. А я-то, дурочка, уже себе навоображала! Да если бы он и в самом деле впечатлился нашими подвигами, он позвал бы и Женьку с Дворнягиным тоже. И не в ресторан, а, скорее всего, к себе в кабинет, где горит яркий свет и не звучит никакой расслабляющей музыки.

Но вот что теперь делать? Он мил и обходителен и пока что ничего лишнего себе не позволяет, а значит, встать и уйти невежливо. Сказать, что я замужем? Еще глупее. Всем известно, что это не так. В «Останкино» такие вещи не скроешь.

Он еще не сказал и не сделал ничего такого, что можно было бы истолковать превратно. Но этот восточный ресторан с будуарным освещением, подушки на полу, мягкий тон его голоса и кошачьи повадки, точно у ягуара, готового к прыжку. Он во всем походил на экзотического хищника, заманившего жертву в свое логово и теперь вдруг решившего еще немного с ней поиграть. Напоследок.

Я чувствовала себя как под гипнозом. Он что-то говорил о телевидении, рейтингах программ и тропических островах, на которых я никогда не была. И даже про какую-то рейтинговую телевизионную программу, которую он планирует снимать на тропическом острове.

Потом он показывал мне первый выпуск своей передачи на планшете и попросил подойти ближе, чтобы мы оба могли видеть экран. И вдруг, я даже сама не успела понять, как это произошло, одним движением он усадил меня к себе на колени.

И вдруг туман рассеялся. Я увидела перед собой не загадочную телезвезду с повадками ягуара, а банального соблазнителя, действовавшего по отработанной схеме.

Я вскочила и, пробормотав что-то вроде: «Мне надо идти», бросилась прочь из ресторана.

На следующее утро, в субботу, в семь сорок пять, когда ночные телевизионные бригады уже отправляются спать, а дневные сотрудники еще не прибыли на работу, я вызвала Женьку и Олега в «Макс» на экстренное совещание под девизом «Что же теперь будет».

— Ну правильно, ты бы еще ему по морде съездила, — сказала Женька, глотая кофе и отчаянно пытаюсь проснуться. Она успела провести в постели всего два часа после клуба, и вот я ее вытащила. — Потому что если б еще и по морде съездила, тогда бы надо было из страны линять. Вообще-то странно, что у тебя еще утром пропуск сработал.

— Везет тебе, Земляникина. Из Питера уехала, потому что племянник шефа хотел на тебя жениться, и тут опять то же самое...

— Во-первых, это не он, это дядя хотел его женить, к тому же ситуация несколько иная. Но в целом ты прав. Почему это случается именно со мной?

— Ясное дело почему. Потому что ты у нас... кто? Принцесса, — хмыкнул Дворнягин.

— Какая я, к черту, принцесса? К твоему сведению, я пять лет прожила в общеаге, по соседству с мышами и тараканами.

— Тогда ты была принцессой в изгнании, — не сдался Олег.

— Точно-точно, — поддакнула ему Женя, — у нее ведь даже у кота имя, как у маркиза. Серж де Журфак. Нет бы просто Серегой назвать.

— Это мы еще скромно умалчиваем про папу генерала, но мы-то знаем, что кровь у нее голубая, — не унимался друг.

— Ты еще Марину подговори гороха под простынку накидать, чтобы проверить, будут ли синяки, — вздохнула я. — Вы бы лучше посоветовали, что мне с Максимом Мерцаловым делать. Как себя вести, чтобы дров не наломать.

— А может, мы зря драматизируем, — Женя пожал плечами и потянулась за тостом, — может, тебе стоит просто начать с ним встречаться и посмотреть, что из этого выйдет? Он не женат, ты тоже у нас холостая. Мужчина он симпатичный.

— А если ничего не получится?

— Тогда главное — расстаться друзьями, — заметил Олег. — Так он тебе нравится или нет?

— Как-то не задумывалась об этом... Если честно, мне другой мужчина нравится.

— Об этом другом мужчине не смей даже упоминать! — Женька в порыве отбросила тост и джем и теперь размахивала ножом, при помощи которого только что собиралась сотворить бутерброд. — Этот другой мужчина от тебя примерно на таком же расстоянии, как новорожденная дочь Короля эстрады! У тебя случайно нет друга детства во Владивостоке, чтобы изловчиться и побеседовать с ним. За все время, что я тебя знаю, я только и слышу об этом Александре. И ни разу за это время он не соизволил приехать. Хотя бы чтобы убедиться, что ты тут жива-здоровая. Фу.

Дворнягин согласно закивал.

— Вот-вот. Послушай мудрые слова подруги. Когда мужчине нравится женщина, он подходит и говорит ей об этом. Как Мерцалов. А этот твой Саша вообще неизвестно где.

— Он был женат...

— Ключевое слово — «был». После того, как жена умерла, почему он не приехал? Хватит уже страдать. Пора позаботиться о своем будущем. Тем более, перед тобой

открываются такие заманчивые перспективы.

Но оказалось, самое невероятное ждет нас впереди.

В понедельник на планерку вместе с шефом как ни в чем не бывало явился Мерцалов.

— Что он здесь делает?! — шепнула на ухо Женька, но Света тут же на нее цыкнула, поэтому пришлось нам замолчать. Я только руками развела — не знаю, мол.

— ... Так что разрешите вам представить моего нового заместителя и новое лицо нашего канала, всем вам хорошо известного Максима Мерцалова.

Коллеги захлопали, Максим заулыбался и, как он это обычно делает, едва заметно подмигнул мне.

А я... едва не грохнулась в обморок.

— И он ничего не сказал тебе в пятницу?! Ни на записи, ни в ресторане? — недоумевала Женья, когда мы наконец остались вдвоем в своем углу редакции.

— Нет... По-моему нет, не говорил...

— Что значит «по-моему», Земляникина?! — обычно спокойный и насмешливый Дворнягин тоже был взбудоражен. Очевидно, чтобы успокоиться, он взъерошил волосы, потом пригладил, потом снова поставил дыбом. — Ты понимаешь, что он теперь один из наших начальников?

— Что же в этом плохого? По-моему, еще недавно ты им восхищался, — напомнила я.

— Я им и сейчас восхищаюсь, — вздохнул друг. — Просто теперь карьера всех троих будет зависеть от твоей личной жизни.

— Да почему?! — реакция друзей приводила меня в отчаяние.

Ну чем я виновата? Что опять сделала не так? Не того мужика кофе облила? Отдел выдает эксклюзив за эксклюзивом. Если рейтинги программы растут в геометрической прогрессии, то кто же уволит таких чудесных сотрудников? Да никто. Им могут только поднять зарплату. А если уволят, так тут же возьмут на другой канал, к конкурентам. Какая связь между интересом Мерцалова ко мне и нашей работой?

То, что это связь существует, стало понятно уже на следующей планерке. Добрых сорок минут он расхваливал нашу троицу. До тех пор, пока более опытные корреспонденты, уже успевшие было проникнуться к нам уважением, не стали косо поглядывать.

А после планерки он вызвал меня к себе, естественно, одну, демонстративно запер дверь и долго задавал бессмысленные вопросы по поводу работы отдела и новых репортажей, при этом бесцеремонно меня разглядывая. Он больше не позволял себе распускать руки, и потому у меня не было формального повода встать и уйти, как в прошлый раз. Все что мне оставалось — упорно делать вид, что я не замечаю, как он пытается заглянуть в мой вполне целомудренный вырез.

В конце концов он заявил, что устраивает корпоратив в честь вступления в должность.

— Жду тебя в девять, — он назвал адрес. — Друзей своих можешь тоже захватить.

Он махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена. Вообще, в этой его игре в кошки-мышки появилось что-то новое. Теперь у него была надо мной власть. Вполне формальная. Он стал моим начальником. А значит, имел право вызывать меня к себе в кабинет и выставять вон, когда вздумается. Было похоже, что он собирается от души насладиться этой возможностью.

Когда я оказалась в коридоре, девчонки-продюсеры, до моего появления оживленно о чем-то беседовавшие, вдруг замолчали.

Все. Похоже, ко мне уже прицепили этот ярлык. Любовница шефа. Не так важно, что на

самом деле происходит за закрытыми дверями. Важно, что говорят об этом в коридоре. Моя репутация неотвратимо гибла, причем без всяких на то оснований. Забавно, когда у меня в самом деле был роман с Даниилом Воропаевым, моим начальником, шефом автомобильного издательства, все в «Тачке» относились ко мне прекрасно. Здесь, на телевидении, меня готовы были закопать заживо просто за то, что Мерцалов мне подмигнул.

— Вообще-то это круто, что нас позвали, — улыбнулся Олег. В последнее время я не могла предсказать реакцию друга заранее. Он то внезапно начинал злиться на меня, а то вдруг радовался, как ребенок, новым обстоятельствам. Мерцаловым он восхищался и одновременно благоговел. Женька же не скрывала, что считает ситуацию опасной.

— Это как игра в покер: мы или сорвем сейчас куш, или продуемся в пух и прах, — говорила она.

— И от чего это, по-твоему, зависит?

— От того, как ты умеешь блефовать.

Если честно, я не была уверена в этой своей способности, но делать было нечего. Я оказалась втянута в игру помимо воли.

После работы мы отправились на вечеринку к новому шефу.

— Все-таки то, что взрослый человек, большой босс, устраивает вечеринку по поводу вступления в должность в девять вечера у себя на квартире, не может не настораживать, — вздохнула я, когда мы в супермаркете выбирали дорогой коньяк в подарок хозяину дома.

— А, то есть как к Примадонне в гости без приглашения ходить, это ничего страшного, — хмыкнул Дворнягин. — Да не бойся ты. Он пригласил не тебя одну, а треть редакции новостей. К тому же мы с Саней будем рядом.

Правда, Саня ушла с вечеринки уже через час — отравилась некачественным коктейлем, который, как потом выяснилось, кто-то принес в банках и просто перелил в бокалы.

Несколько полупьяных редакторш танцевали в гостиной под хиты девяностых, доносившиеся из роскошной стереосистемы. Массивные колонки в деревянном корпусе были установлены по обе стороны от огромного домашнего кинотеатра. Похоже, хозяин на технике не экономит. Интересно, а включает ли он хоть когда-нибудь этот кинотеатр? Или, как большинство из нас, успевает насладиться телевидением на работе?

Дворнягин надрался до поросычьего визга и, умоляя меня никуда без него не уходить, отправился отдохнуть в глубь квартиры.

Гости понемногу расходились.

— Ася, мне надо с тобой поговорить, — вдруг сказал Максим, внезапно оказавшись рядом.

Черт. Вот именно этого я и боялась.

Он потянул меня за руку, и мы оказались в спальне.

Да как это вообще выходит, что я, не давая ни малейшего повода, увязаю все глубже?! И где эти хреновы друзья, которые обещали быть рядом и не оставлять меня ни на минуту, а сами куда — то делись?! Где вообще все остальные сотрудники редакции?!

— Я думаю, ты уже поняла, что очень нравишься мне. И знаешь, если мы подружимся, что-то в твоей жизни точно изменится к лучшему.

Он провел рукой по моей спине, и я мысленно отругала себя за то, что оставила кофту где-то на кухне, когда помогала резать салат. Теперь на мне был только топ на узких бретельках и джинсы.

Я внимательно посмотрела на Мерцалова, пытаюсь оценить ситуацию.

К несчастью для меня, нельзя было сказать, что он пьян, а потому не отвечает за свои слова и поступки. А значит, вариант слинять потихоньку, а потом списать все на алкоголь отпадает. Придется разговаривать.

— Послушайте. Вы же взрослый человек, настоящий профессионал... Ну вы же понимаете, что это ни к чему хорошему не приведет. Про нас с вами уже ходят сплетни.

— Во-первых, я просил говорить мне «ты», — а вот и случилось то, чего так боялись мои друзья. Мерцалов начал злиться. — А во-вторых, поверь моему опыту, когда в коллективе появляется такая девушка, про нее всегда ходят сплетни. Вне зависимости от того, что она делает и как себя ведет. Могу тебе одно обещать — если ты ничего не будешь делать, то ничего хорошего происходить не будет. В профессиональном плане.

Ого. А это уже похоже на угрозу.

— Я не хочу вас... тебя обидеть. Ты, безусловно, очень привлекательный мужчина. Просто суперпривлекательный. Я бы даже сказала, секс-символ нашего телевидения, — я прикусила язык. Ну вот, старалась подсластить пилюлю и, похоже, перегнула палку.

Вместо того чтобы охладить пыл Максима, моя тирада его только раззадорила. Особенно титул секс-символа, очевидно, пришелся ему по душе.

— А хочешь секса со мной? — вдруг спросил он без обиняков.

В этот момент дверь в спальню широко распахнулась, и на пороге возникла тучная блондинка весом килограмм сто, не меньше. У дамы была стильная стрижка-каре и большие голубые глаза, готовые меня испепелить.

— Макс! Чем ты тут занимаешься?! Немедленно разберись со своими бабами!

— Девушка, послушайте, — начала было я.

— Не девушка, а Людмила меня зовут!

М-да, очень принципиально нам сейчас с тобой знакомиться.

— Пошла вон! Или пусть эта тварь отсюда проваливает, или уйду я!

— Спокойно-спокойно. Я пошла вон. Только отдайте мне, пожалуйста, мою кофту.

Из-под кровати показались один за другим два остроносых мужских ботинка сорок третьего размера, а потом вылез и весь Олег Дворнягин полностью.

— Ну зачем вы так орете, — пьяным голосом возмутился друг. — Мешаете человеку спать.

Еще никогда в жизни я не была так рада его видеть.

— Олег, пойдем скорей отсюда.

— Извините, дорогие друзья, — широко улыбнулся Олег, — мы вынуждены покинуть вашу вечеринку. До новых встреч!

Потом он обнял совершенно обалдевшего Мерцалова за шею и чмокнул в щеку.

Надо сказать, эффектное появление Дворнягина произвело впечатление даже на Людмилу. Потому что она поставила на место статуэтку Орфея, которой уже собиралась, видимо, в меня запустить, и дала нам спокойно уйти. Мы, ясное дело, задерживаться не стали.

И только оказавшись на лестничной клетке я поняла, что в квартире осталась не только наша верхняя одежда, но и моя кофта. Возвращаться мы, конечно же, не рискнули. Так и сидели на подоконнике, пока не приехала машина такси. Пьяному Дворнягину море было по колено. Он пел песни и уверял меня, что жизнь прекрасна и удивительна.

Ага. Удивительна. Это уж точно.

Утром в редакции меня встретила разъяренная Света.

— Ты что себе позволяешь?! Ты хоть понимаешь, с кем связалась?! Я для тебя столько сделала, я пробила для вас отдел, я твоего друга-гея превратила в приличного корреспондента, хотя у руководства были серьезные сомнения на его счет. А ты за один вечер умудрилась все свести к нулю. Земляникина, ты идиотка?!

Я решила, что речь идет о Мерцалове.

— Понимаю. Но ситуация была безвыходная. Если надо уволиться, я готова.

— Боюсь, что одним увольнением ты не отделаешься! — рявкнула начальница. Никогда ее такой не видела.

— А что, за отказ руководителю уже в тюрьму сажают? — съязвила я. Терять-то было нечего.

— Какой отказ? Хочешь сказать...

И тут я все поняла. Ну конечно. Испорченный телефон уже сработал. Как всегда.

— Разумеется, между мной и Мерцаловым ничего не было. Он предложил — я отказалась. Причем постаралась сделать это как можно тактичнее. Это правда. Хотя правда здесь, похоже, никого не интересует. Но ты... Мы ведь уже давно работаем бок о бок. Как ты могла в это поверить, Свет?

Света сейчас напоминала остановленную на скаку лошадь. Ноздри по инерции все еще продолжали яростно раздуваться. Но в голове уже сработал стоп-сигнал. Наконец она собралась и кивнула, как бы говоря, что верит мне.

— Ты знаешь, от какой новости я проснулась сегодня в семь утра? Мне позвонили и сказали, что Земляникину в чем мать родила выгнала из дома жена Мерцалова.

Я прыснула. Настолько невероятно звучала эта история. Света, глядя на меня, тоже рассмеялась.

— Слушай, но ведь Мерцалов же даже не женат! — давясь от хохота, сказала я.

Света вмиг посерьезнела.

— Он вот уже несколько лет встречается с очень влиятельной в наших кругах дамой. Это хуже, чем быть женатым. Людмила Шульгина, она...

— Я знаю, кто она, — ойкнула я. Людмила Шульгина руководила доброй половиной одного из главных каналов страны, да к тому же дружила с женой руководителя самого главного канала. Похоже, мне крышка.

— Я была одета, — внесла ясность я. — И у меня есть свидетель. Он был с нами в комнате.

— И кто этот свидетель? — заинтересовалась Света.

— Олег Дворнягин.

— Час от часу не легче. Его даже слушать никто не станет. Ну что, так или иначе, но ты нажила себе двух врагов — Мерцалова, которому отказала, и Шульгину, которой перешла дорогу. Теперь они сделают все возможное, чтобы от тебя избавиться и заткнуть куда подальше. У тебя остались связи на телевидении Владивостока?

Я кивнула.

— Вот, сейчас как раз пригодятся.

— Тогда уж я лучше в Калининград поеду, там родители.

— Подожди сдаваться. Может, все еще как-нибудь образуется.

То, что эти надежды тщетны, стало ясно уже к обеду. По телецентру ходили слухи о расформировании отдела. Несмотря на протесты друзей, я написала заявление об уходе. Еще не хватало, чтобы из-за меня Женька с Олегом тоже остались без работы.

В половине четвертого я с судьбоносной бумагой поскреблась в дверь кабинета Виктора Алексеевича Рыбина, главного редактора службы информации и большого друга Мерцалова.

Он долго и внимательно изучал мое заявление. Намного дольше и внимательнее, чем следовало. Как будто давая мне последнюю возможность передумать. Но я не собиралась менять решение.

— И чем ты собираешься дальше заниматься, можно полюбопытствовать? — он снял очки, бросил их на кипу бумаг и посмотрел на меня усталыми глазами.

— Ну... я буду искать новую работу. Возможно, вернусь в родной город...

— А кто мечтал стать ведущей на центральном канале? Не ты ли, Земляникина?

— Просто... Обстоятельства изменились...

Я не знала, что сказать. В данной ситуации все аргументы звучали глупо. Ну зачем же он меня мучает? Ведь знает же, почему я на самом деле ухожу. Не может не знать.

— А что конкретно изменилось? Ты уже раздумала быть телезвездой?

— Нет, то есть... Мне кажется, я не смогу здесь выжить, — наконец сказала я правду. — И я не хочу, чтобы из-за меня пострадали другие люди.

— Есть одна притча на эту тему, которая мне очень нравится, — сказал Виктор Алексеевич. — Сейчас Юля, моя секретарша, сделает нам кофе, я расскажу, а ты слушаешь.

Ага. Чего мне сейчас не хватает для полного счастья, так это как раз притчи.

— Однажды маленькие лягушата решили забраться на вершину башни. Собралось много зрителей, которые хотели посмотреть на эти соревнования и посмеяться над их участниками. Соревнования начались. Никто из зрителей не верил, что лягушата смогут забраться на вершину башни.

Слышны были такие реплики: «Это слишком сложно! Они никогда не заберутся на вершину». Или: «Нет шансов! Башня слишком высокая!». Маленькие лягушата начали падать. Один за другим. За исключением тех, у которых открылось второе дыхание. Те прыгали всё выше и выше. Толпа всё равно кричала: «Слишком тяжело! Ни один не сможет это сделать!». Ещё больше лягушат устали и упали.

Только один поднимался всё выше и выше. В конце концов все поддались. За исключением того одного лягушонка, который, приложив все усилия, забрался на вершину! Тогда все захотели узнать, как ему это удалось. Как он смог найти в себе силы?

Виктор Алексеевич выжидательно посмотрел на меня.

Я пожала плечами. Сил разгадывать загадки и участвовать в соревнованиях уже просто не было. Я чувствовала себя лягушонком, который уже почти свалился. Так, цепляется еще одной слабеющей лапкой, но это почти ничего не значит.

— Оказалось, что победитель был глухой! Он просто не слышал, что кричали за его спиной зрители. И потому победил. Поняла, красота моя? Пей, кури, переспи со всеми — мне все равно. Но вот если ты будешь плохо работать, тогда я сам тебя уволю. А пока отправляйся-ка ты в отпуск. На две недели. За это время все немного уляжется, найдутся новые темы для разговоров у наших кумушек. Люду Шульгину я давно знаю, она дама вспыльчивая, но отходчивая и очень умная. Ну а с Максом я сам поговорю. Отстанет он от

тебя, не беспокойся.

— Я даже не знаю, что и сказать... Спасибо.

— Не за что, — кивнул Виктор Алексеевич. — Увидимся через две недели.

Вот так совершенно неожиданно я оказалась в отпуске. И надо сказать, очень кстати, потому что до свадьбы Марины и Вадима оставалось всего-то девять дней. Мне предстояло не только быть свидетелем со стороны невесты, но и организовывать выкуп.

Свадьбу решено было сыграть в Бологом, точно посередине между Питером и Москвой. Это было удобно гостям — друзья жениха из Москвы, наши с Маришкой университетские товарищи приедут из Петербурга. Для праздника арендовали турбазу на берегу живописного озера. В конце ноября с учетом проливных дождей сделать это было не сложно. Ждать следующего лета Маришка категорически отказалась.

— Я просто не могу уже. Устала от всего этого — одиночества, безденежья, съемных квартир. Это ты хочешь сделать головокружительную карьеру. А я... я просто хочу замуж и детей. Вполне возможно, что к следующему лету я уже буду беременна.

Я кивнула. Ну что ж, моя подруга действительно знает, чего хочет. В отличие от меня. Я старалась не думать о своем возвращении в «Останкино» после отпуска и том, как все сложится дальше.

Всю свою энергию, весь свой драйв я решила направить на подготовку свадьбы Маришки. Потому что, знаете ли, эта девочка заслуживает самой прекрасной свадьбы на Земле.

Платье невесты шила жена арабского посла, известный модельер. Марина увидела ее работы на выставке национального костюма и тут же загорелась. На следующий день после того, как Вадим сделал предложение, она позвонила Мадине и стала уговаривать сшить национальный свадебный наряд для их вполне европейской свадьбы, вот только нижнее платье сделать с глубоким вырезом — не могла же она, в самом деле, упустить возможность продемонстрировать на церемонии одно из главных достоинств фигуры. Модельер согласилась. Ее не смутило ни декольте, ни то, что невеста — голубоглазая блондинка. Мадина даже призналась, что подобный случай уже однажды был в ее практике — тогда прекрасная украинка выходила замуж за арабского шейха.

После того как состоялась последняя примерка платья, Марина спешно задумалась, во что бы нарядить меня. До торжества оставалось всего два дня.

— Ты знаешь, — вдруг сказала подруга, — я когда букет выбирала, просмотрела целую гору свадебных журналов. И вот в одном из них была потрясающая фотография: невеста в кипенно-белом, а свидетельница — в черном бальном платье. Невеста — блондинка, а свидетельница — брюнетка. Прямо как мы с тобой! Представляешь, как круто?

— Ээээ... Ты в самом деле хочешь, чтобы я заявила на твою свадьбу во всем черном? Это как-то не принято... А что подумают гости?

— Да какая разница, что они подумают. Главное, это красиво и эффектно! — не стала сдаваться Марина.

— Хорошо, тогда другой вопрос. Где мы возьмем черное бальное платье за два дня до свадьбы?

— Вот это проблема. У тебя есть хоть какое-нибудь черное платье?

Я залезла в недра своего необъятного гардероба и извлекла на свет два маленьких черных платья в стиле незабвенной Шанель. Одно я не надевала ни разу, в другом как-то ходила с папой на прием. Лет семь назад. Еще до Питера, общаги, знакомства с Мариной,

Москвы, «Останкино»... В другой жизни, в общем.

— Это все не годится, — покачала головой Маришка. — Я хочу, чтобы ты была шикарная. Коктейльные платья хороши, но они для другого. Надо, чтобы мы обе выглядели как принцессы. Пойдем по другому пути. Какие у тебя есть бальные платья? Только не предлагай то красное, в котором ты ходила на выпускной в университет. В нем ты, пожалуй, меня затмишь, а это все-таки моя свадьба.

Я задумалась. И вдруг, совершенно неожиданно, про него вспомнила!

— Есть у меня один наряд... Бальный и даже почти черный. Я купила его на распродаже за семьсот рублей. Купила как раз потому, что он стоил копейки и остался именно мой размер. Честно говоря, я даже не представляла, куда его можно надеть.

И я достала тот самый костюм из темно-фиолетовой, почти черной органзы с переливами. Пышная бальная юбка, корсет на шнуровке и палантин из той же ткани на обнаженные плечи.

— И ты купила эта великолепие за семьсот рублей?! — присвистнула подруга, когда я, по ее настоянию, примерила наряд. — А я за свое платье почти сто тысяч отдала, и неизвестно еще, кто будет красивее!

— Если хочешь, я надену что-нибудь другое. Любое платье, которое ты выберешь, — быстро сказала я. — Это твоя свадьба, и ты там главный персонаж.

Маришка тепло улыбнулась. Между нами никогда не было соперничества. К счастью, мы были совершенно не похожи, мужчины нам нравились очень разные, а потому нам никогда не приходилось соревноваться всерьез.

— Мы берем это платье, решено. Это именно то, что я хотела. Позвоню родителям, пусть тоже наденут что-то фиолетовое.

Другие Маришкины подружки, прознав, что фиолетовый будет главным цветом свадьбы, тоже успели где-то раздобыть соответствующие наряды. Так, в самый последний момент костюм, купленный за семьсот рублей на распродаже, задал тон всему мероприятию.

Это был хмурый и пасмурный осенний день. К счастью, обошлось без дождя. Утром мы устроили выкуп. Я решила сделать его в виде путешествия из Петербурга в Москву, которое, собственно, и привело к встрече Марины и Вадима. Жених со свидетелем покорно изображали паровозик, передвигаясь от одной подружки невесты к другой, по пути отгадывая и припоминая факты из жизни Марины, а также выполняя задания. Больше всего я гордилась конкурсом, во время которого Вадиму пришлось вышивать имя невесты, а его лучшему другу Борису — перегрызть зубами нитку. Маришка у нас мастерица, пусть они тоже попробуют хоть раз в жизни что-нибудь вышить. Мальчишки справились на ура.

Я услышала, что один из гостей со стороны жениха сказал, что сестра у Марины настоящая красавица. Это изречение, представьте, относилось ко мне. Причем было совершенно очевидно, что выпив пару бокалов, парень точно пойдет со мной знакомиться. То, что нас посчитали сестрами, совсем не удивило — да, у нас были разные родители, но жизнь сделала меня и Марину по-настоящему близкими людьми.

Наконец, все препятствия были преодолены, невесту благополучно выкупили, родители Вадика накормили молодых хлебом с солью, и теперь Маришка плакала от счастья в объятиях любимого мужчины, рискуя испортить профессиональный макияж.

Все направились по широкой лестнице, щедро украшенной цветами. Специально приглашенные флористы постарались на славу. Лестница вела к деревянному настилу, на

котором все те же флористы установили арку, увитую гирляндами и цветами. Преобладали фиолетовые орхидеи. Снова привет моему платью. И когда только Маришка успела всех предупредить? Впрочем, может быть, это просто совпадение.

Перед аркой на деревянном настиле располагались кресла для гостей. Я увидела Дворнягина и Женьку и помахала им. Ребята были частыми гостями в нашей квартирке, и Марина не преминула пригласить их на торжество. Я, конечно, была ей за это страшно признательна.

Мое место было сегодня рядом с молодыми. На случай, если вдруг понадобится моя помощь. Если честно, в жизни чаще бывало наоборот: я попадала в историю, а верная Марина приходила меня спасать. И вот теперь, наконец, представилась возможность вернуть долг. Хотя бы частично.

Все собрались, и тишину нарушили звуки вальса. Музыка будто отражалась от зеркальной глади воды, звуки будто бы становились чище и громче. Даже солнце решилось на небывалый для ноября подарок, и его лучи внезапно прорвали хмурые тучи.

Спустя мгновение гости наконец заметили скользящую по воде лодку. На веслах был жених, а рядом — прекрасная Маришка в бесподобном платье, достойном восточной принцессы. Даже у меня на глаза навернулись слезы. А мать невесты рыдала навзрыд. Марина заслуживает самой красивой свадьбы. Но происходящее превзошло даже самые смелые ожидания.

Жених и невеста поднялись на помост и остановились под аркой напротив регистратора. Она завела свою традиционную речь, и вдруг... Я даже не успела понять, как это произошло. В тот момент, когда женщина предложила молодоженам обменяться кольцами, эти два прекрасных символа супружеской верности, сделанные на заказ известным ювелиром, выскользнули из ее рук. Вадим среагировал молниеносно, но успел поймать только одно кольцо. Я разглядела, что Маришкино. Второе, проскользнув между досками деревянного настила, упало в озеро. Такой растерянной я не видела подругу никогда. И самое ужасное, я совершенно не знала, чем помочь ей в этой ситуации. Я привычно оглянулась на Женьку и Олега, ища у них поддержки, но они были шокированы не меньше моего. Дворнягин отмяк первым. Он бросился к арке и, стихийно взяв на себя роль тамады, начал привычно балагурить, что, мол, если уронить не на пол, а в воду, это вовсе не плохая примета, а наоборот, добрая. Гости в шоке и звенящей тишине внимали Олегу. Кто-то из собравшихся уже признал в Дворнягине известного телевизионного репортера.

Он появился внезапно. Из-за спин курящих гостей, которые предпочли не садиться на стулья, а выстроились позади всех, тихонько переговариваясь и покуривая. В первый момент мне показалось, что мы в «Останкино», срывается программа. И он пришел, чтобы спасти ситуацию. Тррр-ррр. Вообще-то мы не в телецентре, а на полпути к Петербургу, на турбазе в Бологом. Он не знаком с невестой и, насколько знаю, с женихом тоже. Что он здесь делает?!

Прежде, чем я успела найти хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение, Максим Мерцалов прыгнул в воду. Как был — в своем безупречном костюме, дорогих ботинках и, кажется, даже в часах.

Я бросилась к бортику. Прошло несколько долгих минут. Может быть, даже мгновений. Дворнягин помог ему подняться. Максим был мокрый от макушки до пят. Глупый, безрассудный поступок. Разве можно что-то найти в ледяной озерной воде?

Но мокрый Мерцалов молча подошел к Вадиму и что-то протянул ему. Обручальное кольцо! Ему удалось!

Маришка мгновенно просияла, Олег схватил молодоженов за руки и побежал обмыть в озере правую руку невесты, после чего торжественно объявил, что кольца теперь одинаковые.

Тут и настоящий тамада очнулся. Гостей позвали фотографироваться с молодыми. Я пропустила всех вперед и подошла самая последняя.

— Как хочешь, но теперь тебе придется его поцеловать, — шепнула Маришка на ухо, обнимая меня.

— Откуда он вообще тут взялся, объясни мне?! Я помню список гостей наизусть, фамилии Мерцалов в нем не было!

— Это был наш секрет... Он очень просил... У них с Вадимом общий знакомый в рекламном бизнесе, один раз встречались, оказывается. Он здесь ради тебя.

— Пожалуй, его оправдывает только одно, — фыркнула я.

— То, что он спас мою свадьбу?

— Вот именно.

Все гости мужского пола наперебой предлагали Максиму свою сухую одежду и ботинки, но он наотрез отказался переодеваться. Прямо так и пошел на банкет — во всем мокром.

И да, пригласил меня на медленный танец.

— Послушай, я уже немолодой человек, хоть и довольно известный. И, наверное, не самый положительный герой. Но я сделаю для тебя все. Выходи за меня замуж.

Должно быть, я никогда не смогу объяснить, почему согласилась.

Свадебное платье было длинным, облегающим и ярко-красным. Мы наплевали на все традиции. Не было ни выкупа, ни ресторана с тамадой. Только наши родители, Виктор Алексеевич, Маришка с Вадимом, Женька и Дворнягин.

И тем не менее, на это торжество невесты как пробились корреспонденты «Жести» и других желтых изданий. Наутро фото нашей свадьбы можно было увидеть в каждом киоске страны. Но нам было плевать. Сразу после загса мы с Максом улетели на Мальдивы. Этот Новый год был для меня совсем необычным — я встречала его на белоснежном коралловом песке в окружении тропических пальм, под огромными звездами, какие бывают только вблизи экватора.

Здесь было много русских, и все без исключения соотечественники узнавали Мерцалова. А он каждому встречному, готовому слушать, рассказывал, что недавно женился на лучшей девушке на Земле. Скоро мы стали самой популярной парой на острове. Без нас не обходился ни один веселый вечер.

Мы съездили на экскурсию в Мали, и Макс купил мне цветных сарафанов в восточном стиле. А еще у меня впервые в жизни зимой был загар, а не головная боль из-за монтажа новогодней программы.

Я не была влюблена в Макса так, как когда-то в Сашу. И даже так, как в Данилу Воропаева. Но я восхищалась им и, безусловно, гордилась. К новому статусу замужней женщины мне еще только предстояло привыкнуть.

Он купил мне кольцо. С самым большим бриллиантом, какой я когда-либо видела. И небрежно сказал, что если меня не устраивает дизайн его пятикомнатной квартиры, то я могу все переделать.

Знаменитый женский журнал «Бэль» сделал меня лицом номера. Мама вырезала обложку, заказала для нее рамку и повесила на стену. Там еще была большая статья обо мне, называлась она «Принцесса папарацци». Название придумал Дворнягин, материал писала его давняя знакомая. Корреспондентка умело подогнала мою жизнь под образ современной золушки, которая, приехав из провинции, разом покорила Москву, «Останкино», Мерцалова.

И, конечно, в глубине души я понимала, что это тоже — часть шоу. Часть образа супермена. Но мне, черт возьми, нравилось быть молодой и красивой женой самого сексуального ведущего страны. И да, я была готова ему подыгрывать.

Возвращение в «Останкино» было поистине триумфальным. Со мной здоровались абсолютно все, даже те, кого я прежде знать не знала. За утро понедельника я получила больше десятка предложений вместе пообедать. Но перекусить отправилась, как всегда, с Женей и Олегом.

— Как же я рада, что все благополучно разрешилось, — улыbnулась Женька, заказав, по своему обыкновению, вместо супа суши.

— Я был уже уверен, что полетят наши головы следом за твоей, — кивнул Дворнягин. — Ты просто умничка.

— Да что я? Это он за мной приехал в Бологое на свадьбу Маришки и сделал предложение!

— И как это только Людмила отдала тебе без боя такого мужика? — недоумевала подруга.

— Оказывается, у них давно все было кончено. Просто она хотела сохранить видимость отношений. Ну, в целях пиара, понимаете. Поэтому и договорились, что со своими любовницами он будет встречаться по-тихому. Поэтому она и озверела, увидев, как Макс обнимал меня во время корпоратива. Ничего личного, только бизнес.

— Вот ведь стерва, — резюмировал Олег.

Я пожалала плечами:

— Ну почему, это ведь происходило по обоюдному согласию. А потом Макс объяснил бывшей, что у нас серьезно, и она отпустила его на все четыре стороны. Даже поздравление на свадьбу прислала.

— Да ну?! Какое же? — полюбопытствовала Женя. — «В который раз на те же грабли. Будь счастлив, дорогой»?

— Ну не знаю, на те же, не на те же, — хмыкнул Олег, — но его первая жена уже несколько лет успешно ведет утреннее шоу на Тринадцатом канале.

— Тогда за те же грабли! — Женя подняла бокал с компотом, мы чокнулись и выпили.

Мне казалось, будто я внезапно поменялась местами с героями своих звездных расследований. Это за мной теперь следили тысячи глаз, это моего появления ждали на шикарных мероприятиях, это обо мне писали репортеры светской хроники. Мною восхищались. Мои наряды обсуждали. Мне завидовали.

И знаете, эта жизнь мне страшно нравилась.

Хотя формально ничего, кроме семейного положения, не изменилось. Я по-прежнему работала в звездном отделе новостей вместе с Женькой и Дворнягиным, и мы, как всегда, занимались расследованиями.

Время от времени муж заводил разговор о том, что неплохо бы нашему отделу стать официальной рубрикой программы с собственным ведущим. То есть, конечно же, с собственной ведущей. Макс намекал, что мог бы этому поспособствовать, провентилировать вопрос, так сказать. Но я не хотела торопить события. Из-за внезапного замужества на меня ополчились все телевизионные кумушки. Если через два месяца я заявлю, что хочу быть ведущей, это может вызвать такую лавину, что она погребет под собой не только мою карьеру, но и карьеру Мерцалова.

Наученные горьким опытом, мы оба понимали это. Стоит немного подождать. Хотя бы год. Да к тому же я обожала эту работу и своих друзей. Каждую неделю — новое приключение. Мы трое, как плотно подсевшие на иглу наркоманы, уже не могли обходиться без сумасшедшего драйва и наших невероятных расследований.

Кстати, на днях к нам в новости взяли нового режиссера монтажа. Вы, конечно, не поверите, но это Анфиса Сергеевна. Та самая дама, которая нашла для нас комнату в день приезда в Москву. Кажется, это было в другой жизни. Теперь я хозяйка квартиры в элитном жилом комплексе в самом центре столицы. «Москва найдет для деревца хоть краешек земли». А ведь и правда, этот город щедр на подарки. Надо только работать. Точно знать, чего хочешь, и, как сумасшедший, верить в свою мечту.

Вот и Анфиса Сергеевна очень скоро вставит себе зубы (с новой-то зарплатой) и удачно выйдет замуж. Вот увидите. Я в этом даже не сомневаюсь.

На этой неделе мне предстояло каким-то образом пробраться на юбилей к одному из самых известных юмористов страны, чтобы задать юбиляру неприятный вопрос — почему он, собственно, поссорился с другим не менее известным юмористом, своим бывшим другом. Ходили слухи, что артисты не поделили театр.

В назначенный день я вместе с оператором явилась в театр, где и планировались торжества. Сумку со скрытой камерой на всякий случай тоже захватила.

Мне было известно, что юморист не одобрил ни один из журналистских запросов, не пригласил ни один канал. Но все без исключения, как и я, явились без приглашения.

Артисту исполнялось шестьдесят — он был стреляный воробей, и потому вокруг театра ходили люди в штатском с овчарками. Кое-кто из коллег, прождав полчаса и поняв, что ловить нечего, собрался и уехал.

К остальным вышел пресс-секретарь театра, который вежливо попросил нас удалиться. Никого, мол, все равно не пустят, закрытое мероприятие. Две съемочные группы последовали его совету.

Я уселась на батарею и заявила, что никуда не поеду, потому что редактор сказал мне, что разрешение есть. И если вернусь ни с чем, меня просто уволят. Охранник начал уже мне сочувствовать, хотя пропускать все равно не хотел. Наверное, тоже боялся быть уволенным. Но я-то помнила притчу про маленьких лягушат и так просто сдаваться не собиралась.

Через час ожидания на служебном входе остались только мы с оператором и съемочная группа Тринадцатого канала. Их журналистка оказалась не промах. Во-первых, она тоже отчаянно врала, что разрешение есть и даже интервью с юбиляром обещано. Во-вторых, по ее взгляду я поняла, что она признала во мне супругу своего бывшего руководителя и прекрасно понимает, что я ломаю комедию.

За десять минут до начала мероприятия, когда надеяться было уже решительно не на что, к нам вышел растерянный пресс-секретарь и сообщил, что в последний момент именинник велел впустить всех журналистов, которые не уехали. Было видно, что парень и сам удивлен таким решением начальника.

Правда, нам разрешили снять только первые десять минут праздничного концерта, но главное — мы были внутри!

Пробиться в примерку к юмористу с букетом наперевес было уже делом техники. Спустя десять минут артист нехотя промямлил в камеру, что, в принципе, не держит зла на своего заклятого друга.

Видимо, в честь праздника настроение у него было благостное. Дальнейшие вопросы по поводу войны за театр, как и следовало ожидать, разозлили юбиляра, но мы сумели вовремя смыться.

Расположившись в мягких креслах у одного из входов в зал, мы почувствовали себя в безопасности.

— Мы молодцы, — говорила я оператору Диме, который к пятой, вечерней съемке был уже чуть живой. А тут еще пришлось уносить ноги от юмориста. — Главное, сняли все, что нужно. Ему сейчас некогда нас ловить и выгонять, так что успеем еще и начало концерта снять. Все удачно.

Дима был уже не в силах разговаривать, поэтому просто кивнул.

Я подняла глаза и прямо перед собой увидела ее. Я, каждый день снимавшая по десятку знаменитостей, впервые видела воочию эту женщину. В первую секунду я решила даже, что это мираж. Примадонна стояла в двух метрах от меня, и рядом не было ни одного журналиста.

— Быстро вставай, включай камеру и снимай, не отставай ни на шаг, — тихо, но четко сказала я Диме.

Два раза повторять ему было не надо. Усталость моего оператора как ветром сдуло.

В тот вечер Примадонна ответила на все мои вопросы.

Потом мы зашли в зал. И я поняла, почему сюда так отчаянно не хотели пускать журналистов. Зал был полон знаменитостей. Тут, кроме нас и ушедшей съемочной группы Тринадцатого канала, не было ни одного человека, чье имя не гремело бы на всю страну. Народные артисты, известные политики, олигархи сидели плечом к плечу. Такого я еще ни разу в жизни не видела.

И вдруг бывший вице-премьер, тот самый, политику которого всегда одобряла моя бабушка, вскочил со своего места, опустился на одно колено перед Примадонной и поцеловал ей руку. А Дима, конечно же, все это снял. Оператор Тринадцатого канала тоже, но у них не было эксклюзивного интервью.

Да, утром я получила обещанную премию. Конечно, злые языки поговаривали, что место для охоты на Примадонну мне подсказал муж. Но мне было решительно все равно. Я и те люди, чье мнение для меня важно, знали правду. Знал ее и Макс.

На майские праздники мы с ним решили слетать в Марокко. Свои босоножки я убила еще на Мальдивах, во время медового месяца, и в Москве был еще не сезон для летней обуви.

После долгих раздумий решила посетить «Охотный ряд». Там, в торговом центре под Манежной площадью, наверняка ждет свою хозяйку моя шикарная пара босоножек.

Я бродила по магазинам, напевая под нос композицию модной певицы, чью личную жизнь мы как раз сейчас расследовали, как вдруг...

Он заметил меня первым и бросился ко мне так быстро, как только мог на своих маленьких ножках. Это был Владик.

— Привет!

— Ты? Как вы здесь?

— Папу перевели служить в Москву в центральный аппарат.

Саша был так же красив, как тогда. И мне пришлось приложить некоторое усилие, чтобы снова не засосало в зеленый омут его глаз.

Нет уж, стоп. Раньше он был женат. А теперь замужем я.

— Пойдем попьем кофе, ну пожалуйста! — попросил Владик, схватив меня за руку.

Вот ему я не смогла отказать. Мы устроились в кофейне у фонтана.

— Я слышал, ты вышла замуж. Поздравляю.

— Спасибо. Я тогда должна, наверное, принести тебе соболезнования. Если честно, не знаю, как это правильно делается.

Он махнул рукой.

— Благодарю.

— Ты знаешь, она мне действительно нравилась. Просто... видимо, жизнь так сложилась...

Помолчали.

Тишину нарушил Владик. Он очень о многом хотел мне рассказать. Мы проболтали не меньше часа, и я, вопреки воле, чувствовала, что тоже соскучилась по этому чудесному малышу, так рано оставшемуся без матери.

За соседним столиком парень возился с фотоаппаратом. Я подумала, что у него чудесная модель. Не меньше трех тысяч долларов стоит такой агрегат. В следующий момент я узнала и самого парня. Это был корреспондент «Жести».

Стоит ли говорить, что на следующее утро на первой полосе самой желтой газеты и на их сайте в интернете красовалась фотография, на которой Саша держит меня за руку за

столиком кафе.

— Очень нежно, ты не находишь?! — злился Макс.

— Да это старый знакомый. Он меня с замужеством, кстати, поздравлял в этот момент. С нами был его ребенок. Да что я объясняю. Макс, ты разве не знаешь, как это делается?

Сколько раз я влезала в квартиры, души и семьи, делая жизнь звезд всеобщим достоянием? Мы всегда оправдывали себя тем, что это наша работа, а человек сам решил стать знаменитостью, заранее зная, на что идет. И вот я оказалась по другую сторону камеры папарацци. И рушилась моя собственная, а не чья-то чужая жизнь.

Мой муж прекрасно понимал, что между мной и Сашей ничего не было и быть не могло. Я видела это по его глазам. Но Мерцалова это нисколько не волновало. Ему было важно лишь то, что подумают окружающие. Супермен оказался рогоносцем. Где это видано? Мне кажется, он бы скорее согласился на то, чтобы я и в самом деле ему изменила. Но только по-тихому, без огласки.

Только тут я наконец осознала, за кого на самом деле вышла замуж.

Он нервно курил прямо в гостиной, наплевав на все установленные мною правила. Одна ошибка. Даже, скорее, оплошность. И все, Мерцалов перестал меня уважать.

— Послушай... — предприняла я очередную попытку увещевать разбушевавшегося супруга.

— Не хочу ничего слушать, — рычал Макс. — Я знаю только то, что мы с тобой еще и полгода вместе не живем, ты мне абсолютно посторонняя женщина, а уже умудрилась так меня подставить!

— Слушай, ты выбирай все-таки выражения!

— Что ты сказала?!

Муж размахнулся и что есть силы ударил меня по лицу. Из носа пошла кровь.

— Кто ты и кто я. Подумай над этим, — он хлопнул дверью.

Я подумала.

Через час после его ухода вещи были собраны. Я позвонила на работу и предупредила, что сегодня меня не будет. А потом отправилась к Марине с Вадимом.

Когда мы с Максом поженились, многие гляцевые журналы называли наш брак свадьбой года. Еще бы!!! Самый завидный холостяк отечественного телевидения наконец позволил себя окольцевать. Развод вызовет резонанс минимум вдвое сильнее. Но оставаться рядом с мужчиной, который поднял на меня руку, я не могла и не хотела.

Он звонил, а я не брала трубку.

Он приехал, и Вадик не впустил его в квартиру.

Потом позвонил Виктор Алексеевич и сказал, что он, конечно, все понимает, но если я не выйду на работу, то буду уволена.

Женька с Дворнягиным придумали для меня командировку в Питер, чтобы еще хоть на несколько дней оттянуть неизбежную встречу с Мерцаловым.

Русская топ-модель, жена английского аристократа и мать троих детей, по слухам, собиралась разводиться с мужем. В эту пятницу красавица будет открывать бутик в Петербурге. И Женька даже сумела договориться об интервью. Правда, пиарщица модели уверена, что все вопросы будут касаться исключительно благотворительности. Мне же предстоит выпытать подробности развода и задать несколько провокационных вопросов по поводу новой пассии.

Наверное, самая неизменная вещь на свете — это граненые стаканы с подстаканниками

в поездах. Пить чай и чувствовать, что с каждым глотком, с каждым километром становишься ближе к счастью. Мне кажется, люди всегда едут за счастьем. Мы все почему-то считаем, что счастье далеко. И у меня так всегда было. Очередной билет на поезд — всегда начало новой погони за мечтой.

Но вот сейчас, сидя в поезде со стаканом обжигающего чая, мне вдруг до боли захотелось вернуться. Отыскать себя настоящую. Отчаянную девчонку в рваных джинсах из общаги на кораблях. Принцессу в изгнании, которая твердо знала, чего хочет и куда идет.

Я мечтала стать знаменитой. Что ж, сегодня мою фотографию можно найти в каждой желтой газете. И я, как в том старом анекдоте, уже надеваю черные очки, чтобы меня не узнавали.

Самое ужасное, что работу я, скорее всего, тоже потеряю. Как раз из-за этой самой известности. Информационный киллер должен уметь слиться с толпой, стать одним из обитателей мегаполиса. Только так он получит доступ в святая святых и снимет эксклюзивное расследование. А мне теперь не сыграть роль официантки, секретарши, практикантки. Теперь, после скандального развода, люди будут видеть во мне жену Максима Мерцалова. Бывшую жену.

Никакие парики, очки, линзы не спасут. Всегда найдется тот, кто узнает тебя за всем этим маскарадом. Руководству просто не выгодно держать засвеченного сотрудника. В этом профессия папарацци схожа с разведкой, где служит Сашка.

Они просто наймут молоденькую двадцатидвухлетнюю выпускницу журфака, полную энтузиазма и мечтающую заниматься расследованиями.

Скорее всего, это мой последний сюжет для нашего отдела. Потом, в лучшем случае, переведут во «взрослые» новости. Если руководство не смутит моя подмоченная репутация.

Я знала, что сделать этот, вероятно, последний, материал сенсацией — дело чести. Уйти со сцены надо достойно. Но, хоть убей, не видела в топ-модели жертву.

Во-первых, она мне всегда нравилась. Простая девчонка из Саратова сделала головокружительную карьеру в мире моды, заработала миллионы, да еще успела к тридцати годам стать многодетной мамой. И выглядит при этом великолепно! Утерла нос всем нашим останкинским курицам, которые боятся, что рождение даже одного ребенка безнадежно испортит фигуру и потому откладывают материнство лет до сорока.

Во-вторых, Женька немного порылась в грязном белье великосветского семейства и выяснила, что французский аристократ — самый настоящий алкоголик. Да к тому же игрок, проматывающий состояние жены. Что ж, если она решила развестись в такой ситуации, это вполне логично.

В-третьих, теперь я знала, что чувствует человек, когда папарацци объявляют на него охоту.

Похоже, это дело, на первый взгляд элементарное, станет для меня самым сложным за всю историю отдела. Как будто киллер влюблен в свою жертву.

Питер встретил грозой и проливным дождем. Директор программы забронировал наш любимый отель на Невском. Спустя каких-то полчаса после прибытия поезда я уже набирала воду в джакузи.

Я заказала в номер бутылку шампанского и устроилась в пенной ванной с бокалом. Включила гидромассаж и тут же ощутила приятное покалывание в спине и ступнях. Обычно я так не делаю. Обычно отдых — только после съемок. Но сегодня мне просто необходимо расслабиться. Как и следовало ожидать, ванна и шампанское придали мне сил.

Я тщательно наложила макияж, сделала и без того большие глаза огромными. Ослепительно белое платье-свитер с объемным воротником в сочетании с темными локонами, широкий белоснежный пояс, такого же цвета лосины. Высокие каблуки сделали образ броским.

Я снова была готова жить и работать.

В два часа дня мы с оператором Димой сели в машину. В графике топ-модели первым пунктом значилось посещение стройплощадки благотворительного центра. И лишь потом — презентация бутика. Большинство журналистов, разумеется, явятся сразу на фуршет. Значит, нам необходимо начать со стройплощадки.

Один из старинных особнячков в центре Питера был подвергнут капитальному ремонту. Через пару лет, по планам модели, здесь должен заработать реабилитационный центр для детей, больных аутизмом. Я не ошиблась — мы были единственной съемочной группой, которая явилась сюда. Кроме нас только пиарщица манекенщицы скучала возле входа. По моему, она обрадовалась, что не зря вышла из дома в грозу.

— Татьяна скоро приедет. Заходите скорей, а то промокнет техника.

Техника. Ага. Ну конечно. Кого в наше время интересуют живые люди.

Но едва я оказалась в подъезде под безжалостным электрическим светом...

— О боже мой! Это же вы! Вы Анастасия Земляникина! «Принцесса папарацци»! Я читала про вас статью в «Бэль». Вы здесь! Наши не поверят!

— А что вас, собственно, удивляет?

— Просто не ожидала. Разве вы сами ездите на съемки? Как простой корреспондент?

Ну, началось.

— Как видите. И, кстати, не вижу в этом ничего зазорного.

— Конечно-конечно, — пришла в себя пиарщица. — Может быть, кофе?

Через пару минут нам с Димкой подали вполне сносный, для стройплощадки, кофе и даже, представьте, раздобыли эклеры.

— Кому как, а мне лично нравится, что ты теперь тоже звезда, — шепнул довольный оператор.

Супермодель задерживалась. Пиарщица скакала вокруг нас как ненормальная, исполняя любой каприз, нервничала и без конца звонила ассистентке.

Через час у меня зародились смутные сомнения.

— Послушайте, Диана. Давайте говорить начистоту. Тем самым мы сэкономим друг другу время. Она ведь не приедет, так? Не хочет в такой ливень вылезать из гостиницы или просто нашла занятие поинтереснее?

Диана опустила глаза. Значит, я права.

— Давайте сделаем так. Я сейчас тоже поеду в гостиницу и буду готовиться к презентации. При этом совершенно на вас не обижусь...

В глазах Дианы сверкнула надежда. Ей явно хотелось подружиться с восходящей звездой, коей она наивно меня считала. Грех этим не воспользоваться!

— Я совершенно не обижусь на вас, если наша съемочная группа будет первой, кому даст интервью на открытии бутика Татьяна Бриллиантова.

— Конечно-конечно, — залебезила пиарщица, хватаясь за соломинку. — Съемки любой продолжительности, и можете задать Татьяне любые вопросы.

Ну надо же. Впервые в жизни разговор на самые неудобные темы будет легален.

Для вечера я приготовила ярко-красное платье от «Прада». Когда снимаешь одну из

самых знаменитых русских красавиц, тоже хочется не ударить в грязь лицом.

Бриллиантова, как и следовало ожидать, была ослепительна. Золотые, коротко подстриженные кудри, небесно-голубые глаза, подчеркнутые довольно широкими, безупречной формы бровями, летящими к вискам. Лицо, давно ставшее брендом.

Как это происходит на миллиардах других презентаций каждый вечер, приглашенная звезда перерезала красную ленточку. Щелк!!! Десятки вспышек фотоаппаратов. Готова. Протокольная часть завершена. Теперь каждому из журналистов надо раздобыть интервью самой суперзвезды и других присутствующих знаменитостей. Как и обещала Диана, мы были первыми, с кем побеседовала Татьяна.

Первым делом, пока я только крепила на грудь красавицы петличку, Дима снял ее руки. Как мы и договаривались. В России, откуда родом Бриллиантова, кольцо, как известно, носят на правой руке. Во Франции, почетным гражданином которой является муж Татьяны, носят на левой. Так вот, успела рассмотреть, что ни на одной из рук модели нет обручального кольца.

Для начала несколько вопросов, как водится, о самом мероприятии. Всем ясно, что они никуда не пойдут.

Теперь глубоко вздохнем, наберемся воздуха и наглости...

— А правда, что вы разводитесь с мужем и переезжаете из Парижа в Лондон?

Знаете, реакция этой женщины поразила меня. Любая из наших звезд бросилась бы на меня с кулаками, как актер Банин (и это, разумеется, стало бы гвоздем программы), но Бриллиантова даже бровью своей красивой не повела, проявив фантастическую выдержку.

— Правда? Так говорят. У нас все по-прежнему. Мы действительно часто бываем в Лондоне, но, к сожалению, мы не можем совсем туда переехать, потому что очень привязаны к своей парижской школе. К тому же, английский моих детей вовсе не так хорош. Хотя мы работаем над этим.

Вот так. Просто. Достоинно. Ничуть не смутившись. Не опустив головы.

Вот у кого бы поучиться.

— Говорят, у вас роман с известным режиссером Василием Красовским! Это правда?

— Что вы, мы с Васей очень дружим. И с его невестой Ариной тоже.

Арина Алексеева — известная актриса, отдаленно похожая на Бриллиантову.

— Говорят, ваш муж игрок, причем проигрывает не только свои, но и ваши деньги. Это так?

— У нас семейный бюджет. Мы не делим деньги на свои и чужие.

Любой мой провокационный вопрос Татьяна встречала с фирменной улыбкой и старательно отвечала на него. Она говорила правду, но при этом не ставила под удар ни себя, ни мужа (очевидно, уже почти бывшего), ни режиссера (влюбленного, очевидно, безнадежно), ни его брошенную невесту.

Это был высший пилотаж. Я просто не могла ей не восхищаться. Совершенно очевидно, что Татьяна не только невероятно красива но и по-настоящему умна. Я едва удержалась, чтобы не посоветовать ей открыть курсы по обучению российских селебрити общению с папарацци.

У дверей кабинета, где проходило интервью, выстроились коллеги. Все как обычно. Очередь. Как же хорошо, что мы уже отстрелялись.

Я отработанным жестом попросила Диму следовать за мной, и тут произошло невероятное. Часть журналистов бросились за нами. Они тоже хотели поговорить о разводе.

О моем разводе.

— Это правда, что Максим Мерцалов разводится с вами?

— Как вы будете делить имущество?

— Продолжите работать на одном канале?

— Кто ваш новый возлюбленный? Говорят, он австралийский финансист, это так?

Дима привычно выставил вперед плечо с неподъемной камерой, умело раздвигая толпу, поволок меня к выходу.

Только в машине, когда таксист надавил на газ, я перевела дух.

— Ну как ты? — проявил заботу оператор.

— Ой, не спрашивай. Я в шоке...

— Ну уж ты-то знаешь, как это бывает! Ты же жена Мерцалова. Чему тут удивляться.

— Понимаешь, когда ты — охотник, чувствуешь уверенность и азарт, а когда ты жертва... Дим, это такая уязвимость... это не передать...

— Ты привыкнешь, — уверенно сказал Димка. — Все привыкают.

В гостинице я закрыла дверь номера, повесила табличку «Не беспокоить» и собралась спокойно допить остатки шампанского. Успокоить расшалившиеся нервы. Не тут-то было. Едва я успела наполнить бокал, в дверь постучали. Первой мыслью было не открывать. Вдруг это какой-нибудь папарацци, которому меня заказали. Но потом я вспомнила прекрасную и благородную супермодель Татьяну Бриллиантову и отругала себя за малодушие.

Я уверенно распахнула дверь, готовая к бою. На пороге стоял Макс.

— Можно войти? — скорее для проформы спросил он.

Я застыла в нерешительности.

— Я специально приехал поговорить с тобой. Утром мне нужно быть в Москве. Так что позволь, я все же войду.

Он бесцеремонно отодвинул меня, вошел в номер и также без спроса налил себе шампанского.

— Чего ты хочешь? — спокойно спросила я. — Учти, если что, я вызову полицию, напишу заявление и...

— И утром в интернете напишут, что известный телеведущий Максим Мерцалов избил жену за измену.

— Я тебе не изменяла!

— Да брось! Кого это волнует? — Макс сидел на столе и покачивал бокалом из стороны в сторону. — Успокойся, я не собираюсь тебя бить. Кстати, извини за прошлый раз. Проехали?

— В смысле? Вот просто проехали и все? Ты рассчитываешь, что после того, что случилось, мы продолжим жить вместе?

— А почему бы и нет? Ты оплошала, я погорячился. Зачем трагедию-то раздувать.

— Я оплошала? Да в чем? Я просто встретила знакомых и выпила с ними по чашке кофе.

— Не прикидывайся дурочкой! Важно не что ты делала, а что попало в прессу.

— То есть наш брак — витрина?

— Если хочешь назвать это витриной, назови это так. Суть не поменяется.

Соответствовать моему статусу — твоя обязанность.

Я опешила.

— Ты это всерьез?

— Конечно. Давай налью еще шампанского.

Он наполнил мой бокал до краев.

— Ну что, мир?

Я вдруг совершенно четко поняла, что сейчас, без публики, он настоящий. Он пришел договариваться. Пришел потому, что скоропалительный развод подпортит ему имидж. А если я в шоке от его цинизма, так Максу плевать. Лишь бы в газеты это не попало.

Именно по этой причине я не стала охать и ахать. Спокойно, стараясь воспроизвести уверенный тон Татьяны Бриллиантовой, сказала:

— Я согласна сохранять видимость брака столько, сколько нужно. Если необходимо, могу даже жить пока у тебя. Но с этого момента мы больше не вместе.

Я ударила своим бокалом о его бокал и залпом выпила шампанское.

Макс казался немного удивленным, но, надо отдать ему должное, быстро опомнился.

— Ну, раз ты так хочешь... В принципе, меня это устраивает. Официально разведемся следующей зимой. В этом случае я могу обещать, что расставание никак не отразится на твоей карьере. Более того, я буду помогать тебе и в будущем.

Я кивнула и жестом попросила налить мне еще шампанского. С этого момента он перестал быть моим мужем. На столе в моем номере сидел деловой партнер. Я чувствовала странное облегчение. Будто села на перроне не в тот поезд, но успела выскочить на следующей остановке. Не слишком далеко уехала и не очень много времени потеряла.

— А кого ты снимала сегодня? — любопытствовал Макс.

— Татьяну Бриллиантову. Ты знаешь, она шикарна. Никогда не подумаешь, что родила троих.

— Если честно, я вообще не понимаю, зачем люди заводят детей, — признался Мерцалов.

Я недоумевала, как вообще умудрилась выйти замуж за этого мужчину.

— Ну что, может быть, в последний раз? — он продемонстрировал свою фирменную улыбку, от которой сходили с ума все домохозяйки страны.

Я покачала головой.

— Ну как знаешь, — судя по тону, не слишком расстроился.

Чмокнул меня в щеку и вышел из номера.

Еще успеет на «Сапсан».

Когда я вернулась из командировки, Виктор Алексеевич объявил, что переводит меня в основной отдел новостей. Для расследований я теперь не годилась — куда ни приезжала на съемки, все меня узнавали.

Я продолжала жить в квартире Мерцалова, но сам он бывал там редко и не доставлял мне никаких неудобств.

Так удалось дотянуть до конца телевизионного сезона. А летом меня ждал законный оплачиваемый двухмесячный отпуск. Настоящая роскошь! Вот только где его провести, чтобы не подставить Макса?

И тут я вспомнила про приглашение Ильи Андреевича Пустова. Что ж, пожалуй заповедник, куда туристам вход воспрещен, где не ловит мобильная связь, сейчас для меня идеальное место.

На всякий случай я не стала звонить из Москвы. Просто купила билет на самолет и прилетела в Приморье. Первую ночь провела в гостинице «Океан». Заказала роскошный ужин с морепродуктами и долго гуляла по Набережной, глядя в волны. Как же

здорово, оказывается, сбежать на край света от вспышек фотоаппаратов, заносчивых звезд и вечно интригующих коллег.

Утром я купила местную SIM-карту и позвонила Пустову. Он был во Владивостоке и собирался в заповедник только через три дня, но меня пригласил отправиться в его владения немедленно. Так я и поступила.

И знаете, это был лучший отпуск в моей жизни. Я вскакивала с рассветом, Матвей Иванович кормил меня яичницей с черным хлебом, потом были долгие морские прогулки в одиночестве. В мечтах я всегда именно так представляю себе идеальный морской отдых: нас только двое — я и море. Вот почему не слишком люблю все эти престижные многолюдные курорты, которые так обожает Макс, мой, пока еще, муж. Я говорю с морем. Советуюсь. Ищу и нахожу в нем ответы. Каждая наша встреча — уже откровение. Но если вокруг другие люди, эта связь нарушается. В заповеднике я и море были предоставлены друг другу.

Иногда мне составлял компанию Илья Андреевич. Теперь он вел себя сдержанно и уважительно. Вся эта история с домогательствами и его ревностью осталась в прошлом. Теперь мы были друзья. Ни я, ни он не говорили о Саше. Это было бы слишком больно.

Втайне, где-то очень глубоко в душе, я надеялась, что они приедут. Что вот, хлопнет дверь кордона, скрипнут половицы, и я узнаю тяжелые мужские шаги и топот маленьких ножек. К концу второй недели я поняла, что этого не будет, и смирилась со своим одиночеством.

Ведь, собственно, именно за одиночеством я сюда и прилетела. Прилетела, чтобы поставить жизнь на паузу и перевести дух. Мне надо о многом подумать. Жаль только, что отмотать назад, увы, ничего не получится. Это так же ясно, как то, что, сколько бы я здесь не пряталась, в конце концов все равно придется нажать кнопку «плей», сесть в самолет и вернуться в Москву.

Это лишь временная передышка. И нужно использовать каждый час, чтобы определиться хотя бы с главным.

Ну разведусь я с Максом, а дальше что? Всю жизнь работать корреспондентом в новостях? Место, безусловно, хорошее, но не совсем то, о чем я мечтала. И кем я вообще хочу быть, «когда вырасту»? Прокуренной телевизионной стервой или многодетной матерью?

Передо мной было множество вопросов без ответа, жизнь казалась бескрайней, как Японское море. А отпуск был достаточно долгим, чтобы подумать обо всем.

Накануне возвращения в Москву я чувствовала себя спокойной и умиротворенной.

В последний день я легла уже было спать, но вдруг мне стало так грустно оттого, что уже завтра я вернусь в «Останкино» и, может быть, не увижу море целый год. Я быстро вскочила, натянула шорты и майку, а на голову надела каску с фонариком — чудесную вещь, выданную мне для вечерних прогулок Пустовым.

У егерей, как всегда, была вечеринка в гостинной. Причем, судя по голосам, они уже дошли до кондиции, и на берег их явно не потянет. Значит, никто мне не мешает.

Я бежала бегом. Будто боялась опоздать на эту последнюю встречу. От вида бухты захватило дух. Было полнолуние, и луна темным серебром отражалась в совершенно спокойной, гладкой воде. А вдалеке темнели загадочные карликовые сосны. Неудержимо тянуло слиться с этой красотой. Я пожалела, что не взяла купальник, но уже в следующее мгновение вспомнила, что никто сюда не придет, и больше не колебалась ни секунды. Шорты и майка оказались на песке, а я вошла под ласкающий слух плеск воды в теплое

море.

Счастье, от того просто, что я живу, что я все это вижу и чувствую, было таким огромным, что просто не умещалось во мне. Я нырнула, полностью погрузившись в пучину, и решила, что буду возвращаться сюда всякий раз, когда почувствую, что жизнь потеряла смысл. Жить стоит для того просто... чтобы жить. Это уже божественный подарок.

Вдруг я почувствовала, что чьи-то сильные руки обхватили меня. Если бы нападавший хотел убить меня или изнасиловать, ему бы это не составило никакого труда — я была абсолютно незащищена. Но в следующую секунду я вдохнула его запах. И решила, что, наверное, все же сплю. Уж слишком все это похоже на мои фантазии.

Он развернул меня к себе и поцеловал. Я могла спросить, что он здесь делает. Поинтересоваться, что все это значит. Удивиться тому, что в абсолютной тишине он смог подкрасться ко мне незаметно, без всплеска и шороха. Но я не хотела, чтобы он останавливался. Ни за что. Мы оба слишком долго этого ждали.

Утром Саша провожал меня в аэропорт. Дежавю. Когда-то мы уже прощались здесь. Только в тот раз я провожала его в командировку.

— Муж встретит тебя? — спросил он, стараясь скрыть эмоции, но голос все равно дрогнул.

Мы даже не успели ни о чем поговорить. В какой-то момент все, что происходит с нами в повседневной жизни, оказалось мелким и неважным. Мы несколько часов непрерывно наслаждались друг другом.

— У меня больше нет никакого мужа. То есть, формально есть, но это только потому, что так надо для работы. К Новому году все официально будет кончено.

Саша подхватил меня на руки и закружил по зданию аэровокзала, совершенно не обращая внимания на то, что все смотрят на нас.

Потом поставил на пол и с жадностью поцеловал.

— Как же хорошо, что мы далеко от Москвы, а на мне очки и кепка, — шепнула я. — А то бы все узнали раньше времени, что знаменитый Мерцалов со мной развелся.

— И правильно сделал, — серьезно сказал Саша. — Иначе мне бы пришлось его убить.

Это был самый обычный, ничем не примечательный осенний день. Я пыталась разогнать коварную тоску и, глядя на дождь за окнами телецентра, отчаянно старалась не думать о бескрайней заснеженной тайге, тиграх, леопардах, Саше с Владиком. Все это было, кажется, в другой жизни. А ведь не прошло даже двух лет... Я пила утренний американо в «Максе» и изо всех сил оттягивала момент, когда придется вставать и идти в редакцию. А потом брать кассету и ехать на съемки. Даже в этом волшебном королевстве бывают серые будни.

И тут передо мной возник с загадочной улыбкой Олег Дворнягин.

— Все бросай и пойдем со мной! — потребовал друг.

— Я не могу, Олежка, у меня выезд через пятнадцать минут. — Съемки...

— Бросай свои съемки!

Он схватил меня за руку и потащил по лестнице на второй этаж, туда, где располагаются студии.

— Ты можешь хотя бы объяснить, куда мы идем? — шипела я, осознав, что сопротивляться бесполезно.

— Сейчас сядешь перед камерой и прочитаешь маленький текст. Для тебя это раз плюнуть. А потом езжай спокойно на свои съемки.

Я, конечно, села и прочитала. А через две недели мне позвонили и сообщили, что я прошла кастинг.

Так Анастасия Земляникина стала ведущей федеральных новостей.

Но я знала, что все самое сложное еще впереди. Мне еще только предстоит пережить развод со знаменитым мужем. Я знала, что он будет подобен урагану. Я, как молодое, неокрепшее деревце, либо согнусь до самой земли, но выстою, или сломаюсь.

Нас развели легко, без проволочек и лишних вопросов. Но, конечно, официальное расторжение брака было лишь началом.

Каких только версий не строили папарацци! Говорили, что у меня любовник. Что у него другая семья. И даже что Макс — гей. Мы на все вопросы папарацци дружно отвечали, что сохранили дружеские и профессиональные отношения. В принципе, это было правдой. Но ведь вымысел тоже неплохо продается. И коллеги продолжали фантазировать. Желтая пресса мусолила наш развод во всех подробностях недели две, пока одна известная актриса не родила ребенка с синдромом Дауна.

Прочитав обо мне в газетах, позвонил Данила Воропаев и сказал, что если что, я всегда могу вернуться на работу в «Тачку». Возвращаться я не собиралась, но все равно было приятно.

Я твердо знала, что как бы ни было сложно, я останусь здесь, в телецентре, и бок о бок со своими друзьями продолжу путь к вершине.

Впервые в жизни мне было плевать, что станут говорить обо мне в останкинских коридорах.

Я стала глухим лягушонком.

Работа на телевидении — нервы, подставы, сексуальные домогательства. Зимой — королевские зарплаты, а летом — долги. Кофе по ночам, чтобы выжить. Постоянный дедлайн. И... триста тридцать три удовольствия.

Одно из таких удовольствий — командировки. Приехать в какую-нибудь полузаброшенную деревеньку с микрофоном центрального канала — понт особый. Есть у нас один корреспондент, скажем, э... Вася. Так вот, этот Вася зелёный НТВэшный микрофон из цепких ручек вообще не выпускает. Если рискнёте отобрать — начнётся истерический припадок, и тогда я вам не завидую. Тем более, что предупреждала. Ибо без микрофона Вася кто? Обычный калужский мальчик двадцати пяти лет, тощенький и рыженький. А с этим доспехом — корреспондент телевидения. Ну вы понимаете. Почти что супергерой. Сибирские мужики к нему с самогоном, сибирские бабки. А негодяи, как услышат, что корреспондент телевизионный в их деревню приехал, сами прибегут интервью давать. В общем, париться нечего. Разве что в деревянной баньке. А потом сразу за стол. Кстати, и в родной Калуге Вася-с зелёным-микрофоном — человек уважаемый. Он к ним раз в три месяца катается. В командировку. Ага.

На днях и мне повезло. Командировка не куда-нибудь, а во Владивосток мой любимый. Город, где все началось. Началось тоже, кстати, с командировки. Там, в Приморье, каждая встречная псина, породистая и не очень, до сих пор кидается жать мне лапу. Особенно любят меня бродячие собаки. Что уж говорить про людей. И вот когда я в своём «Останкино» совсем уж разобижусь на судьбу в лице какого-нибудь начальника, забираюсь на чёрную лестницу и веду с собой диалог. Такой примерно: «Вот не будь ты, Земляникина, такой дурой, были бы у тебя муж и сын и по вечерам ты играла бы с ними в бильярд и смотрела бы ди-ви-ди».

Через пару дней после нашей последней встречи в заповеднике Саша улетел в очередную командировку. И слава богу, потому что иначе нам ни за что не сохранить тайну до Нового года.

Я отчаянно по нему скучаю. Порой мне кажется, что все мысли и чувства написаны у меня на лице. Любой, кто взглянет, мгновенно узнает правду. И тогда я вновь убегаю на черную лестницу. Если постараться, тихий уголок можно найти даже у нас в «Останкино». Мне страшно. Я очень боюсь, что там, в неизвестной даже мне стране, на очередном опасном задании с моим любимым мужчиной что-нибудь случится и он больше никогда ко мне не вернется. Всё. Сердце рвётся. Тушь течёт. Остаётся себя пожалеть, вспомнить, что мне уже (подумать только!) двадцать три, и можно бежать по родным останкинским коридорам в любимую студию, по дороге не заметив Лопырёву, мисс не-помню-какого-года (а ведь она поздоровалась), и сбив с ног Малышеву.

Три секунды до эфира, две одна...

— Здравствуйте! В эфире новости. В студии Анастасия Земляникина.

Год назад я ни о чем подобном и помыслить не могла.

Вы любите Новый год? Я — нет. Самое ужасное — это ожидание чуда, которого ни-когда не происходит.

Есть же на свете, должно быть, такие счастливые женщины, у которых любимый муж, белый ковёр в загородном доме, и огонь в камине скачет, отбрасывая смешные отсветы. И пушистый кот, и малыш в колыбельке сопит.

У меня есть только моя работа. Неделю я веду новости, а другую неделю снимаю эксклюзивные репортажи по всей стране.

Вчера я вернулась из Владивостока. Без Саша этот город показался мне пустым. Несколько раз рука тянулась к телефону, но я так и не набрала его номер.

Зачем? Стоит ли ворошить старое.

Наверное, он и думать обо мне забыл. А то бы непременно появился. Он теперь вдовец. Нет больше никаких непреодолимых препятствий. Значит, причина была вовсе не в жене. А в том, что мужчине моей мечты я попросту не нужна. Замужество тоже оказалось фарсом, от начала и до конца. В пылу ссоры Мерцалов признался мне, что подстроил историю с упавшими кольцами на свадьбе Марины. Выяснилось, что он просто заплатил регистраторше, что бы та их уронила. Хотел быть героем в моих глазах. А может, и не только в моих. Ведь трогательный рассказ о том, как Макс сделал мне предложение, мелькал тогда во всех газетах. По сути, это была не семейная жизнь, а один большой спектакль. Драма, которая быстро закончилась.

Ну что мне сделать, чтобы отвлечься от мрачных мыслей? Испечь торт или, может, сшить де Журфаку костюм Деда Мороза? Вот Маришка с Вадимом удивятся, когда придут в гости.

Принять решение я не успела — раздался звонок в дверь. Даже не глядя в глазок я распахнула её и... обомлела. На пороге стоял... Владик. Тот самый Владик, Сашин сын.

— Ты не дала мне свой телефон, и я к тебе приехал, — деловито заявил он. — Друзья не должны забывать друг друга. Правда?

— Правда.

— А папа...

— Он у лифта прячется, — шёпотом сообщил малыш и подмигнул.

— Эх Влад, не быть тебе потомственным разведчиком. Не умеешь язык за зубами держать.

Он стоял посреди лестничной площадки — небритый, усталый и с рукой на перевязи.

— Ты... ты опять ранен? Ты снова был в командировке? В Пакистане опять, да?

Вы думаете, он ответил хотя бы на один из моих вопросов? Как бы не так. Он зажал мне рот здоровой рукой настолько, что я едва могла дышать.

— Выходи за нас замуж. Пожалуйста.

Отказаться просто не было возможности.

Этот Новый год запомнился праздничным утренником. На нем, как и во времена моего детства, кружили бумажные кружочки конфетти, лежал снег из ваты, девочки были снежинками, а мальчики — зайчиками. Только я теперь не была снежинкой. Я была мамой зайчика с самыми длинными ушами.

Больше книг на сайте — Knigoed.net